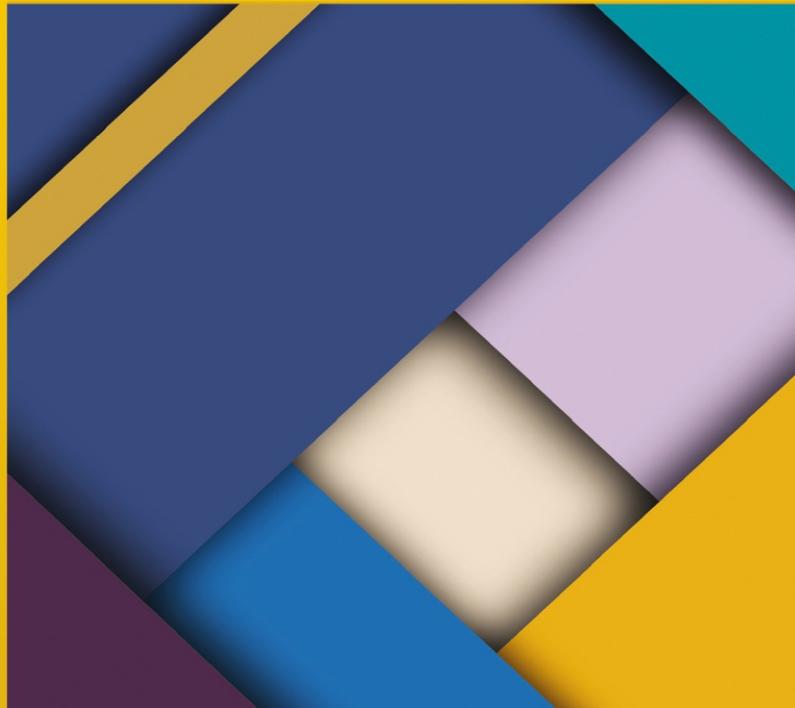

ISSN 2077-1770

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Volume 13, Number 2
2021

ISSN 2077-1770 (print)
ISSN 2218-7405 (online)

Современные исследования социальных проблем

Том 13, № 2
2021

Modern Studies of Social Issues

Volume 13, Number 2
2021

Главный редактор

Т.А. Магсумов кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии им. З.Т. Шарафутдинова ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», Набережные Челны, Российская Федерация

Заместители главного редактора

Н.П. Копцева доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и искусствоведения ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Красноярск, Российская Федерация

С.И. Дегтярев доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, теории и истории государства и права Сумской государственной университет, Сумы, Украина

Ф.Х. Тарасова доктор филологических наук, доцент, декан факультета института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация

Шеф-редактор – Максимов Я.А.

Выпускающие редакторы – Доценко Д.В., Максимова Н.А.

Корректор – Зливко С.Д.

Компьютерная верстка, дизайн – Орлов Р.В.

Технический редактор, администратор сайта – Бяков Ю.В.

Ответственный секретарь – Коробцева К.А.

Красноярск 2021

**Современные исследования социальных проблем /
Modern Studies of Social Issues**

Специализированный академический рецензируемый журнал
Peer-reviewed specialized academic journal

Периодичность. 4 номера в год / Periodicity. 4 issues per year

Том 13, № 2, 2021 / Vol. 13, No 2, 2021

<p>Учредитель и издатель: ООО Научно-инновационный центр</p> <p>Журнал основан в 2009 году Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Свидетельство регистрации ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010 г.</p> <p>Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук</p> <p>Индексирование и реферирование: РИНЦ Ulrich's Periodicals Directory Cyberleninka Google Scholar DOAJ BASE EBSCO WorldCat OpenAIRE ЭБС IPRbooks ЭБС Znanium ЭБС Лань</p> <p>Адрес редакции, издателя и для корреспонденции: 660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192 E-mail: editor@soc-journal.ru http://soc-journal.ru/</p> <p>Подписной индекс в каталоге Почты России «Подписные издания» – 94088</p>	<p>Founder and publisher: Science and Innovation Center Publishing House</p> <p>Founded 2009 The edition is registered by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control Mass media registration certificate PI № FS 77-39176, issued March 17, 2010.</p> <p>Modern Studies of Social Issues is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications issued in the Russian Federation, which should publish main scientific results of doctor's and candidate's theses</p> <p>Indexing and Abstracting: RSCI Ulrich's Periodicals Directory Cyberleninka Google Scholar DOAJ BASE EBSCO WorldCat OpenAIRE IPRbooks Znanium Lan'</p> <p>Editorial Board Office: 9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation E-mail: editor@soc-journal.ru http://soc-journal.ru/</p> <p>Subscription index in the 'The Russian Post' General catalog – 94088</p>
--	---

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2021

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав.кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет

телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБНУ Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Сериккалиева Ажар Еркемовна – доктор философии (PhD) по специальности «Востоковедение», зам. декана факультета востоковедения по научно-инновационной деятельности и международному сотрудничеству, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государ-

ственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеологии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavricheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Azhar E. Serikkaliev – PhD, Deputy Dean of the Faculty of Oriental Studies in Science and Innovation and International Cooperation, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of

the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-14-37

УДК 316.772.3

**ВИРТУАЛЬНОСТЬ И СЕТЬ:
О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СООБЩЕСТВАХ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ
(ОТВЕТ НА МОНОГРАФИЮ М.Г. БРЕСЛЕРА
«ОНТОЛОГИЯ СЕТЕВОГО БЫТИЯ»)***Демичев И.В.*

Данная статья представляет собой ответ и рецензию на монографию «Онтология сетевого бытия» М.Г. Бреслера, вышедшую в 2020 году. Значимость темы и интересные подходы автора, выраженные в монографии позволяют высоко оценить этот труд, однако ряд положений, в том числе, концептуального характера, вызывают резкие возражения. В статье рассматриваются три основных проблемных поля: коммуникативное сообщество, виртуальность в коммуникации и цифровую коммуникативную среду, а также их влияние на функционирование современных социокультурных сообществ. Критикуется концепция «виртуальности», «эпистемического объекта/вещи» и эгалитарных акторно-сетевых сообществ. При этом сетевыми признаются любые социокультурные коммуникативные сообщества, безотносительно технологий и информационной инфраструктуры. Отдельно отмечается специфика современной интернет-коммуникации и интернет-сообществ, как «почти чистой коммуникации». Исходя из критики формулируются основные черты современной коммуникативной среды, построенной на информационных технологиях в интернете.

Ключевые слова: сетевые сообщества; социокультурные сообщества; виртуальность; структура сообщества; коммуникация; интернет

**VIRTUALITY AND NETWORKING:
ABOUT THE SOCIO-CULTURAL COMMUNITIES
OF THE INFORMATION AGE
(ANSWER TO M.G. BRESLER'S MONOGRAPH
'THE ONTOLOGY OF NETWORK EXISTENCE')**

Demichev I.V.

This article is written in response to the monograph "Ontology network being" by M.G. Bresler published in 2020. Significance of the topic and author's noteworthy approaches found in the monograph warrant high opinions about it, however, a number of statements, including those of conceptual character, nonetheless invite strong objections. The article reviews three problematic areas: communicative community, virtuality in communication and digital communicative environment and their influence upon functioning modern of sociocultural communities. The concept of "virtuality", "epistemic object/item" and egalitarian actor network communities is criticised. At the same moment all sociocultural communicative communities regardless of technologies and information infrastructure are considered networked. Special attention is paid to specifics of present-day Internet communication and Internet communities as "almost pure communication". On the basis of the criticism main characteristic features of present-day communicative environment built around information technologies in the Internet are formulated.

Keywords: *network communities; sociocultural communities; virtuality; community structure; communication; Internet*

*Глубина-глубина, я не твой,
Отпусти меня, глубина
С. Лукьяненко «Фальшивые зеркала»*

Проблема изучения новой социальности, в которую неотъемлемым элементов входит «цифровая среда» коммуникации и взаимодействия, достаточно популярна среди современных исследовате-

лей. От частных аспектов влияния информационных технологий на те или иные процессы [см. напр., 9, 8, 17, 10] до постановки фундаментальных философских проблем экзистенции субъекта, искусственного интеллекта и протекания социокультурных процессов [13, 18, 16] – кажется, что охвачены все исследовательские поля. Однако можно заметить одну специфическую тему, сопровождающую рефлексию информационной сферы, становящегося информационного общества. Эта тема, насколько можно судить, характеризует противоречия в мышлении, возникающие из-за особого состояния – модернизационного перехода, революционных изменений в структуре социокультурного пространства и форм его организации. Прежние институционально-дискурсивные структуры оказываются фактически дисфункциональны, но еще активно используются субъектами и в практике и, что важнее, в рефлексии – причем, структуры, складывающиеся уже в новых условиях и на новых принципах, еще непонятны, фрагментарны и, в целом, не концептуализированы. Похожие примеры можно было наблюдать при обсуждении предыдущего модернизационного перехода, при становлении индустриального общества. Разумеется, это ни в коем случае не умаляет ценности рефлексии на ранних этапах становления нового типа общества – и лишь ретроспективно можно оценить, какие представления оказались значимы, а какие выражали инерцию мышления авторов.

Поводом к написанию данной статьи стала монография «Онтология сетевого бытия» [5] доцента, кандидата философских наук М.Г. Бреслера, который плотно и последовательно занимается изучением информационных сред и сообществ. Достаточно рассмотреть библиографию работ автора, чтобы оценить масштаб и разносторонний анализ данных явлений [4, 6, 2, 1, 3, 7]. В то же время, на примере этой монографии можно хорошо заметить, как при анализе интернет-сообществ происходит смешение общих принципов социокультурной общности и специфики, вытекающей из собственно цифровой среды их функционирования. Не вдаваясь в подробный разбор замечательного в прочих отношениях текста, следует

подробнее остановиться на проблеме разграничения одного и другого с целью выявления специфики цифровой среды и ее влияния на социокультурные процессы. Рассмотрим три проблемных поля: коммуникативное сообщество, виртуальность в коммуникации и цифровую коммуникативную среду – поскольку социокультурные сообщества имеют преимущественно коммуникативную природу, и именно на коммуникацию, «обмен информацией и сообщениями» влияют собственно «информационные технологии».

1. В коммуникативном сообществе можно выделить два основных элемента: совокупность субъектов сообщества и объединяющую их коммуникацию, понимаемую, как обмен информацией, посредством которой координируется взаимодействие – так, что сообщество само обретает черты субъекта с единой деятельностью. Исходя из этого, понятно, что, во-первых, чем более сходны между собой «протоколы общения», коммуникативные коды – тем эффективнее обмен информацией, а значит, коллективная деятельность субъектов; во-вторых, эта эффективность тем больше, чем больше субъекты склонны в ней участвовать. Оба этих момента важны одинаково: если субъекты хотят, но не могут общаться – или могут, но не хотят, сообщество не складывается и взаимодействие оказывается невозможным. Содержание общения при этом также можно разделить на два компонента: непосредственно ориентированное на основную деятельность сообщества и спонтанно складывающееся между субъектами последнего. Соответственно, соотношение первого и второго определяет характер самого сообщества: преобладание функционального общения образует «деловое», а преобладание частного – «досуговое» сообщество. Однако следует подчеркнуть, что, с одной стороны, это соотношение не статично: в ходе становления и развития сообщества формы общения могут менять свою значимость, и деловое сообщество, например, может сложиться из досугового, и наоборот; с другой стороны, они обязательно присутствуют – хотя бы в виде обычаев дружеского отдыха или в виде взаимных симпатий и антипатий внутри трудового коллектива. Более того, совместно «деловое» и «досуговое» обще-

ние внутри сообщества оказывают весьма существенное влияние на его существование – как укрепляя и усиливая координацию и эффективность деятельности, так и ослабляя их. В этом проявляется не только функциональная, но и ценностная составляющая коммуникативного сообщества: если ценности сообщества, ценности участников и ценности деятельности согласуются друг с другом, эффективность взаимодействия усиливается, и наоборот. Достаточно очевидно, что всякое сообщество, и чем оно крупнее, тем ярче это проявляется, образуется множеством практик и множественной коммуникацией – как в смысле «разделения труда» и выполнения различных функций, так и в смысле текущих задач, спонтанно возникающих отношений и т.д. Тем не менее, хотя всякое сообщество и способно определенным образом меняться, все равно складывается и воспроизводится некоторый общий для него образ взаимодействия и общения – собственно, и называемый «кодом», или парадигмой, вокруг которой, не обязательно соглашаясь, но и оппонируя, собираются его участники. Эта парадигма сообщества, далеко не всегда непосредственно касаясь (особенно в больших и «старых» сообществах) конкретной практики, функционала, проявляется во всем комплексе отношений между участниками, определяя нормы, ценности и сам образ существования и каждого из них, и сообщества в целом. Всякий участник коммуникации включается в нее постольку, поскольку так или иначе воспринимает и транслирует образы, согласуется с правилами и следует парадигме. М.Г. Бреслер обозначает ее, как «эпистемическую вещь» и рассматривает последнюю, как актора коммуникации, самостоятельный субъект [5, с. 58-59] – причем, онтологически (по крайней мере, для данного сообщества) более высокий, нежели субъекты-люди (поскольку определяет правила коммуникации). Если с самим концептом «эпистемической вещи» согласиться можно, то ее субъектность может мыслиться лишь как некоторая абстракция. В самом деле, участник взаимодействует не с ней, он взаимодействует с другими участниками, и «эпистемическая вещь» выступает средой/протоколом общения, обеспечивающей если не тождество, то эквивалентность представлений участников.

В случае, если данное сообщество значимо для субъекта настолько, что влияет на его экзистенцию, его среда/протокол начинает выступать базой для представлений/общения за пределами сообщества – происходит трансляция во внешнюю среду. Такие коллективные представления далеко не новы, они лежат в основе всякого сообщества, вплоть до цивилизации: идентичность, базовые ценности, парадигма культуры. В этом смысле, необходимо четкое различие: абстрагируемся ли в ходе исследования от любых некомуникативных факторов (субъекты, условия, техническое обеспечение и т.п.) и рассматриваем только процесс перетока «сообщений» (тогда можно говорить об эпистемической вещи, как «акторе»), либо учитываем их, и тогда в любом случае необходимо делать отсылку к субъекту коммуникативного действия (и эпистемическая вещь может выступать только как условие/основание для акта такого субъекта). Разумеется, всякий данный участник коммуникации может по любым причинам «не замечать» контрагентов, обобщать их позиции и говорить, что именно они «заставляют» контрагентов поступать так или иначе – однако нельзя забывать, что это именно концептуализация/абстрагирование и, в конечном счете, «расчеловечивание» других субъектов коммуникации. Собственно, на примере стоимостей и финансового рынка сам автор показывает именно этот характер отношений субъектов-трейдеров [5, с. 59-60], не только воспринимающих «знание» или «эпистемический объект», но и коллективно его применяющих и изменяющих совокупной коммуникацией. Исходя из этого, совершенно непонятно, в чем М.Г. Бреслер не согласен с Ивахненко [14], кроме самого утверждения.

С другой стороны, из положения, что участие в коммуникативном сообществе либо выражает ценности субъекта, либо, по крайней мере, не противоречит им, а также из функциональной ограниченности самих сообществ следует еще одно рассуждение. Даже в наиболее формализованных и структурированных «деловых» сообществах участники включены на том или ином ценностном основании – в противном случае они либо сами выйдут из его состава,

либо будут выбракованы сообществом. В то же время, даже наиболее «широкое» по своему функционалу сообщество, как правило, не покрывает ценностный спектр участников и не инкорпорирует их полностью – т.е. участники, как правило, одновременно состоят в некотором множестве сообществ. Участие субъекта в сообществе, пусть и в разной степени, предполагает добровольность – меры принуждения, если они существуют, создают ситуацию, в которой ценности подчинения превалируют над ценностями сопротивления, и как только эта ситуация меняется, участник выходит из сообщества. Наконец, субъектность участника сообщества атрибутивна: даже в самом подчиненном положении, его деятельность и коммуникация выступают компонентом общего взаимодействия и общего пространства сообщества. Иными словами, любое коммуникативное сообщество, образованное добровольно на основании ценностей и взаимодействием участников, представляет собой сеть онтологически равных акторов – через которых оно связывается с другими сообществами, также образуя сеть. Таким образом, общество представляет собой двухуровневую сеть – на уровне людей-субъектов и на уровне их объединений, сообществ. При этом управленческие структуры с теми или иными видами подчинения выступают частным случаем сетевой организации, оптимизированным под решение определенных задач, исходя из существующих в обществе представлений и используемых социально-гуманитарных технологий.

Разнообразие ценностных установок личности определяет разнообразие сообществ, в которых она участвует. В то же время, множество схожих по установкам сообществ не означает, что личность будет входить в них – склонность войти в данное сообщество определяется «дистанцией» (реклама, личные связи/рекомендации и т.п.), а в аналогичные – степенью реализации ценностей в данном (чем менее они реализуются, тем выше интерес в аналогах). Иными словами, чем вовлеченнее личность в данное сообщество – тем меньше у нее склонность входить в аналогичные; чем «уже» спектр реализуемых ценностей в данном сообществе – тем больше

склонность входить в иные сообщества. Это, разумеется, корректируется степенью связности аналогичных сообществ – чем больше между ними «переток» нарративов, участников и тем, т.е. чем меньше между ними дистанция, тем ниже нежелание в них участвовать. Однако в целом это определяет а) дифференциацию сообществ между собой и б) конкуренцию между аналогичными сообществами. И в любом случае, чем больше сообществ, в которых участвует личность, тем выше доля «пассивного участия» (восприятие/трансляция сообщений), и наоборот, чем меньше сообществ, тем выше «креативность» участия – при условии некоторого уровня собственной активности личности.

В общем виде коммуникативные сообщества структурируются по своему качественному содержанию и количеству групп участников. По качеству можно выделить: а) базовую идею сообщества (эпистемическая вещь?), б) комплекс раскрывающих ее принципов/базовых образов/текстов, в) текущие раскрывающие идею тексты/образы, г) текущие вторичные тексты/образы. В зависимости от соотношения этих элементов можно классифицировать сообщества на «фанатские» (доминирование а-б), обычные (доминирование б-в) и простые (доминирование в-г). По группам участников можно выделить а) «ядро», задающее контент, б) «активистов», постоянно транслирующих и модифицирующих контент, в) простых участников, транслирующих и воспринимающих контент и г) сторонних/внешних участников, воспринимающих и эпизодически транслирующих контент. Аналогично, можно классифицировать сообщества по количеству и соотношению этих групп на «плотные» (доминирование групп а-б), «обычные» (доминирование б-в) и «рассыпанные» (доминирование в-г). При этом следует понимать, что группа а) и содержание а) существуют обязательно, и обладают неизменным статусом, по сути, создавая собственно сообщество («центр окружности»), хотя могут быть и по-разному выражены.

В то же время, при достаточно большом сообществе неизбежно возникают его подгруппы («коммуникативные узлы»), которые, в целом, образуют аналогичные структуры («ядро-активисты-участ-

ники)), но не формируют (в данный момент) самостоятельного сообщества, сохраняя активную содержательную и практическую коммуникацию с другими подгруппами. При любом исходном условии автономизации, они в любом случае будут формировать собственный вариант «содержания а-б» и «групп а-б».

Динамика коммуникативных сообществ полностью определяется динамикой участия субъектов в коммуникации. Можно выделить: а) сообщества, коммуникация которых задается «группой а» по поводу «содержания а»; б) сообщества, коммуникация которых задается «группой а-б» по поводу «содержания а-б»; в) сообщества, в которых коммуникация определяется «группами б-в-г» по поводу содержания «б-в-г», т.е. собственно, самовоспроизводится. Только в последнем случае можно говорить, что коммуникация продолжена, в остальных случаях она дискретна и обладает выраженной динамикой «исходное сообщение – затухающее обсуждение». В случае а-б можно утверждать наличие «центра» сообщества в виде «содержания а/а-б», «группы а/а-б», по отношению к которому остальные участники – более или менее активная периферия.

Очевидно, что выделение таких элементов коммуникативного сообщества противоречит «эгалитарным» коннотатам описания М.Г. Бреслера коммуникативного сетевого сообщества – что, опять же, наглядно проявляется в его же критике «ризомной» парадигмы и обосновании парадигмы «кластерной» [5, с. 60-66]. Разной степени «нагруженные узлы» коммуникации как раз и дают количественно измеряемую структуру, о которой сказано выше.

В более общем виде, динамика коммуникативного сообщества может быть описана, как «формирование ядра/концепта» – «его активно развертывание в общении участников/рост количества участников» – «рутинизация коммуникации и стабилизация аудитории» – «умаление ядра/концепта и рост значение рутинной/вторичной коммуникации» – «распад ядра/концепта». Разумеется, это общие состояния, между которыми переходит сообщество, в том числе, многократно, причем, стабильно оно существует, балансируя между вторым и третьим состоянием. Внешние условия здесь мо-

гут способствовать или препятствовать коммуникации, в частности, выступая источником для нее, однако чем больше сообщество зависит от внешних факторов, тем больше оно вырождено, поскольку утрачивает собственный смысловой центр, «концепт».

2. В отношении содержания коммуникации необходимо подчеркнуть принципиальный момент. Если реальность – мир объектов, определяемых в отношении субъекта, то виртуальность – это мир объектов, превращенных субъектом, воспринятых, отображенных и трансформированных [15, цит. по 11 – следует отметить, что М.Г. Бреслер сам ссылается на Н.А. Носова, поэтому концептуализация «виртуальности» в его чертах вполне правомерна]. Виртуальность – порожденность условием/фактором относительно константного. В общем виде любой психических образ виртуален относительно «материального объекта» и порожден спецификой субъекта. Аналогично, любой культурный артефакт виртуален постольку, поскольку обладает смыслом, помимо и поверх «нечеловеческого», природного. Виртуальность создает человек, и индивидуально, и коллективно, обществом. В этом смысле, виртуальным является любое представление о реальности. Культурные объекты также виртуальны – постольку, поскольку люди раскрывают из них специфические смыслы/образы/представления, без чего это – просто материальный объект. Аналогично и «компьютерная виртуальная реальность», построенная на двух основаниях: специфическим образом модулируемые сигналы, распознаваемые органами чувств человека и закладываемый в них специфический смысл. В самом деле, нет принципиальной разницы, каков материальный объект: обработанный камень, раскрашенная бумага или подсвеченный экран – главное, обладают ли они раскрываемым из них смыслом, обращено ли на них восприятие субъекта. С другой стороны, воспринимаемый и осмысленный мир – единственный, данный человеку, и за пределами этого субъектного превращения, собственно, «объективный мир», неизвестен (хотя и, очевидно, познаваем потенциально). Иными словами, люди живут в виртуальности по определению, реальность дана нам через призму виртуальности, законченной или раскрытой – не принципиально.

Коммуникация в этом смысле – во-первых, способ согласования такого виртуального представления, во-вторых, формирование способов создания виртуальности (что наглядно видно в научении, прежде всего, детей), и в-третьих, обеспечении возможности через виртуальное представление влиять на «объективную» реальность, как индивидуально, так и, главным образом, коллективно. Отсюда понятно второе главное свойство виртуальности – интерактивность: это не просто превращенная субъектом реальность, выражающая некоторую сторону реальности объективной/константной, но и обеспечивающая интерактивность, возможность взаимодействовать с ней. Иными словами, виртуальность не только отвлекается от объективности, но и возвращается к ней, и должна быть связана, в т.ч. сущностно – и формально. Очевидно, что формальную связь с объективной реальностью обеспечивает материальность тела человека – именно посредством него мы изменяем объекты (труд, создающий предметы потребления или орудия труда, не важно). А сущностная связь – вне зависимости от «картины мира» данной культуры – представляет собой, по крайней мере, аналогизацию раскрываемого в представлении «законов мира» (например, законов науки) и собственно законов мира («законов природы»).

Соответственно, «развиртуализация виртуального», о которой пишет М.Г. Бреслер [5, с. 67] представляет собой отказ от смыслового содержания, приписанного человеком/культурой. В коммуникативных сообществах, таким образом, в принципе невозможна «развиртуализация», поскольку коммуникация принципиально представляет собой «виртуализирующую» среду языка, с правилами, понятиями и нарративами.

Возможно считать саму коммуникативную среду константной. В этом случае виртуальными будут, во-первых, субъективные представления о коммуникативной ситуации участников, во-вторых, представления о данной коммуникативной среде в некоторой иной. Однако в любом случае нельзя говорить о виртуальности, например, конкретных вариаций коммуникации, групповых объединений аудитории и т.п. феноменов – просто потому, что они однопоряд-

ковы, находятся в том же онтологическом слое, что и константная реальность.

В этом ключе остается непроясненной устойчивая связь, проводимая М.Г. Бреслером, между «эпистемической вещью» и «развиртуализацией» [5, с. 74]. Эпистемическая вещь возможна, как абстракция представлений от их носителей/трансляторов (необходимо подчеркнуть: не концепт представлений, а именно «анонимность», т.е. неизвестность источника – что, разумеется, не означает его отсутствия, в лучшем случае «общеизвестное», т.е. воспроизводимое всеми участниками коммуникации согласно правилам/протоколу последней). Очевидно, такая абстракция возможна, именно как субъективное представление участника коммуникации, и потому может считаться «виртуальной», особенно в последнем случае «общих представлений». Актуализируясь в конкретной коммуникативной ситуации, в конкретном полисубъектном нарративе, они, очевидно, с одной стороны, «проявляются вне зависимости от воли субъектов» (что некорректно, поскольку воля субъектов – придерживаться правил общения, а они этими правилами предписаны), но с другой – модифицируются конкретным речевым актом, изменяются в зависимости от конкретного контекста (наглядный пример – культура мемов, изменяемых цитат, анекдотов и т.п.). Из некоторой «наднарративной» реальности они, таким образом, входят в нарратив, придают ему форму – и меняются сами. В каком-то смысле, это можно считать «развиртуализацией», хотя, скорее, тут обратный процесс: если за константную реальность принять «язык», то любая «речь» будет порождением субъективными усилиями иной реальности общения. Впрочем, что порождено чем – спор «о курице и яйце»: язык оформляет речь или речь воплощает язык.

Тем не менее, в целом и с большими натяжками можно – абстрагируясь от субъектов-носителей – говорить о подобной «виртуализации и развиртуализации».

3. Специфика современной «интернет-виртуальности» определяется «почти чистой коммуникативностью» сообществ: их внутреннее пространство-время формируется только коммуникаци-

ей. «Офлайн-сообщества» в этом смысле всегда, с одной стороны, значительно более «сетевые», «полисубъектные», поскольку их участники в любом случае проявляют субъектность в обычной жизнедеятельности, а с другой – коммуникативный процесс всегда сопровождает и складывается по поводу обычной жизнедеятельности в рамках самого факта взаимодействия участников. Следствием этого является умаление роли и значения объективной референции, отсутствие необходимости в «объективной реальности» и внутренней, дискурсивной «проверке на истинность/осмысленность». Меняется и смысл субъекта-участника – это уже «аккаунт», а не личность, как таковая. Субъект коммуникации в сообществе а) определяется по факту участия, б) на основании правил, причем, в) раскрывается в процессе коммуникации по отношению к другим участникам, правилам/парадигме и креативности. Это выступает значимым для коммуникативного сообщества удостоверением/портретом участника. Его «бэкграунд» за пределами сообщества оказывается значимым в силу особых условий: либо «провокация», либо «уникальный человек». Более того, даже подчеркнуто «чужой» участник (например, в «холиварах») оказывается определен в рамках парадигмы и его «бэкграунд» не обладает значением. В этом смысле, с одной стороны, участники сообщества «известны» друг другу в ходе общения, а с другой – «анонимны» во всем, что не касается этого общения.

При этом само сообщество обеспечивает свое существование дискурсом, свой смысл имеет в воспроизводстве дискурса и предполагает единственную практику – нарративное раскрытие дискурса субъектами-участниками. Такие интернет-сообщества (даже если они представляют собой общение людей по поводу чего-то «реального», например, хобби, туризма, товаров и услуг – не важно) виртуальны в наибольшей степени, поскольку сама коммуникация в них ведется между «аккаунтами» (объективность которых недоверяется, удостоверяется только «участие в общении») посредством медиа (текстовых или аудио-визуальных), и реальность дана только в превращенной форме «мнений участников» или «фото-ви-

део подтверждений». Грубо говоря, это феномен эквивалентности «реальности и ее образа», что наглядно подтверждается в «фото с моря» или «фото с автомобилем», в широкой форме – «чего нет в интернете, того не существует». Однако а) дискурсивная структура коммуникации не статична и меняется в рамках общей динамики сообщества (даже если речь о сообществах типа «в» и «г», без четкого задатчика контента) и б) участие в сообществе стохастично – как в плане участвовать или не участвовать, так и в плане как именно участвовать. Последнее определяет субгрупповое деление участников по компонентам парадигмы/отношению к ней – и в случае достаточно значительных расхождений возможно образование внутри сообщества выраженных подсообществ – с последующим выходом их из состава базового. Соответственно, «энтропия сообществ», т.е. как исчерпание парадигмы коммуникации, так и членение их, никуда не девается.

Более того, прежние организационные формы сообществ – форумы, группы ВКонтакте – уступили место новым – паблики, публикационные сайты, частные чаты, что сказывается на устойчивости и плотности образующихся сообществ: выше роль задатчиков контента, более текучие аудитории, ситуативная спорадическая коммуникация; или наоборот, узкая группа постоянно общающихся при минимальной роли организатора. Если в Веб 1.0 интернет обеспечивал складывание и функционирование относительно оформленных сообществ, за счет доминирования форумных объединений и построенных по форумной механике первого варианта социальных сетей (группы ВКонтактесо внутренними темами-обсуждениями), по отношению к которым сайты (пусть даже с возможностью комментирования) и мессенджеры (вроде ICQ) играли подчиненную роль – то в современной сети, Веб 2.0 структурность сообществ принципиально изменилась. Упадок форумов и сведение социальных сетей к «лентам новостей», по сути, устранили непосредственно «сетевое» общение аккаунтов в рамках сообществ. Активность в их рамках представляет собой микроциклы «публикация – комментирование – комментирование комментариив», с высокой скоростью затухания шлейфа последних. Другая

форма интернет-общения – чаты в мессенджерах или соцсетях, которые, с одной стороны, непосредственно представляют собой общение аккаунтов, причем, с минимальной ролью «группы а» и высокой динамичностью переходов «группы б-в» (и в этом смысле, именно они наиболее близко подходят под описательную модель «сетевой коммуникации»). С другой стороны, такие чаты жестко отграничены по составу участников (хотя вряд ли пока есть возможность хотя бы примерно оценить среднее количество участников таких чатов и среднюю плотность коммуникации в них) и представляют собой закрытые сообщества, доступ к которым обеспечивается только администрацией чата. С третьей стороны, такие чаты, скорее, представляют собой профессиональные или досуговые площадки, в отношении которых присутствует особый интерес субъекта – которому по различным причинам уже недостаточно открытой информации, публикуемой, например, на страницах паблика или сайта, и есть интерес общаться с «такими же, как он» более неформально.

Разумеется, говорить о том, что «сетевых сообществ больше нет» некорректно: они действительно, могут быть выделены, хотя и имеют иную сущность. По сути, они действительно, представляют собой кластеры аккаунтов, относительно объединенных, во-первых, «публикационными каналами» (т.е. агрегациями публикаций в виде пабликов, страниц, сайтов и т.д.), на которые подписаны аккаунты – т.е. которые читают, комментируют и транслируют/репостят на свои страницы/страниц других агрегаторов. Иными словами, это сообщество объединено внешними, формальными признаками «совместного чтения» (пусть оно и выражает ценности субъектов-участников), но не непосредственно связывающей их коммуникацией. Следствием этого, очевидно, выступает резкое усиление роли «группы а», задающей публикуемый контент (хотя, разумеется, она может быть открыта – как, например, на сайте Хабр.ком, где публиковаться может любой зарегистрированный пользователь), а роли остальных аккаунтов в коммуникации сводится к более или менее активному комментированию. Еще одним важным элементом структуризации интернет-сообщества выступают «алгоритмы

директа», сортирующие на основании «данных профиля и истории запросов» информационный поток больших площадок (например, социальных сетей, Ютуба, сервисов Яндекс) и предлагающие аккаунту определенный подбор публикаций – и других аккаунтов. При всей коммерческой и политической пользе, это определяет формирование «информационного пузыря», в котором находится пользователь, а также окружения соответствующих его предпочтениям других пользователей [см., напр., 12].

Собственно, именно этим образуется реальное интернет-сообщество современности: не столько коммуникативное взаимодействие, сколько отобранное информационное и персональное окружение, среда, в которой разворачивается «интернет-серфинг» пользователя. Учитывая, что «не существует ничего вне сообщества», неожиданным следствием этого является «фанатизм» таких сообществ: получая рутинное подтверждение в коммуникативном опыте собственных ценностей и людей, их разделяющих, неизбежно складывается – в мягком варианте – представление, что «нормальные люди думают так» (в жестком: «люди думают так»), а носители альтернативных представлений/взглядов неизбежно же стигматизируются (в лучшем случае), как «не нормальные». Есть один парадокс: во второй половине нулевых (становление ВКонтакте) к интернет-площадкам было несерьезное отношение, однако сами дискуссии строились «по форумным правилам», длительные, аргументированные, серьезные; сейчас социальные сети и иные интернет-площадки стали «ландшафтом жизни», обязательным атрибутом реальности и общении – коммуникация же при этом резко упростилась до «троллинга и травли».

Таким образом, современное «сообщество в интернете» представляет собой:

1. Среду общения, организованную тематическими/ценностными установками, выраженными в комплексе (относительно) сопряженных дискурсов;
2. Совокупность субъектов – аккаунтов-участников, распределяемых по «популярности» их и их сообщений, на которые следуют

реакции (комментарии) и которые транслируются (репосты) другими аккаунтами, чем образуется иерархия и «неслучайность» каналов протекания коммуникации (при этом следует учитывать, что статусное различие может быть весьма существенным: аккаунт, у которого мало подписчиков и репостов, но подписчики – сами выступают иерархически высокой группой – оказывается особо значимым, хотя и не обязательно «известным» для сообщества).

3. Выражающий общение нарратив сообщества, представленный структурированной совокупностью «текстов»: базовых (публикации, на которые следует реакция и которые транслируются), реплицированных (публикации-репосты, безотносительно «указания источника»), трансформированных (публикации, варьирующие содержание базового текста), комментирующих (сообщения «в ответ» на все остальные тексты) и межаккаунтная коммуникация («личка», «чаты»).

Особо стоит обратить внимание на кросс-платформенность такого сообщества, куда не только могут, но и входят различные сайты, агрегаторы, группы/паблики/аккаунты социальных сетей, мессенджеры и т.п. форматы, непосредственно объединенные тематически, нарративно и субъектно в относительно устойчивые формы. В целом, абстрактно можно сказать, что из совокупности этих элементов складывается инфраструктура современной субкультуры, однако здесь наблюдается интересный эффект. Всякая субкультура строится на, с одной стороны, эталонном образце, которому надо соответствовать (идентичность), а с другой – на совокупности людей, которые ему соответствуют. Образец субкультуры принципиально виртуален: это культурный образ, который фиксируется и транслируется через коммуникативные каналы общества (в какой-то мере – иначе субкультура полностью замкнута) и является принципом контента в коммуникативных каналах сообщества. Сейчас такими каналами выступают интернет-площадки, и преимущественным способом коммуникации участников субкультуры являются они же. Иными словами, если раньше субкультура «обладала» своим интернет-выражением, то сейчас субкультура преимущественно строится на базе интернет-инфраструктуры, а

офлайновые группы являются лишь частным (и необязательным) ее выражением.

4. Множественность сообществ, безотносительно комплементарности дискурсов, предполагает и множественность «версий» виртуальных реальностей, каждая из которых претендует на исключительность внутри себя, в том числе, активно избавляясь от альтернативных представлений («хололивары» различного толка). При этом входящий во множество сообществ субъект, получается, вовлекается во множество исключительных версий реальности, которые могут согласовываться – а могут и не согласовываться друг с другом, но в любом случае, пересекаются либо взаимной трансляцией контента, либо участниками. Последнее – пересечение – обладает, скорее, характером «те же признаки», нежели «тождество или одна сущность», т.е. оно внешне для данного сообщества, поскольку само по себе никак не касается базового процесса коммуникации внутри него.

Собственно, в этом смысле можно говорить о рассогласовании публичного пространства – социального, культурного, общественного сознания – поскольку версии реальности эквивалентны реальности и друг другу, но при этом не предполагают других версий (они ложны – если отрицают наши представления – или недостаточны – если похожи, но отличаются). Аналогично рассогласуются и личные сознания субъектов, которые постоянно переключаются между эквивалентными, но исключительными версиями реальности – между самими реальностями: «двое/многомыслие» и отсутствие связи между феноменами, не отраженными в актуальных дискурсах сообществ, в которых участвует личность. Это весьма наглядно заметно на примере современного политического процесса и «активистской» гражданской организации.

В целом, участие и динамика субъекта интернет-сообщества совпадает с динамикой участия в любом досуговом или рабочем сообществе. Первичное вовлечение, освоение контекста, формирование контекста, трансформация контекста, вовлечение в контекст внешних элементов, выход из контекста и сообщества. Индивидуальные «траектории» определяются, во-первых, близостью коммуникатив-

ного кода/парадигмы общения к ценностному строю, во-вторых, наличием актуальных внешних аналогов, и в-третьих, стремлением/возможностью перехода в группы а-б. В то же время, в силу принципов организации интернет-общения (автономный аккаунт – «анонимность» за пределами коммуникации – присутствие в виде сообщений) любой участник, включающийся в текущий коммуникативный процесс, уже представляет собой специфическую позицию (причем, вне зависимости от «своей истории»: особенно наглядно на примере с «комментариями в пабликах», где любой данный коммуникативный процесс происходит «заново», если только аккаунты не «узнают» друг друга по прежним комментариям), которая одновременно для данного участника представляет собой «аксиому», а для всех остальных – более-менее правильную посылку, поскольку соответствует правилам и схожа с собственной. Субъектоцентризм интернет-сообщества предполагает «гонку за лидером», единственный ограничитель которого – степень интереса коммуницирующих участников к теме/форме («кто быстрее сольется»), доминантный статус администрации (админ/модератор превыше любых других участников, даже если он – сам участник коммуникации) и жесткость санкционирования. Хотя здесь, разумеется, можно отметить определенную корреляцию: чем больше субъект «оказывается лидером», тем больше он подтверждает для себя «близость ценностей и кода», и тем больше влияет на них; и наоборот.

Отдельно возникает ситуация с «новыми поколениями», которые входят в сознательную жизнь уже в рамках развитой интернет-коммуникации, формируются в ее среде, а не относятся к ней «со стороны», произвольно входя и выходя в сообщества. Точно так же, как и в офлайн-сообществах («влияние улицы», «дворовое воспитание» и т.п.), здесь действуют факторы «задачи нормального» - не положительные/отрицательные санкции, не «так должно быть», а именно «так есть»: эта среда для людей есть естественная среда обитания, в которой протекает их коммуникация, они формируются ею. Соответственно, ситуация «личность и коммуникативный код» обретает иную форму: не «личность оценивает коммуникативный код по степени близости»,

но «личность формируется данными коммуникативными кодами» (см. оправдания тиктокеров после протестов зимы 2021 года). Иными словами, «внешними» ценностными координатами относительно некоторого сообщества выступают ценности другого сообщества, в котором личность была до этого и которое повлияло на нее – офлайнный же мир в этом смысле оказывается значим постольку, поскольку либо представляет собой «ближайшее окружение», либо выражен через образы сообществ, в которые личность входит. Исходя из этого, можно было говорить про солидаризацию коммуникативных процессов на базе «общего коммуникативного кода» для предыдущих поколений (образованных, преимущественно, офлайнными, доинтернетовскими формами культуры/опыта) – для «новых» поколений коммуникативные коды, наоборот, формируются сетью. Исходя из этого «кластеры сети» оказываются, наоборот, куда более устойчивыми – иные позиции в них либо не представлены, либо представлены критически – однако внутри них лабильность подсообществ/подгрупп оказывается очень высока, просто потому, что «свобода образования групп» оказывается фундаментальным маркером формирующей среды.

Список литературы

1. Асташкин А.Г., Бреслер М.Г. Социальные медиа в структуре современной сетевой коммуникации // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, № 4. С. 814-822.
2. Бреслер М.Г. Аксиальный фактор в социальных процессах информационного общества: философский анализ // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2017. № 2 (136). С. 105-109.
3. Бреслер М.Г. Метаморфозы творчества в сетевой коммуникации постмодерна // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения. Сборник материалов Международного научного форума. В 2-х томах. Ответственный редактор В.В. Васильева. 2019. С. 93-94.
4. Бреслер М.Г. Социальная солидарность в информационном обществе // Евразийский юридический журнал. 2014. № 2 (69). С. 178-179.
5. Бреслер М.Г. Онтология сетевого бытия: монография / М.Г. Бреслер; послесловие А.Д. Хасаншин. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2020. 130 с.

6. Бреслер М.Г. Социальные сети и сетевые сообщества информационного общества: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. 174 с.
7. Бреслер М.Г., Рабогошвили А.А., Сулейманов А.Р. К вопросу о роли символического в идентификации человека информационного/цифрового общества // *Studia Culturae*. 2020. № 45. С. 18-34.
8. Варганова М.Л., Дробот Е.В. Цифровая трансформация российского АПК в современных условиях // *Экономика, предпринимательство и право*. 2019. Том 9, № 4. С. 301-310. DOI: <https://doi.org/10.18334/epp.9.4.41534>
9. Городнова Н.В., Самарская Н.А., Крупкин А.В. Реализация проекта «Системный город» (на примере г. Екатеринбург) // *Жилищные стратегии*. 2019. Том 6, № 4. DOI: <https://doi.org/10.18334/zhs.6.4.40924>
10. Городнова Н.В., Скипин Д.Л., Роженцов И.С. Применение Smart-технологий: оценка влияния на развитие человеческого капитала // *Креативная экономика*. 2019. Том 13, № 10. С. 1837-1858. DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.13.10.40965>
11. Грязнова Е.В. Философский анализ концепций виртуальной реальности // *Философская мысль*. 2013. № 4. С. 53-82. DOI: <https://doi.org/10.7256/2306-0174.2013.4.278>
12. Гуров Ф.Н. Опыт социально-философского осмысления проблемы «фейков» и «пузырей фильтров» в сети // *Проблемы современного образования*. №3, 2019. С. 9-20.
13. Запорожец О.Н., Лапина-Кратасюк Е.Г. Антропология цифрового города: к вопросу о выборе метода // *Этнографическое обозрение*. 2015. № 4. С. 41-54.
14. Ивахненко Е.Н., Атаева Л.И. Аутопойезис эпистемических вещей как новый горизонт построения социальной теории // *Вопросы социальной теории*, 2013-2014. т. VII. вып. 1-2. С. 96-106.
15. Носов Н.А. Словарь виртуальных терминов // *Труды лаб. виртуалистики*. Выпуск 7. Труды Центра профориентации. М., 2000. С. 16.
16. Пороховский А.А. Цифровизация и искусственный интеллект: перспективы и вызовы // *Экономика. Налоги. Право*. 2020. №2. С. 84-91. <http://www.fa.ru/org/div/edition/enp/journals/2020%20%E2%84%962.pdf>
17. Тихонова А. Д. К вопросу о развитии инновационных экосистем в современной экономике // *Вопросы инновационной экономики*

ки. 2019. Т. 9, № 4. С. 1383-1392. DOI: <https://doi.org/10.18334/vines.9.4.41449>

18. Тихонова С.В., Фролова С.М. Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 287-290.

References

1. Astashkin A.G., Bresler M.G. Sotsial'nye media v strukture sovremennoy setevoy kommunikatsii [Social media in the structure of modern network communication]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2018, vol. 160, no. 4, pp. 814-822.
2. Bresler M.G. Aksial'nyy faktor v sotsial'nykh protsessakh informatsionnogo obshchestva: filosofskiy analiz [Axial factor in social processes of the information society: philosophical analysis]. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskiy zhurnal*, 2017, no. 2 (136), pp. 105-109.
3. Bresler M.G. *Media v sovremennom mire. 58-e Peterburgskie chteniya. Sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma* [Media in the modern world. 58th Petersburg Readings. Collection of materials of the International Scientific Forum]. In 2 volumes. Executive editor V.V. Vasilyeva. 2019, pp. 93-94.
4. Bresler M.G. Sotsial'naya solidarnost' v informatsionnom obshchestve [Social solidarity in the information society]. *EvrAziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2014, no. 2 (69), pp. 178-179.
5. Bresler M.G. *Ontologiya setevogo bytiya* [Ontology of network existence]. Ufa: Izd-vo UGNTU, 2020, 130 p.
6. Bresler M.G. *Sotsial'nye seti i setevye soobshchestva informatsionnogo obshchestva* [Social networks and network communities of the information society]. Ufa: RITs BashGU, 2014, 174 p.
7. Bresler M.G., Rabogoshvili A.A., Suleymanov A.R. K voprosu o roli simbolicheskogo v identifikatsii cheloveka informatsionnogo/tsifrovogo obshchestva [On the question of the role of the symbolic information / digital society in human identification]. *Studia Culturae*, 2020, no. 45, pp. 18-34.

8. Vartanova M.L., Drobot E.V. Tsifrovaya transformatsiya rossiyskogo APK v sovremennykh usloviyakh [Digital transformation of the Russian agro-industrial complex in modern conditions]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i parvo*, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 301-310. DOI: <https://doi.org/10.18334/epp.9.4.41534>
9. Gorodnova N.V., Samarskaya N.A., Krupkin A.V. *Realizatsiya proekta «Sistemnyy gorod» (na primere g. Ekaterinburg)* [Implementation of the “System City” project (for example, Yekaterinburg)]. *Zhilishchnye strategii*, 2019, vol. 6, no. 4. DOI: <https://doi.org/10.18334/zhs.6.4.40924>
10. Gorodnova N.V., Skipin D.L., Rozhentsov I.S. Primenenie Smart-tekhnologii: otsenka vliyaniya na razvitie chelovecheskogo kapitala [Application of Smart Technologies: Assessing the Impact on Human Capital Development]. *Kreativnaya ekonomika*, 2019, vol. 13, no. 10, pp. 1837-1858. DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.13.10.40965>
11. Gryaznova E.V. Filosofskiy analiz kontseptsiy virtual'noy real'nosti [Philosophical analysis of the concepts of virtual reality]. *Filosofskaya mysl'*, 2013, no. 4, pp. 53-82. DOI: <https://doi.org/10.7256/2306-0174.2013.4.278>
12. Gurov F.N. Opyt sotsial'no-filosofskogo osmysleniya problemy “feykov” i “puzyrey fil'trov” v seti [Experience of social and philosophical understanding of the problem of “fakes” and “filter bubbles” in the network]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 2019, no. 3, pp. 9-20.
13. Zaporozhets O.N., Lapina-Kratasyuk E.G. Antropologiya tsifrovogo goroda: k voprosu o vybore metoda [Anthropology of the digital city: on the question of choosing a method]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2015, no. 4, pp. 41-54.
14. Ivakhnenko E.N., Ataeva L.I. Autopoyezise pistemicheskikh veshchey kak novyy gorizont postroeniya sotsial'noy teorii [Autopoiesis of epistemic things as a new horizon for building social theory]. *Voprosy sotsial'noy teorii*, 2013-2014, vol. VII, issue 1-2, pp. 96-106.
15. Nosov N.A. Slovar' virtual'nykh terminov [Dictionary of virtual terms]. *Trudy lab. virtualistiki. Vypusk 7. Trudy Tsentra proforientatsii* [Proceed-

- ings of the laboratory of virtualistics. Issue 7. Proceedings of the Career Guidance Center]. M., 2000, pp. 16.
16. Porokhovskiy A.A. Tsifrovizatsiya i iskusstvennyy intellekt: perspektivy i vyzovy [Digitalization and Artificial Intelligence: Prospects and Challenges]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 2020, no. 2, pp. 84-91. <http://www.fa.ru/org/div/edition/enp/journals/2020%20%E2%84%962.pdf>
17. Tikhonova A.D. K voprosu o razvitii innovatsionnykh ekosistem v sovremennoy ekonomike [On the development of innovative ecosystems in the modern economy]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 1383-1392. DOI: <https://doi.org/10.18334/vinec.9.4.41449>
18. Tikhonova S.V., Frolova S.M. Tsifrovoe obshchestvo i tsifrovaya antropologiya: transdistsiplinarnye osnovaniya sotsial'no-epistemologicheskikh issledovaniy [Digital Society and Digital Anthropology: Transdisciplinary Foundations of Socio-Epistemological Research]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 2019. vol. 19, issue 3, pp. 287-290.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Демичев Илья Валерьевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Государственное автономное научное учреждение Институт стратегических исследований Республики Башкортостан

ул. Кирова, 15, г. Уфа, 450008, Республика Башкортостан,

Российская Федерация

demicheviv@isi-rb.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Demichev Ilya V., PhD, Senior Researcher

Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan

15, Kirov Str., Ufa, 450008, Republic of Bashkortostan, Russian

Federation

demicheviv@isi-rb.ru

ORCID: 0000-0003-3829-6663

SPIN-code: 4073-2553

ResearcherID: ABA-4101-2020

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-38-54

УДК 316.42

ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ СТАРЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ

Пашина Л.А.

Цель. Цель данной статьи состоит в актуализации социально-воззгляда на феномен старения. В статье осуществляется обзор современных зарубежных исследований, посвященных анализу социальных аспектов старения. Автор описывает наиболее значимые темы этой области исследований.

Метод и методология проведения работы. Основу исследования составляют общенаучные методы познания (анализ, синтез, логические методы).

Результаты. Теоретическая значимость проведенного исследования состоит в том, что полученные результаты позволяют расширить теоретические представления о социальных аспектах старения. Результаты всестороннего осмысления феномена старения могут способствовать формированию единого геронтологического знания.

Область применения результатов. Практическая значимость данного исследования обусловлена его комплексным характером, что позволяет использовать данный материал для создания курсов социально-гуманитарного цикла (социальной философии, социологии старения, геронтологии, культурологии, психологии старения), а также спецкурсов по соответствующей и смежной проблематике. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшей изучения геронтологической проблематики, исследующей социальные аспекты старения.

Ключевые слова: старение; пожилой возраст; социальные аспекты старения; третий возраст; четвертый возраст

THE MAIN RESEARCH TOPICS OF THE SOCIAL ASPECTS OF AGEING IN A FOREIGN SCIENCE

Pashina L.A.

Purpose. *The purpose of this article is to update the social view of the phenomenon of aging. The article provides a review of modern foreign studies devoted to the analysis of social aspects of aging. The author describes the most substantial topics in this field of research.*

Methodology. *The research is based on general scientific methods (analysis, synthesis, logical methods).*

Results. *The theoretical significance of the study is that the results obtained allow us to expand the theoretical understanding of the social aspects of aging. The results of a comprehensive understanding of the phenomenon of aging can contribute to the constitution of a unified gerontological knowledge.*

Practical implications. *The practical significance of this study is due to its complex nature, which allows us to use this material to create courses in the social and humanitarian cycle (social philosophy, sociology of aging, gerontology, cultural studies, psychology of aging), as well as special courses on relevant and related issues. The results obtained can be used for further study of gerontological issues that study the social aspects of aging.*

Keywords: *aging; old age; social aspects of aging; third age; fourth age*

Одной из актуальных проблем современности является массовое постарение населения. До последнего времени было принято считать, что проблема гипервозрастного общества затрагивает только развитые страны, но анализ динамики изменений возрастной структуры населения в развивающихся странах за последние десятилетия показал, что там также наблюдается тенденция массового постарения населения, причем этот процесс последние годы интенсифицируется [2].

В качестве средства преодоления последствий современных демографических трансформаций можно указать на попытки всестороннего научного осмысления проблем, характерных для стареющих обществ: исследование философских, социальных, политических, экономических, психологических, биологических и других аспектов феномена старения с целью формирования единой геронтологической теории, которая бы смогла послужить основой построения эффективной государственной политики в отношении пожилых людей.

Сложности полноценного осмысления процесса старения обусловлены множеством причин, среди которых можно назвать изменения как его количественных показателей (например, беспрецедентный рост доли пожилых людей в общем составе населения), так и качественных. Что касается факторов, которые определяют качество протекания процесса старения, то к ним можно отнести следующие: 1) повышение уровня жизни и здоровья стареющего населения, массовое удлинение периода здоровой старости; 2) снижение социально-экономической зависимости пожилых людей за счет продления периода их здоровой и активной жизни, в том числе социальной и трудовой; 3) повышение порога пенсионного возраста; 4) постепенная трансформация стереотипных представлений о старости: из периода, ассоциируемого с социальной, экономической, коммуникативной эксклюзией, отягощаемых нарастающей физической и когнитивной немощью, он постепенно переосмысливается как этап, открывающий новые возможности для самоактуализации, для получения удовлетворения от жизни; как следствие, произошло разделение представления о последнем жизненном этапе на два периода (появились понятия «третий возраст» и «четвертый возраст», отражающие улучшение качества жизни и увеличение возможностей для времени ранней старости).

Если сравнить степень разработанности различных аспектов процесса старения в зарубежной науке, то социальные стороны его анализа предстанут как одни из наиболее широко изученных. К настоящему моменту исследование социальных аспектов геронтоло-

гической проблематики осуществляется в рамках многих наук, например, таких как социальная геронтология, социология старения, политическая социология, социология управления, экономическая социология, культурная антропология, социальная экология, социолингвистика. Результаты работы по изучению социальных аспектов старения размещаются в ведущих зарубежных социологических и социogerонтологических журналах, например, таких как «Ageing and society» (Издательство «Cambridge University Press»); «Research on Aging», «International Journal of Ageing and Human Development» (Издательство «Sage»); «Journal of Aging Studies», «The Journal of the Economics of Ageing» (Издательство «Elsevier»); «The Gerontologist», «Journal of Gerontology: Social Sciences» (Издательство «Oxford University Press»); «Journal of Aging and Social Policy» (Издательство «Routledge»); «International journal of the sociology of language» (Издательство «Walter de Gruyter»); «Journal of sociolinguistics» (Издательство «Wiley-Blackwell»).

Важными изданиями, освещающими социальные проблемы позднего возраста, являются серийный тематический сборник «Handbook of Aging and the Social Sciences» (Издательство «Elsevier»), который выходит в свет каждые пять лет, начиная с 1976 года; тематический сборник «Emergent Theories of Aging», изданный в 1988 году и ставший предшественником «Handbook of Theories of Aging»; тематический сборник «Handbook of Theories of Aging», увидевший свет дважды: в 1999 и 2009 годах (Издательство «Springer Publishing Company»), а также «The Cambridge Handbook of Age and Ageing» (Издательство «Cambridge University Press»), изданный в 2005 году.

Проводя обзор тем в области рассмотрения социальных аспектов старения, можно выделить несколько магистральных направлений. К первому относятся исследования механизмов и факторов, влияющих на процесс и результаты старения, поиск условий, продлевающих здоровое старение и повышающих качество жизни пожилого человека. Ряд исследований этого направления посвящен рассмотрению понятия «качество жизни», определению степени

детерминации процесса старения уровнем и особенностями здоровья, факторами окружающей среды, особенностями социальной и физической активности пожилых людей, поиску и анализу условий, позитивно влияющих на качество жизни и здоровье стареющего человека. Эти темы раскрываются в исследованиях таких ученых как Аннир М., Килинг С., Джидлоу Б., Коннелл Б.Р., Уолф С.Л., Жээнг Й., Гу Д.Н., Персер Д., Хениг Х., Кристакис Н. [4].

Традиционно понятие «качество жизни» ставится в зависимость от таких факторов как здоровье и экономические возможности, но до сих пор существует проблематизация по вопросу о соотношении объективных (наличие социальной поддержки, достаточных материальных ресурсов, социальной востребованности) и субъективных факторов (свобода определять собственное поведение, мобильность, степень удовлетворенности условиями жизни, состояние здоровья, социальные связи, качество взаимоотношений с социальным окружением) в определении степени удовлетворенности жизнью пожилых людей. В последние годы становится популярным подход, подчеркивающий важную роль степени индивидуальной удовлетворенности жизнью в формировании ее качества [10; 11; 17; 20; 32]. Получает признание точка зрения, согласно которой, утверждается, что качество жизни коррелирует с видом и степенью активности досуговой деятельности пожилых людей. Так, например, К. Апрель, рассматривает танцы как способ структурирования времени, дающий ощущение полноты существования [4].

Кроме того, большое внимание уделяется исследованию проблемы общения пожилых людей, проблемы их социального окружения: разнообразию социальных связей, особенностям структуры их межличностных сетей [5; 12; 14; 23].

Еще одной темой в рамках первого направления исследований социальных аспектов старения являются концепции успешного, позитивного, активного, здорового старения, представленные в работах таких ученых как П.Б. Бальтс, М.М. Бальтс, А.Е. Боквэг, С.А. Депп, Д.В. Джест, Р. Кан, В.Л. Маккарти, Б. Ньюгартер, Х. Оксли, П. Рид, Дж. Роу, В.Л. Рэнделл, А. Уокер, М. Хубэн, Р. Хэ-

вигхерст. Параллельно со взглядами, восхваляющими преимущества позитивного старения формулируется и их критика (К. Будини, Т. Каласанти, С. Кац, Й. Райндль). Так, например, К. Будини пишет о том, что успешное старение в настоящее время представляет собой скорее пустую риторику, нежели ясную идею, воплощаемую в социальной политике [7]. Представители этого направления, проблематизируя идеи успешного старения, отмечают, что значительная часть теорий в этой области сконструирована искусственно, без осознания того, как сами пожилые люди формулируют критерии и сущность успешности в старости. Кроме того, подобная риторика смещает всю ответственность за процесс успешности старения на пожилых людей, почти игнорируя степень влияния на процесс старения институциональных факторов.

Второе направление исследований социальных аспектов старения разрабатывает тему особенностей коллективного управления старостью. Подобный взгляд был порожден политико-экономической перспективой рассмотрения процесса старения. Освещаются такие темы как

- обсуждение рисков глобального постарения населения, вопросов трудовой занятости пожилых людей; сравнение эффективности различных подходов в социальной политике по решению проблемы демографического старения [19];
- разработка вопросов социальной защиты лиц старшего возраста, включая проблему преодоления экономического неравенства пожилых людей; формулирование теорий, раскрывающих политические и экономические детерминанты процесса старения. Так, например, теория политической экономии старости при анализе современного капиталистического общества опирается на марксистские идеи, пытаясь доказать, что представления о старости являются социально сконструированными с целью удовлетворения потребностей экономики [24].

Такие авторы, как А. Уокер, П. Таунсенд, К. Филлипсон, демонстрируют идею зависимого статуса старости, доказывая, что

дискурсе старости задается определенной идеологией посредством социальной политики: общество создает иллюзию социальных проблем, вызываемых старостью через дефицитарную пенсионную политику, через навязывание представлений о негативных последствиях старения и выхода на пенсию, через формирование представлений об обременительной необходимости ухода за пожилыми, через искусственно создаваемую бедность, что в итоге способствует усилению классовой маргинализации пожилых [29-31; 33; 34].

К. Эстес, М. Минклер, Дж. Свон, Л. Джерард, Д. Хэндрикс сформулировали представления о том, что неблагоприятное положение пожилых людей обусловлено т. н. «политической и / или моральной экономией старения», которые предполагают, что общественные движения, политические и экономические процессы во многом формируются не только материальными интересами, но и посредством концепций легитимности, справедливости и моральных контрактов между поколениями [13;21; 27].

Важными темами в рамках второго направления исследования социальных аспектов старения являются такие как

- сравнительный анализ пенсионных систем;
- изучение эффективности институтов социального обслуживания пожилых людей;
- исследование инновационного потенциала группы пожилых работников как возможного вектора общественного и экономического развития (Г. Шмид, М. Хартлапп, Р. Конрадс, Э. Кистлер, Т. Штаудингер).

Третье направление исследований социальных аспектов старения актуализирует проблемы социальной инклюзии: анализ проблем социальной адаптации, поиск стратегий социальной интеграции; поиск и анализ новых возможностей включения пожилых людей в общественную жизнь [9]; формирование стратегий активизации их жизненных ресурсов; анализ возможностей эффективной самореализации пожилых людей, в том числе в профессиональной сфере; разработка и внедрение принципа «получения образования в течение всей жизни».

В 2013 году в одном из центральных геронтологических журналов «Старение и общество» был выпущен сборник, полностью посвященный проблемам социальной инклюзии, где ученые из разных научных отраслей продемонстрировали широкое понимание этого явления.

Одним из актуальных вопросов, входящих в проблему социальной инклюзии, является создание «института образования для третьего возраста», который рассматривается как фактор реализации концепции успешного старения, способствующий улучшению здоровья, качества жизни и повышению статуса пожилых людей в обществе (Х. Зиберт, Д. Хайдекер, А. Шнеебергер, Ф. Колланд) [1].

М. Формоза акцентирует внимание на том, что эта практика являет собой гуманистическое мировоззрение в действии, разрушающее негативные представления о превратностях старости и претворяющее в жизнь идеологию успешного старения [16]. Таким образом, институт образования для третьего возраста является, с одной стороны, способом транслирования актуального знания старшему поколению, а, с другой, социальным движением в защиту прав пожилых людей. Этому направлению посвящены работы таких авторов как Д. Баттерсби, Ф. Гленденнинг, Х. Зиберт, Т. Каласанти, Ф. Колланд, П. Олман, М. Рили, Э. Смит, П. Таунсенд, А. Уокер, М. Формоза, П. Фрейре, Д. Хайдекер, А. Шнеебергер, К. Эстес.

Четвертое направление исследования социальных аспектов старения рассматривает тему особенностей идентификации в процессе старения, идею диссонанса социальной идентификации и самоидентификации, усиливающейся по мере старения, анализирует образы старения, определяющие статус пожилых людей и отношение к ним окружающего общества [15].

Так, например, исследование особенностей конструирования идентичности в терминальном возрасте можно найти в статьях К. Гиллиарда, М. Колнена, П. Коулмена, А. Кэмерона, Л. Ллойда, Э. Дж. Сеймура, Р. Смита, Л. О`Ханнана, Хейккиннена, П. Хиггса [18; 25].

Еще одним важным фокусом исследовательского интереса в рассматриваемой области является изучение разговоров об утратах, о

смерти, о болезнях. Такие исследователи как Д. Боден, Д. Билби, Х. Гайлз, Н. Каупланд, Дж. Каупланд, М. Л. Хаммерт, К. Хенвуд, А. М. Уильямс описали специфическую речевую стратегию, свойственную речи стареющих людей. Она была названа стратегией «болезненного самораскрытия» и подразумевала такое речевое поведение, в ходе которого пожилые люди инициируют рассказы о личных сложных переживаниях, о семейных утратах, о смерти и чувствах в ее преддверии, о проблемах со здоровьем. С момента описания этой речевой стратегии появилось огромное число эмпирических исследований, подтверждающих ее реальность в речевом репертуаре пожилых людей, а также анализирующих специфику ее проявлений в различных контекстах. Так, японскому исследователю Й. Мацумото удалось описать такую ее разновидность как использование юмора, смеха, иронии при повествованиях о смерти, тяжелых утратах, болезнях [26]. Она находит следующее объяснение: при адаптации к старости пожилые люди пытаются производить переформулирование болезненных жизненных событий, изменений, пытаясь говорить об этом как об обыденном явлении, пытаясь принять неотвратимость и постоянство потерь в нашей жизни. Тем самым, стараясь снимать эмоциональную напряженность, облегчая тяжесть переживаний, примиряясь с «нормальностью» происходящего. Похожую интерпретацию стратегии болезненно-го самораскрытия предложили К. Уэст и Д. Глинос («deathtalk», «losstalk») [35].

Разговоры о смерти становятся очень важными за много лет до ее наступления, разговоры о ней, с одной стороны, помогают принять мысль о ее наступлении, с другой стороны, помогают адаптироваться к изменяющейся реальности. Пожилые люди даже в окружении близких и родных людей часто испытывают одиночество и тяжелые чувства, даже не потому, что смерть с очевидностью приближается, а по той причине, что близкие люди не разделяют с ними в разговорах эту интимную тему. Счастье пожилого человека во многом заключается не в отсутствии боли, которая неизменно сопровождает этот жизненный этап, а в коммуникативной и соци-

альной востребованности. Хотя необходимо признать, что отчасти одиночество – состояние данного возраста.

Пятым актуальным направлением рассмотрения социальных аспектов геронтологической темы является анализ особенностей новых отношений в позднем возрасте [6], изучение предпочитаемых форм этих связей (заключение брака, «гостевой брак» (т.н. LAT (livingaparttogether), гражданское партнерство) [8], изучение влияния новых отношений на качество жизни.

Шестым направлением рассмотрения социальных аспектов геронтологической темы является изучение связи старения и этничности, которое открывает новые перспективы рассмотрения темы [28]. Подробное и разностороннее исследование этого вопроса можно найти в специальном выпуске журнала «Ageingandsociety», вышедшем в 2015 (К. Виктор, М. Зубаир, М. Норрис, С. Торрес, К. Филлипсон).

Седьмым направлением можно назвать исследования влияния информационных технологий на процесс старения, изучение темы значения новых технологий для пожилых людей, использования компьютера, Интернета и социальных сетей в старшем возрасте. Также важным направлением развития этой темы являются дистанционный мониторинг и возможности «умного дома».

Важным вопросом, входящим в обсуждаемую тему, является изучение влияния ТВ на формирование стереотипов о старости, а также влияние ТВ на когнитивный статус пожилых людей.

Еще одним значительным направлением рассмотрения социальных аспектов геронтологической темы являются исследования гетерогенности группы пожилых людей, анализ различий, наблюдаемых в пожилом возрасте (например, различия в старении между людьми различного пола (проблема «феминизации старости»), этнического происхождения, сексуальной ориентации, экономического уровня (проблема бедности в старшем возрасте)).

Также важно отметить, в связи с рассмотрением темы гетерогенности группы пожилых людей, исследование проблемы эйджизма. История становления исследований возрастной дискриминации

пожилых людей явилась главной темой некоторых исследований Р. Батлера, Э. Палмора, Э. Ахенбаума, Дж. Мэкникола. Тема перспектив развития эйджизма раскрывается Л. Айалоном, С. Теч-Ромером, М. М. Галлет, Т. К. Макнамарой. Диалектичное рассмотрение феномена дискриминации представлено у Н. Каупланда и Дж. Каупланд (эйджизм и антиэйджизм). Связь эйджизма и языка, исследование дискурса эйджизма обсуждается Н. Каупландом, Дж. Каупланд, Дж. Нассбаумом, И. Охсом. Феминистские и постмодернистские исследования темы эйджизма можно найти в работах Л. Х. Кларка, Л. Р. Хэтча, Д. Брукс Буссона, Б. Макдональда, С. Рич, П. Симпсона, Дж. Лоза. Анализ идей т. н. «позитивного старения», биополитики, антиэйджизма и антистарения является темой работ С. Катца и Б. Нельсона.

Итак, все рассмотренные аспекты оказывают большое влияние на развитие полноценного понимания социального измерения старости и становление исследований в этом направлении.

Подводя итог, анализу социально-философского взгляда на проблему старения, можно отметить тот факт, что, несмотря на столь внушительный объем исследований по данной теме и достаточно широкую представленность идеи о необходимости интегративного подхода к данной проблеме, работ, посвященных комплексному анализу социальных аспектов старости и старения, почти нет.

Список литературы

1. Евсеева Я.В. Современные тенденции в образовании пожилых людей (Реферативный обзор журнала «Erwachsenenbildung», 2011. № 13) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия. 11: Социология, 2013. № 2. С. 42-60.
2. Щербакова Е.М. Старение населения в ближайшие десятилетия ускорится // Демоскоп Weekly. М., 2014. № 601–602. <http://demoscope.ru/weekly/2014/0601/barom02.php> (дата обращения: 10.12.2020)
3. Annear M., Keeling S., Wilkinson T., Cushman G., Gidlow B., Hopkins H. Environmental influences on healthy and active ageing: A systematic review // Ageing and society. Cambridge, 2014, no. 2, pp. 1-33.
4. Apprill C. Dancingsparisiens au quotidien: Unloisir de seniors // Ethnologiefrançaise. Paris, 2012, vol. 42, no. 3, pp. 483–491.

5. Berkman L., Syme L. Social networks, host resistance, and mortality: A nine-year follow-up study of Alameda county residents // *American journal of epidemiology*. Malden, 1979, vol. 109, no. 2, pp. 186–204.
6. Bildtgard T., Oberg P. Time as a structuring condition behind new intimate relationships in later life // *Ageing and society*. Cambridge, 2015, vol. 35, no. 7, pp. 1505–1528.
7. Boudiny K. «Active ageing»: From empty rhetoric to effective policy tool // *Ageing and society*. Cambridge, 2013, vol. 3, no. 6, pp. 1077–1098.
8. Brown S.L., Lin I.F. The gray divorce revolution: Rising divorce among middle-aged and older adults, 1990–2010 // *Journal of gerontology: Psychological sciences and social sciences*. Oxford, 2012, vol. 67, no. 6, pp. 731–741.
9. Burchardt T., Le Grand J., Piachaud D. Degrees of exclusion: Developing a dynamic, multidimensional measure // *Understanding social exclusion* / Ed. by J. Hills, J. Le Grand, D. Piachaud. Oxford: Oxford university press, 2002, pp. 30–43.
10. Bourque P., Pushkar D., Bonneville L., Béland F. Contextual effects on life satisfaction of older men and women // *Canadian journal on aging*. Cambridge, 2005, vol. 24, no. 1, pp. 31–44.
11. Burton-Jeangros C., Zimmermann-Sloutskis D. Life satisfaction trajectories of elderly women living in Switzerland: An age-period-cohort analysis // *Ageing and society*. Cambridge, 2016, vol. 36, no. 1, pp. 106–132.
12. Cornwell B., Laumann E.O., Schumm L.P. The social connectedness of older adults: A national profile // *American sociological review*. Washington, 2008, vol. 73, no 2, pp. 185–203.
13. Estes C., Swan J., Gerard L. Dominant and competing paradigms in gerontology: Towards a political economy of ageing // *Ageing and society*. Cambridge, 1982, vol. 12, pp. 151–64.
14. Evans S. «That lot up there and we down here»: Social interaction and a sense of community in a mixed tenure UK retirement village // *Ageing and society*. Cambridge, 2009, vol. 29, no. 2, pp. 199–216.
15. Featherstone M., Hepworth M. Images of ageing: Cultural representations of later life // *The Cambridge handbook of age and ageing* / Ed. by M.L. Johnson. Cambridge: Cambridge university press, 2005, pp. 354–362.

16. Formosa M. Four decades of Universities of the third age: Past, present and future // *Ageing and society*. Cambridge, 2014, vol. 34, no. 1, pp. 42–66.
17. Gabriel Z., Bowling A. Quality of life from the perspectives of older people // *Ageing and society*. Cambridge, 2004, no. 24, pp. 675–691.
18. Gilleard C., Higgs P. Ageing without agency: Theorizing the fourth age // *Ageing and mental health*. Abingdon, 2010, vol. 14, no. 2, pp. 121–128.
19. Guillemard A.-M. Les sociétés à l'épreuve du vieillissement // *Futuribles*. Paris, 2004, no. 299, pp. 45–67.
20. Gwozdz W., Sousa-Poza A. Ageing, health and life satisfaction of the oldest old: An analysis for Germany. Bonn: IZA, 2009, no. 4053, 37 p.
21. Hendricks J. Moral Economy and Ageing // *The Cambridge handbook of age and ageing* / Ed. by M. L. Johnson, V. L. Bengtson, P. G. Coleman, T. B. L. Kirkwood. Cambridge: Cambridge University Press, 2005, pp. 510–517.
22. Houben M., Audenaert V., Mortelmans D. Vrijetijd en tijdsbesteding [Leisure and time allocation] // *Op latereleeftijd: De leefsituatie van 55-plussers in Vlaanderen* / Bew. T. Jacobs, L. Vanderleyden, L. Vanden Boer. Antwerp: Garant, 2004, pp. 225–252.
23. Hurlbert J.S., Haines V.A., Beggs J.J. Core networks and tie activation: What kinds of routine networks allocate resources in non-routine situations? // *American sociological review*. Washington, 2000, vol. 65, no. 4, pp. 598–618.
24. Kail B. L., Quadagno J., Keene J. R. The political economy perspective of aging / Ed. by V. L. Bengtson, D. Gans, N. M. Putney, M. Silverstein // *Handbook of theories of aging*. New York: Springer, 2009, pp. 555–572.
25. Lloyd L., Calnan M., Cameron A., Seymour J., Smith R. Identity in the fourth age: Perseverance, adaptation and maintaining dignity // *Ageing and society*. Cambridge, 2014, vol. 34, no. 1, pp. 1–19.
26. Matsumoto Y. Reframing to regain identity with humor: what conversations with friends suggest for communication in elderly care / Ed. by Backhaus P. *Communication in elderly care: cross-cultural perspectives*. Continuum International Publishing Group, 2016, pp. 145–165.
27. Minkler M., Estes C. L. Critical gerontology: perspectives from political and moral economy. Amityville, NY: Baywood, 1999, vol. 18, no. 4, pp. 517–520.
28. Mutchler J. E., Burr J. A. Race, ethnicity and aging // *Handbook of sociology of aging*. N.Y.: Springer, 2011, pp. 83–101.

29. Phillipson C. Challenging dependency: towards a new social work with older people / Ed. by Langan M., Lee P. *Radical Social Work Today*. London: Unwin Hyman, 1989, pp. 192-207.
30. Phillipson C. Reconstructing old age: new agenda in social theory and practice. London: Sage, 1998, pp. 13–28.
31. Phillipson C., Biggs S. Modernity and identity: themes and perspectives in the study of older adults // *Journal of aging and identity*, 1998, vol. 3, no. 1, pp. 11–23.
32. Smith A. E., Sim J., Scharf T., Phillipson C. Determinants of quality of life amongst older people in deprived neighbourhoods // *Ageing and society*. Cambridge, 2004, no. 24, pp. 793–814.
33. Townsend P. The structured dependency of the elderly: a creation of social policy in the 20th century // *Ageing and society*, 1981, vol. 1, no. 1, pp. 5–28.
34. Walker A. Towards a political economy of ageing // *Ageing and society*, 1982, vol. 1, no. 2, pp. 23–44.
35. West K., Glynos J. «Death talk», «loss talk» and identification in the process of ageing // *Ageing and society*. Cambridge, 2016, vol. 36, no. 2, pp. 225–239.

References

1. Evseeva Ya.V. Sovremennye tendentsii v obrazovanii pozhilykh lyudey (Referativnyy obzor zhurnala «Erwachsenenbildung», 2011. № 13) [Modern trends in the education of older people (Abstract review of the journal “Erwachsenenbildung”, 2011. No. 13)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya. 11: Sotsiologiya*, 2013, no. 2, pp. 42-60.
2. Shcherbakova E.M. Starenie naseleniya v blizhayshie desyatiletia uskoritsya [Population aging will accelerate in the coming decades]. *Demoskop Weekly*. M., 2014, no. 601–602. <http://demoscope.ru/weekly/2014/0601/barom02.php> (accessed 10.12.2020)
3. Annear M., Keeling S., Wilkinson T., Cushman G., Gidlow B., Hopkins H. Environmental influences on healthy and active ageing: A systematic review. *Ageing and society*. Cambridge, 2014, no. 2, pp. 1-33.
4. Apprill C. Dancingsparisiens au quotidien: Unloisir de seniors. *Ethnologiefrançaise*. Paris, 2012, vol. 42, no. 3, pp. 483–491.

5. Berkman L., Syme L. Social networks, host resistance, and mortality: A nine-year follow-up study of Alameda county residents. *American journal of epidemiology*. Malden, 1979, vol. 109, no. 2, pp. 186–204.
6. Bildtgaard T., Oberg P. Time as a structuring condition behind new intimate relationships in later life. *Ageing and society*. Cambridge, 2015, vol. 35, no. 7, pp. 1505–1528.
7. Boudiny K. «Active ageing»: From empty rhetoric to effective policy tool. *Ageing and society*. Cambridge, 2013, vol. 3, no. 6, pp. 1077–1098.
8. Brown S.L., Lin I.F. The gray divorce revolution: Rising divorce among middle-aged and older adults, 1990–2010. *Journal of gerontology: Psychological sciences and social sciences*. Oxford, 2012, vol. 67, no. 6, pp. 731–741.
9. Burchardt T., Le Grand J., Piachaud D. Degrees of exclusion: Developing a dynamic, multidimensional measure. *Understanding social exclusion* / Ed. by J. Hills, J. Le Grand, D. Piachaud. Oxford: Oxford university press, 2002, pp. 30–43.
10. Bourque P., Pushkar D., Bonneville L., Béland F. Contextual effects on life satisfaction of older men and women. *Canadian journal on aging*. Cambridge, 2005, vol. 24, no. 1, pp. 31–44.
11. Burton-Jeangros C., Zimmermann-Sloutskis D. Life satisfaction trajectories of elderly women living in Switzerland: An age-period-cohort analysis. *Ageing and society*. Cambridge, 2016, vol. 36, no. 1, pp. 106–132.
12. Cornwell B., Laumann E.O., Schumm L.P. The social connectedness of older adults: A national profile. *American sociological review*. Washington, 2008, vol. 73, no 2, pp. 185–203.
13. Estes C., Swan J., Gerard L. Dominant and competing paradigms in gerontology: Towards a political economy of ageing. *Ageing and society*. Cambridge, 1982, vol. 12, pp. 151–64.
14. Evans S. «That lot up there and we down here»: Social interaction and a sense of community in a mixed tenure UK retirement village. *Ageing and society*. Cambridge, 2009, vol. 29, no. 2, pp. 199–216.
15. Featherstone M., Hepworth M. Images of ageing: Cultural representations of later life. *The Cambridge handbook of age and ageing* / Ed. by M.L. Johnson. Cambridge: Cambridge university press, 2005, pp. 354–362.

16. Formosa M. Four decades of Universities of the third age: Past, present and future. *Ageing and society*. Cambridge, 2014, vol. 34, no. 1, pp. 42–66.
17. Gabriel Z., Bowling A. Quality of life from the perspectives of older people. *Ageing and society*. Cambridge, 2004, no. 24, pp. 675–691.
18. Gilleard C., Higgs P. Ageing without agency: Theorizing the fourth age. *Ageing and mental health*. Abingdon, 2010, vol. 14, no. 2, pp. 121–128.
19. Guillemard A.-M. Les sociétés à l'épreuve du vieillissement. *Futuribles*. Paris, 2004, no. 299, pp. 45–67.
20. Gwozdz W., Sousa-Poza A. Ageing, health and life satisfaction of the oldest old: An analysis for Germany. Bonn: IZA, 2009, no. 4053, 37 p.
21. Hendricks J. Moral Economy and Ageing. *The Cambridge handbook of age and ageing* / Ed. by M. L. Johnson, V. L. Bengtson, P. G. Coleman, T. B. L. Kirkwood. Cambridge: Cambridge University Press, 2005, pp. 510–517.
22. Houben M., Audenaert V., Mortelmans D. Vrijetijd en tijdsbesteding [Leisure and time allocation]. *Op latereleeftijd: De leefsituatie van 55-plussers in Vlaanderen* / Bew. T. Jacobs, L. Vanderleyden, L. Vanden Boer. Antwerp: Garant, 2004, pp. 225–252.
23. Hurlbert J.S., Haines V.A., Beggs J.J. Core networks and tie activation: What kinds of routine networks allocate resources in non-routine situations? *American sociological review*. Washington, 2000, vol. 65, no. 4, pp. 598–618.
24. Kail B. L., Quadagno J., Keene J. R. The political economy perspective of aging / Ed. by V. L. Bengtson, D. Gans, N. M. Putney, M. Silverstein. *Handbook of theories of aging*. New York: Springer, 2009, pp. 555–572.
25. Lloyd L., Calnan M., Cameron A., Seymour J., Smith R. Identity in the fourth age: Perseverance, adaptation and maintaining dignity. *Ageing and society*. Cambridge, 2014, vol. 34, no. 1, pp. 1–19.
26. Matsumoto Y. Reframing to regain identity with humor: what conversations with friends suggest for communication in elderly care / Ed. by Backhaus P. *Communication in elderly care: cross-cultural perspectives*. Continuum International Publishing Group, 2016, pp. 145–165.
27. Minkler M., Estes C. L. Critical gerontology: perspectives from political and moral economy. *Amityville*, NY: Baywood, 1999, vol. 18, no. 4, pp. 517–520.
28. Mutchler J. E., Burr J. A. Race, ethnicity and aging. *Handbook of sociology of aging*. N.Y.: Springer, 2011, pp. 83–101.

29. Phillipson C. Challenging dependency: towards a new social work with older people / Ed. by Langan M., Lee P. *Radical Social Work Today*. London: Unwin Hyman, 1989, pp. 192-207.
30. Phillipson C. *Reconstructing old age: new agenda in social theory and practice*. London: Sage, 1998, pp. 13-28.
31. Phillipson C., Biggs S. Modernity and identity: themes and perspectives in the study of older adults, *Journal of aging and identity*, 1998, vol. 3, no. 1, pp. 11-23.
32. Smith A. E., Sim J., Scharf T., Phillipson C. Determinants of quality of life amongst older people in deprived neighbourhoods. *Ageing and society*. Cambridge, 2004, no. 24, pp. 793-814.
33. Townsend P. The structured dependency of the elderly: a creation of social policy in the 20th century. *Ageing and society*, 1981, vol. 1, no. 1, pp. 5-28.
34. Walker A. Towards a political economy of ageing. *Ageing and society*, 1982, vol. 1, no. 2, pp. 23-44.
35. West K., Glynos J. «Death talk», «loss talk» and identification in the process of ageing. *Ageing and society*. Cambridge, 2016, vol. 36, no. 2, pp. 225-239.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Пашина Людмила Александровна, кандидат философских наук,
доцент
Сибирский государственный индустриальный университет
ул. Кирова, 42, г. Новокузнецк, Кемеровская область, 654007,
Российская Федерация
lapash@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Pashina Lyudmila A., PhD, Associate Professor
Siberian State Industrial University
42, Kirov Str., Novokuznetsk, Kemerovo region, 654007, Russian
Federation
lapash@yandex.ru

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LANGUAGE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-55-70
УДК 811.11-112

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
И ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
АФОРИЗМОВ О. УАЙЛЬДА**

Боровкова Е.Р.

Данная статья посвящена исследованию структурно-семантических и лингвостилистических особенностей афоризмов ирландского писателя О. Уайльда.

***Обоснование.** Афоризм, благодаря своей выразительной форме и глубокому смысловому содержанию, является уникальной фразеологической единицей. В силу своей универсальности и смысловой автономности афоризмы отражают реальность той или иной эпохи, что поддерживает интерес ученых к рассмотрению данной единицы языка с разных точек зрения. Несмотря на исследования афоризмов в разнообразных контекстах, до настоящего времени нет ясности не только в понимании сущности афоризмов, но и в определении их объема, в характеристике структуры. Кроме того, афоризм следует рассматривать в диахроническом аспекте, т.к. он развивается, отражает изменения в обществе и мире в целом. Оскар Уайльд как представитель классического английского эстетизма известен миру высказываниями об английских и американских реалиях, об особенностях мировоззрения его современников, о ценностях той эпохи.*

***Целью** исследования явилось выявить и проанализировать афоризмы писателя с точки зрения лингвистических и стилистических характеристик. В данной работе автор определяет понятие*

афоризма, его особенности и характеристики как микротекста; изучает особенности авторского стиля ирландского писателя О. Уайльда и проводит структурно-семантический анализ афоризмов О. Уайльда и выявляет их лингвостилистические особенности.

Материалы и методы. *Материалом исследования послужили 126 афоризмов О. Уайльда. Для достижения цели исследования использовался следующий комплекс методов исследования: анализ и синтез, классификация, экстраполяция и описание.*

Теоретическая значимость *работы определяется тем, что в данном исследовании выявлены отличительные особенности афоризма как микротекста, а также анализируются афоризмы английского языка с точки зрения стилистических и лингвистических особенностей.*

Практическая ценность *исследования заключается в том, что его результаты могут быть применены в дальнейшем изучении стилистики английского языка, его культурных особенностей, а также для выявления особенностей авторского стиля писателя.*

Результаты. *Проведенное исследование доказывает, что афоризм является микротекстом по своей структуре, обладая слабой членимостью и одноуровневой структурой. Кроме этого, автор приходит к выводу о том, что афоризмы О. Уайльда часто строятся на парадоксальности и единстве противоположностей, и имеют субъективный характер.*

Ключевые слова: *афоризм; микротекст; стилистический анализ текста; лингвостилистические особенности; структурно-семантические особенности; идиостиль*

STRUCTURAL-SEMANTIC AND LINGUISTIC-STYLISTIC FEATURES OF O. WILDE'S MAXIMS

Borovkova E.R.

This article is devoted to the study of the structural-semantic and linguo-stylistic features of the maxims of the Irish writer O. Wilde.

Background. *A maxim, due to its expressive form and deep semantic content, is a unique phraseological unit. As being characterized by their universality and semantic autonomy, maxims reflect the reality of a particular era, which supports the interest of scientists who consider this unit of a language from different points of view. Despite the research of maxims in various contexts, there is still no clarity not only in understanding their essence, but also in determining their volume and characterizing the structure. In addition, a maxim should be viewed in a diachronic aspect, since it develops, reflects changes in both society and the world as a whole. Oscar Wilde, as a representative of classical English aestheticism, is known to the world for his statements about English and American realia, the peculiarities of his contemporaries' worldview, as well as about the values of that era.*

Purpose. *The purpose of the study is to identify and analyze the writer's maxims in terms of linguistic and stylistic characteristics. In this work, the author defines the concept of maxims, their features and characteristics as a microtext; studies the peculiarities of the author's style and conducts a structural and semantic analysis of O. Wilde's maxims and reveals their linguistic and stylistic features.*

Materials and methods. *126 aphorisms by O. Wilde served as the material for the study. To achieve the main purpose of the research the following set of research methods was used: analysis and synthesis, classification, extrapolation and description.*

The theoretical significance *of the work is determined by the fact that this study identifies the distinctive features of maxims as a microtext, and also analyzes the maxims of the English language in terms of stylistic and linguistic features.*

The practical value *of the study lies in the fact that its results can be applied in the further study of the stylistics of the English language, its cultural characteristics, as well as to identify the peculiarities of the author's style of the writer.*

Results. *The research carried out proves that a maxim is a microtext in its structure, having a weak articulation and a one-leveled structure. In addition, the author comes to the conclusion that O. Wilde's maxims*

are often based on the paradox and the unity of opposites, and are also subjective in nature.

Keywords: *maxim; microtext; stylistic analysis of the text; linguistic and stylistic features; structural and semantic features; idiosyncrasy*

Существует множество подходов к определению афоризма как фразеологической единицы. Однако нет еще точной дефиниции, которая разграничивала бы понятие «афоризм» с такими понятиями, как «поговорка», «максим», «поговорка», «крылатое выражение». Для определения сущности афоризма в целом и его основных характеристик следует обратиться к словарям и научным работам, в которых поднимался данный вопрос. Проблемой определения афоризма занимались такие ученые, как Л.В. Успенский, Н.Т. Федоренко, Л.И. Сокольская, К.Д. Ушинский и др.

По мнению Н.Т. Федоренко, афоризмами принято называть краткие, глубокие по содержанию и законченные в смысловом отношении суждения, принадлежащие определенному автору и заключенные в образную, легко запоминающуюся форму [10, с. 243].

Современные словари определяют афоризм как обобщенную, глубокую мысль автора, выраженную в лаконичной, отточенной форме и отличающуюся выразительностью, неожиданностью суждения. В ходе исследования термин «афоризм» понимается в данном значении [7].

Интересно отметить, что русскоязычные и англоязычные словари по-разному подходят к разделению цитаты и афоризма. Например, Oxford Learner's Dictionaries не выделяют значимых признаков, отличающих афоризм от цитаты. Афоризм определяется следующим образом: *a short phrase that says something true or wise*. В то время как для русского слова «цитата» можно найти в словаре несколько значений, похожих друг на друга: *«a quotation is a group of words or a short piece of writing taken from a book, play, speech, etc. and repeated because it is interesting or useful»* или *«citation – words or lines taken from a book or a speech»*. Можно заметить, что афоризм является более широким и общим понятием, а понятие цитаты более конкретное и уточняющее [11].

В русскоязычных же словарях в понятие афоризма включен дополнительный отличительный признак. Толковый словарь С.И. Ожегова определяет афоризм как краткое выразительное изречение, содержащее обобщающее умозаключение. В то время как цитатой называют точную дословную выдержку из какого-нибудь текста, высказывания [6, с. 109]. Соответственно, в русском языке не любую цитату можно назвать афоризмом из-за, например, отсутствия выразительности, а в английском цитата может быть условно приравнена к афоризму.

Следует отметить, что в настоящем исследовании понятие афоризма не отождествляется с понятием цитаты.

На основе предложенных дефиниций и проведенных исследований в этой области можно определить следующие характеристики, совокупность которых отличает афоризм от других фразеологических единиц английского языка:

- краткость, лаконичность (А.В. Королькова, исходя из собственного опыта составления словаря афоризмов, утверждает, что максимальный объем афоризма – три предложения [4]; в работе Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской утверждается, что около 3/4 всех афоризмов состоит из 3–5 слов [10]);
- авторство (часто данная характеристика помогает обособить афоризм от пословиц и поговорок, которые, в свою очередь, являются предметом народного творчества);
- законченность мысли;
- выразительность и образность.

Обобщив все предложенные определения и характеристики, можно предложить собственное понятие афоризма, которое будет использовано в рамках данного исследования. Таким образом, афоризм – авторская мысль, представленная в краткой выразительной форме.

Афоризм следует соотносить с понятием «микротекст», видом малоформатного текста, представляющего собой законченное высказывание или предложение объемом от 2 до 60 слов. Характеристиками, отличающими микротекст от других единиц, являются:

- слабая членимость (в частности, из-за отсутствия абзацев);
- одноуровневая структура.

Микротекст представляет собой особую единицу языка, отличающуюся от общепринятого понимания текста, но не выходящую за его рамки. Являясь общим понятием для пословиц, поговорок, рекламных слоганов и других кратких законченных высказываний, термин «микротекст» используется также для изучения афоризмов.

Часто понятие «афоризм» отождествляют с такими терминами, как «крылатое выражение» и «крылатое слово». Но если обратиться к сборникам крылатых слов, можно выяснить, что афоризмы среди них не встречаются. Метафорический термин «крылатое слово» восходит к Гомеру, который называл так слова, срывающиеся с уст говорящего и «перелетающие» непосредственно к слушателю. Многие крылатые слова имеют происхождение из текстов Евангелия и плотно закрепились в современной речи. С точки зрения практического применения, крылатые выражения употребляются только в контексте, т.е. эквивалентны частям предложения, а не самому предложению, в то время как уровень афоризма соотносится с уровнем полноценного текста. Таким образом, особенностью, отличающей афоризм от крылатого выражения, является смысловая законченность.

Разносторонний подход к определению места афоризма в системе языка, а также неопределенность границ афористического литературного жанра порождает вариативность его классификаций. Литературный энциклопедический словарь предлагает несколько типов [5].

Классификация, построенную на принципе авторства:

1. Анонимные афоризмы

а) гномы (греч. *gnome* – мысль, мнение) – нравоучения, изложенные в стихах или ритмической прозе (преимущественно древнееврейская, индийская, арабская, персидская литература);

б) сентенции (от лат. *sentential* – мнение, суждение) – краткие общезначимые изречения, преимущественно морального содержания, в изъявительной или повелительной форме (Например, «*cognosce te ipsum*»).

2. Авторские афоризмы

а) апофтегмы – краткие рассказы об остроумном, поучительном ответе или поступке великого человека – царя, полководца, философа (чаще на греческом или римском материале). (греч. ἀπόφθεγμα). В некоторых источниках сказано, что апофтегмой принято было обозначать слова Христа, приведенные в контексте евангельского рассказа, в отличие от логий, отдельных изречений, не имеющих прямой связи с повествованием;

б) хрии – ситуативно-анекдотические афоризмы.

Н.Т. Федоренко делит афоризмы по тематическому принципу:

1. Политические («The only stable state is the one in which all men are equal before the law» Aristotle)
2. Морально-этические («Being entirely honest with oneself is a good exercise» Sigmund Freud)
3. Юмористические («A successful man is one who makes more money than his wife can spend. A successful woman is one who can find such a man» Lana Turner)
4. Исторические («If you want to understand today, you have to search yesterday» Pearl S. Buck)
5. Религиозные («The main object of religion is not to get a man into heaven, but to get heaven into him» Hardy)
6. Жизненно-бытовые («Life is what happens to you while you're busy making other plans» John Lennon)

Данный список может быть видоизменен и расширен, т.к. афоризмы отражают самые разнообразные стороны жизни человека в ту или иную эпоху.

Несмотря на то, что афористический жанр изучен еще не в полной мере, а изученное имеет множество спорных моментов, можно определить место афоризма и в системе языка, и в историко-культурном контексте. А уникальность афоризма как жанра доказывается с помощью комплексного изучения его структурно-семантических и лингвостилистических особенностей.

Рассмотрев понятие афоризма, можно утверждать, что это краткое высказывание является отражением мировоззрения автора.

Следовательно, чтобы понять характер афоризмов того или иного писателя, необходимо рассмотреть некоторые биографические и исторические мотивы, повлиявшие на формирование его авторского стиля.

Вклад О. Уайльда в английскую литературу высоко оценивается лингвистами и литературоведами. Он является важнейшей фигурой позднего викторианского периода, а также одним из основателей эстетизма в литературе. Эстетизм – направление, зародившееся в 1870-е гг., окончательно сформировавшееся в 1880-1890-е гг. и утратившее свои позиции в начале XX в., слившись с различными формами модернизма [1].

Одним из постулатов эстетизма является звание к гедонизму. Гедонизм представлялся в виде эстетической позиции, провозглашавшей наслаждение высшим благом, к которому сводится человеческое существование. Теория гедонизма тесно связана с провозглашением свободы везде и во всем. «Модно – это то, что носишь сам», – говорит лорд Горинг в пьесе О. Уайльда «Идеальный муж».

Отойдя от своей концепции «искусство ради искусства», О. Уайльд во многих произведениях провозглашает культ красоты и эстетики как силы, которая формирует человека. Эта мысль прослеживается и в его афоризмах: «Художник – тот, кто создает прекрасное»; «Нет книг нравственных или безнравственных. Есть книги хорошо написанные или написанные плохо. Вот и все»; «Для художника нравственная жизнь человека – лишь одна из тем его творчества. Этика же искусства – в совершенном применении несовершенных средств»; «Во всяком искусстве есть то, что лежит на поверхности, и символ» [8].

Парадокс – центральное средство выразительности в творчестве О. Уайльда. Несмотря на то, что творчество для него является главной ценностью, он пишет о том, что именно творчество – это искусство лжи. Как мы можем видеть, парадокс живет не только в творчестве писателя [9].

Исходя из данных анализа стиля афоризмов О. Уайльда, можно отметить их следующие характерные черты:

- скептицизм;
- ирония;
- парадоксальность.

Отмечают, что именно данные черты являются основой создания художественных образов. Сопряженный с методом парадокса контраст придает субъективность высказыванию, т.е. отражает непосредственное отношение автора к действительности [2].

Таким образом, связав целое направление литературы и работы О. Уайльда, мы можем выделить определенные принципы его творчества:

- гедонизм;
- формирующая сила красоты и эстетики;
- национальный характер.

Для выявления структурно-семантических особенностей англоязычных афоризмов были взяты афоризмы английского писателя О. Уайльда и для достоверности результатов было проанализировано 126 примеров афоризмов автора.

Рис. 1. Темы афоризмов О. Уайльда

Поскольку афоризмы являются нестандартным типом текста и не имеют заголовка, который мог бы определить тему произ-

ведения, для создания собственной тематической классификации выбранные афоризмы были проанализированы на наличие ключевых слов, определяющих их в ту или иную группу. Исследуемый материал был классифицирован по семантическому принципу. По созданной классификации можно говорить о широкой направленности интересов автора. Кроме этого, были отмечены единичные высказывания автора на религиозные и философские темы, которые были объединены в группу «Другое».

Кроме того, материал данного исследования был проанализирован с целью выявления выразительных средств, реализуемых на разных уровнях языка. Для этого выделенные нами стилистические средства были разделены на графические, фонетические, синтаксические и лексические, а затем рассмотрены в афоризмах писателя. Поскольку в материале данного исследования присутствует пример из поэзии, можно наблюдать такие фонетические особенности, как **ритм и рифма**:

«Vile deeds like poison weeds bloom well in prison air,
it is only what is good in man,
that wastes and withers there»

(из поэмы «Баллада Редингской тюрьмы»)

Кроме того, в данном примере можно рассмотреть пример **ассонанса** ([i:]).

Помимо данного примера, в афоризме «Wisdom comes with winters» наблюдается **аллитерация** звука [w].

В ходе анализа не было выявлено примеров графических средств выразительности. Это может говорить о том, что выразительность и образность придается с помощью лексических и синтаксических приемов языка.

Сложность определения синтаксических стилистических приемов вызвана краткостью, присущей микротекстам. Именно поэтому приемы, основанные на связи двух и более предложений между собой, практически отсутствуют. Однако часто встречаются афоризмы, построенные с помощью **параллельных конструкций (параллелизм)** – 9 примеров:

«We women, as someone says, *love with our ears*, just as you men *love with your eyes*»; «When a woman marries again, it is because she *detested* her first husband. When a man marries again, it is because he *adored* his first wife. Women try their luck; men risk theirs».

Параллелизмы в своем большинстве основаны на антитезе:

«It is so *easy* to convince others; it is so *difficult* to convince oneself»; «One *should* absorb the colour of life, but one *should never* remember its details. Details are always vulgar».

Реже автор использует **приложения** – 5 примеров. Их употребление может свидетельствовать о том, что автор стремится к усложнению простых предложений.

Риторический вопрос используется дважды. Например, в афоризмах:

«Why was I born with such contemporaries?»; «What is a cynic? A man who knows the price of everything and the value of nothing».

Восклицание встречается только в одном афоризме:

«I like talking to a brick wall– it’s the only thing in the world that never contradicts me!».

Из-за редкости восклицательных и вопросительных предложений, можно говорить о слабой эмоциональной окраске афоризмов.

Таким образом, в афоризмах английского писателя присутствуют следующие синтаксические стилистические приемы:

1. Параллельная конструкция
2. Приложение
3. Риторический вопрос
4. Антитеза

Обнаруженные средства выразительности обращают внимание на своеобразный стиль автора в организации высказываний и суждений. В очередной раз выявлена лаконичность, присущая афоризмам в целом и афоризмам О. Уайльда в частности. Данные стилистические приемы не противоречат общей концепции структуры афоризмов, т.к. сохраняется краткость и простота.

Группа лексических средств является самой объемной и имеет взаимосвязь с остальными особенностями выбранных афоризмов.

По сравнению с синтаксическими лексические приемы создания выразительности встречаются чаще.

Наиболее распространенными оказались средства сравнения, такие как:

- **Метафора** – «I am happy in my *prison of passion*», «Consistency is the last *refuge of the unimaginative*»; «Fashion is a *form of ugliness* so intolerable that we have to alter it every six months»;
- **Эпитет** – «The secret of life is to appreciate the pleasure of being terribly, *terribly deceived*»; «Most modern calendars mar the *sweet simplicity* of our lives...»; «Men always want to be a woman's first love. That is their *clumsy vanity*. We women have a more subtle instinct about these things. What women like is to be a man's last romance»;
- **Собственно сравнение** – «*Morality, like art*, means drawing a line someplace»; «I love *acting*. It is so much more real than life».

Приемы сравнения являются основными стилистически окрашенными элементами в выбранных афоризмах и используются с целью усиления их изобразительности и образности, создания более ярких, выразительных образов и выделения, подчеркивания каких-либо существенных признаков изображаемых предметов или явлений, а также с целью выражения авторских оценок и эмоций.

Кроме того, были выделены примеры использования **метонимии**: e.g. «Wisdom comes with *winters*»; «*Children* begin by loving their parents; as they grow older they judge them; sometimes they forgive them».

Также с целью усиления автор использует лексический повтор: «The secret of life is to appreciate the pleasure of being *terribly, terribly* deceived».

Особое место занимает такой стилистический прием, как **ирония**: «I am so *clever* that sometimes I *don't understand* a single word of what I am saying»; «It is always a silly thing to give advice, but to give *good* advice is *fatal*».

Автор употребляет противоположные по коннотации слова для создания иронического эффекта. Кроме того, такой прием объясняет парадоксальность многих афоризмов.

С точки зрения стилистики, афоризмы О. Уайльда построены на всех видах выразительных средств, кроме графических. Это подтверждает, что афоризм как микротекст обладает чертами текста в целом.

В таких микротекстах существует принципиальная возможность использовать стилистические средства любого уровня. Доказано, что семантика афоризмов и основная тематика пересекаются с основными идеями творчества О. Уайльда.

Заключение

По результатам проведенного анализа афоризмов О. Уайльда мы пришли к выводу о том, что центральными темами его творчества являются:

1. Жизнь и ее смысл;
2. Мораль и нравственность;
3. Общество.

Общий семантический фон афоризмов позволяет говорить о субъективности автора. Об этом свидетельствует и частое использование местоимений 1-го и 2-го лица.

Ведущим акцентом творчества английского писателя является парадоксальность. Этот факт подтверждается использованием антитезы, а также соответствующих синтаксических структур, основанных на противительной связи.

На лексическом уровне используются такие средства выразительности, как тропы сходства (метафора, эпитет, сравнение), метонимия, лексический повтор, ирония.

Принимая во внимание совокупность всех озвученных ранее тезисов, мы пришли к выводам о том, что афоризм является самостоятельным текстом, а точнее микротекстом, анализировать который можно на всех уровнях, в том числе и с точки зрения стилистики. Как продукт языкового творчества афоризм отражает глубокие идеи и мысли автора в форме выразительного высказывания. Этот вид текста можно назвать «предисловием» творчества писателя в целом, выводом, к которому он приходит в ходе своих размышлений.

Таким образом, афоризм следует рассматривать в контексте идиостиля конкретного писателя.

Афоризм привлекает внимание читателя своей краткой формой и глубоким содержанием. Но несмотря на свой объем, афоризм может содержать сложную структуру и комбинацию различных стилистических приемов. Кроме этого, мысль, заключенная в таком высказывании, обладает экспрессивной, оценочной, а иногда и побудительной функциями.

В заключение данного исследования можно сделать вывод о том, что афоризм как особый жанр стоит рассматривать в различных аспектах языка, т.к. его потенциал полностью раскрывает особенности мироздания каждого отдельно взятого человека, что находит отражение в языковой картине мира.

Список литературы

1. Акатьева П.А., Явнова И.И. Викторианская мораль // Инновационная наука. 2016. № 10(3). С. 59-60.
2. Беспалова Е.К. Иронический трансатлантизм О. Уайльда // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2018. № 3(23). С.-26. 14
3. Королькова А.В. Стилистическая природа афоризмов // Риторика – Лингвистика: сборник статей. № 6. Смоленск: Смоленский гос. ун.-т., 2005. С. 335-343.
4. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. Электронный ресурс. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/63> (дата обращения: 18.10.2020)
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: ИТИ Технологии, 2003. 944 с.
6. Популярный словарь русского языка. URL: <https://popular.academic.ru> (дата обращения: 29.10.2020)
7. Тумбина О.В. Контраст и парадокс в повествовательной прозе Оскара Уайльда: К характеристике творческого метода писателя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Рос. гос. пед. ун.-т имени А.И. Герцена. СПб, 2004. 19 с.

8. Уайльд О. Мысли, афоризмы и фразы. М.: Эксмо-Пресс, 2018. 368 с.
9. Федоренко Н.Т. Афористика. М.: Наука, 1990. 419 с.
10. Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>. (дата обращения: 30.10.2020)

References

1. Akat'eva P.A., Yavnova I. I. Viktorianskaya moral' [Victorian moral]. *Innovacionnaya nauka* [Innovative science], 2016, no. 10, pp. 59-60.
2. Bespalova E.K. Ironicheskiy transatlantizm O. Uajl'da [O. Wilde's ironic transatlantism]. *Mirovaya literatura na perekrest'e kul'tur i civilizacij* [World literature at the crossroads of cultures and civilizations], 2018, no. 8(23), pp. 14-26.
3. Korol'kova A.V. Stilisticheskaya priroda aforizmov [The stylistic nature of aphorisms]. *Ritorika – Lingvistika* [Rhetoric – Linguistics], no 6. Smolensk: Smolensk State University Publ., 2005, pp. 335-343.
4. *Literaturnyj enciklopedicheskij slovar* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 1987. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/63> (accessed 18.10.2020)
5. Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: ITI Tekhnologii, 2003, 944 p.
6. *Populyarnyj slovar' russkogo yazyka* [Popular dictionary of the Russian language]. URL: <https://popular.academic.ru> (accessed 29.10.2020)
7. Tumbina O.V. *Kontrast i paradoks v povestvovatel'noj proze Oskara Uajl'da: K karakteristike tvorcheskogo metoda pisatelya* [Contrast and paradox in Oscar Wilde's narrative prose: Towards a characterization of the writer's creative method]. Abstract of PhD dissertation. St. Petersburg: Russian State Pedagogical University, 2004, 19 p.
8. Wilde O. *Mysli, aforizmy i frazy* [Thoughts, maxims and phrases]. Moscow: Eksmo-Press, 2018, 368 p.
9. Fedorenko N.T. *Aforistika* [Aphoristics]. Moscow: Nauka, 1990, 419 p.
10. Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (accessed 30.10.2020)

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Боровкова Елена Рифовна, кандидат филологических наук доцент
кафедры Иностранных языков и русской филологии
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (Филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета
ул. Красногвардейская, 57, г. Нижний Тагил, Свердловская обл., 622013, Российская Федерация
rifovna@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Borovkova Elena R., Ph. D. in Philology, Associate Professor of the
Department of Foreign Languages and Russian philology
Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (Branch) of the Russian State Vocational Pedagogical University
57, Krasnogvardeyskaya Str., Nizhny Tagil, 622013, Sverdlovsk region, Russian Federation
rifovna@mail.ru
SPIN-code: 8003-4308
ORCID: 0000-0001-6892-7679

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-71-91

УДК 81-11

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРИКАТУРА КАК ЖАНР ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА В СТРУКТУРЕ ПРОПАГАНДИСТСКОГО ДИСКУРСА

Вагизова В.В.

Статья посвящена пропаганде как инструменту воздействия на общественное сознание. Приводятся данные анализа поликодовых текстов в структуре пропагандистского дискурса на материале политических карикатур на Северную Корею в американских СМИ. Проблема рассматривается с точки зрения дискурсивного анализа.

Целью исследования является выявление роли и взаимосвязи вербального и невербального компонентов поликодовых текстов политической карикатуры и их манипулятивного потенциала в дискурсе американской пропаганды, направленной на демонизацию Северной Кореи и ее лидера.

***Материалы и методы.** Материалом для исследования послужил корпус политических карикатур на лидера Северной Кореи из электронного издания новостного американского журнала «U.S. News & World Report». В ходе работы над статьей были использованы методы мультимодального анализа, контекстуального анализа, коммуникативного анализа, элементы критического дискурс-анализа и метод сплошной выборки.*

***Результаты.** Результаты анализа теоретической и практической базы исследования выявили взаимосвязь вербального и невербального компонентов поликодовых текстов. Рассмотренные политические карикатуры обладают большими манипуляционными возможностями и содержат признаки информационной войны.*

***Область применения результатов.** Выявленные в результате исследования тактики и языковые средства речевого воздействия могут быть использованы в дальнейшем анализе поликодовых тек-*

стов политической карикатуры и в лингвистической экспертизе материалов пропагандистского характера.

Ключевые слова: информационная война; пропаганда; пропагандистский дискурс; поликодовый текст; карикатура; Ким Чен Ын; Северная Корея

POLITICAL CARTOON AS A GENRE OF POLYCODE TEXT WITHIN THE PROPAGANDA DISCOURSE

Vagizova V.V.

The article is devoted to the propaganda studying as an instrument for influencing public consciousness. It also provides data on polycode text analysis within the propaganda discourse based on the political cartoons of North Korea in the American mass media. The problem is considered from the point of view of discourse analysis.

Purpose. *The research is devoted to identifying the role and connection between verbal and non-verbal components of polycode texts in political cartoons and their manipulative capacity within the American propaganda discourse aimed at demonizing both North Korea and its leader.*

Research materials and methods. *The political cartoons of North Korean leader were taken and studied from the American internet news edition U.S. News & World Report. For the purposes of the study the following methods were used: methods of multimodal analysis, contextual analysis, communicative analysis, elements of critical discourse analysis and continuous sampling method.*

Results. *The results of the theoretical analysis and experimental work identified the relationship between verbal and non-verbal components of polycode texts. The political cartoons under study have great manipulative capabilities and contain the signs of information warfare.*

Practical implications. *The tactics and linguistic means of persuasion revealed by the research can be used in further analysis of polycode cartoon texts as well as in linguistic examination of propaganda materials.*

***Keywords:** information warfare; propaganda; propaganda discourse; polycode text; political cartoon; Kim Jong-un; North Korea*

Введение

В 21 в., называемом веком информационных технологий, информация становится одним из основных ресурсов, потребляемых современным человеком. От ее содержания, актуальности, канала передачи и целевой аудитории зависят решения военно-политических, экономических и иных задач в интересах как отдельной личности, так и государства в целом.

При отстаивании государствами своих геополитических интересов наметилась тенденция к переходу от «горячих» (силовых) методов воздействия к «холодным». Важное значение среди них имеют информационные методы, способные дискредитировать потенциального противника в лице государства, правительства, политического лидера. Одним из важнейших информационных каналов являются массмедиа. Их массовая аудитория – это удобный объект манипулирования, осуществляемого, в частности, в рамках пропаганды.

Становится очевидным, что проникновение приемов пропаганды как способа манипулирования человеческим сознанием из военно-политической области в другие сферы деятельности общества (PR-технологии, политическая агитация, политические массмедийные технологии и др.) заставило ученых обратить особое внимание на изучение данного вопроса.

Целью исследования является выявление взаимосвязи и роли вербального и невербального компонентов поликодовых текстов политической карикатуры и их манипулятивного потенциала в дискурсе американской пропаганды, направленной на демонизацию Северной Кореи и ее лидера.

Актуальность выбора темы обусловлена неполнотой теоретической и практической базы для лингвистического исследования методов, речевых тактик и стратегий, а также языковых маркеров манипулятивного воздействия; необходимостью дальнейшего рас-

ширения понятийного аппарата лингвистики информационно-психологической войны в целях усовершенствования политики России в области информационного противоборства.

Новизна работы обусловлена ее актуальностью, направление исследования вписывается в рамки достаточно нового научного направления «Лингвистика информационно-психологической войны», активно разрабатываемого учеными-лингвистами Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск).

Дискурс пропаганды в контексте информационной войны

В нашей работе за основу взято определение информационной войны, предложенное лингвистом А.П. Сковородниковым. Он рассматривает информационную войну «как противоборство сторон, возникающее из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляемое путем целенаправленного информационного воздействия друг на друга с использованием специальных технологий для получения определенного преимущества в материальной и/или идеологической сфере и защиты собственной безопасности» [14, с. 12].

Согласно ряду исследователей, информационная война и война с применением силовых методов часто ведутся параллельно. Первый вид противоборства может спровоцировать или оправдать второй [12, с. 194].

Главная цель информационной войны заключается в изменении массового сознания в выгодном для оппонента направлении. Должный эффект достигается путем использования различных приемов. Пропаганда является наиболее распространенным способом манипуляции общественным сознанием [10, с.49].

Термин «пропаганда» (от лат. *propaganda* – ‘подлежащее распространению’) произошел от названия Конгрегации Пропаганды Веры (*Sacra Congregatio de Propaganda Fide*), основанной в 1622 г. римским папой Урбаном VII. Папская пропаганда была учреждена в целях продвижения идей католической церкви среди населения и в рамках идеологической борьбы с протестантами. Изначально

слово имело нейтральное значение, однако со временем приобрело негативную коннотацию – «массовое внушение или влияние через манипуляцию символов и психологию индивидуума» [15; 22, р. 2].

Известный американский теоретик пропаганды Г. Лассуэлл отмечал, что пропаганда призвана изменять мировоззрение людей. Как способ массового убеждения, она насаждает политические взгляды элит. Пропаганда является более «экономным» видом оружия, чем традиционные виды. Пропаганда – это «инструмент тотальной политики вместе с дипломатией, экономическими мероприятиями и вооружёнными силами. Её цель заключается в экономии материальных затрат на мировое господство» [15].

Объектом воздействия пропаганды является мировоззрение широких социальных групп: «Пропаганда представляет собой воздействие на сознание (подсознание), политические и ценностные ориентации объектов (групп объектов) посредством распространения воззрений, идей, учений с целью формирования мировоззрения, соответствующего интересам воздействующей стороны» [15; 23, р. 629].

Нередко пропаганду ассоциируют с коммуникативной технологией, представляющей собой «наиболее быстрый (по причине массовости) и наименее затратный (по причине отсутствия «обратной связи») способ внедрения идей в сознание адресата пропагандистской коммуникации» [18, с. 3].

Пропаганда является наиболее эффективной, когда остается незаметной для адресата. В данном случае характер источника информации (официальное или неофициальное новостное агентство) не имеет значения. Читатель подвергается влиянию пропагандистского контента без его ведома, и в результате некоторые его суждения могут быть изменены [20, р. 1849].

Определенные институты или организации как источники пропаганды являются заказчиками для исполнителей и непосредственно определяют содержание пропаганды [5, с. 227; 11, с. 38].

К конститутивным чертам пропаганды относят: наличие коммуникатора как выразителя мнения большей по численности социальной группы; амбивалентность сообщения по отношению к его

правдивости, истинности; попытка вызвать эмоции адресата коммуникации; массовый характер; монологичность текста, отсутствие обратной связи [18, с. 2].

Чтобы сообщение считалось пропагандой, оно должно соответствовать *трем критериям*:

– наличие осознанной попытки манипулировать мнением других людей;

– в сообщении представлена лишь одна из сторон конфликта; таким образом, создается впечатление, что оно является безоговорочной истиной;

– намерение, которое содержится в сообщении, тщательно замаскировано, чтобы слушатели не воспринимали его как пропаганду. Для достижения необходимого эффекта пропагандист должен обдумать объект пропаганды, правдоподобие информации, средства передачи и цель сообщения. Эффективность пропагандистского сообщения сложно оценить, однако его воздействие на аудиторию очевидно [13, с. 56].

В нашей работе в качестве рабочего определения используется понимание пропаганды Ю.В. Безбородовой и Л.В. Коростелевой: «политически мотивированное информационно-психологическое воздействие на эмоционально-волевую сферу массового сознания, с помощью которого внедряются политические идеи, взгляды, установки и формируется политическое поведение, которое не допускает альтернативной точки зрения» [3, с. 160].

Среди других форм речевого воздействия пропаганду выделяет ряд особенностей: целенаправленность, поэтапность, системность, наличие вербальной и материальной составляющей. Целенаправленность заключается в том, что для достижения пропагандистских целей распространяется не любая, а конкретная информация. Поэтапность заключается в разделении пропаганды на несколько этапов: получение информации, обработка, определение средств распространения и непосредственно распространение конкретной информации в массовом сознании. Системность проявляется на разных уровнях, в разных направлениях. Например, при выборе

средств получения, обработки и распространения определенной информации; при систематизации действий субъектов, в системности воздействия на массовое сознание. Наличие вербальной и материальной составляющей позволяют оказывать воздействие на главные сферы сознания человека, использовать результаты действий человека [16, с. 88].

В целях повышения эффективности применяются различные приемы и методы пропаганды. Например, к таким приемам относится подбор фактов для усиления или ослабления высказывания; введение сравнения; дозировка позитива и негатива для того, чтобы похвала выглядела правдоподобнее.

В дополнение к вышеперечисленным приемам выделяют такие приемы воздействия, как использование демотиваторов, *карикатур*, фотографий для усиления эмоционального воздействия на общественное сознание [16, с. 88].

Важность данного приема, отмечаемая исследователями, позволяет нам обратиться к исследованию и анализу пропаганды именно в рамках поликодовых текстов.

Политическая карикатура как жанр поликодового текста в структуре пропагандистского дискурса

Как известно, пропаганда может реализовываться как в вербальной форме, так и в невербальной форме (визуальные образы, музыка, фильмы). Некоторые авторы отмечают, что использование невербальных символов вообще является неременной отличительной чертой пропаганды [2, с. 54].

При этом необходимо отметить, что вербальные средства оказывают влияние на сознание человека, в то время как невербальные (паралингвистические) средства воздействуют на область подсознания [7, с. 26].

Тексты, содержащие в своем составе элементы различных семиотических систем, имеют различные наименования в современном научном языке: поликодовые, креолизованные, изовербальные, семиотически осложненные, полимодальные и др. Чаще других вариан-

тов используются термины «креолизованный текст» и «поликодовый текст». Эти понятия являются довольно близкими, но не совпадают друг с другом. Креолизованный текст представляет собой «... особый лингвовизуальный феномен, текст, в котором вербальный и изобразительный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее его комплексное практическое воздействие на адресата» [1, с. 63].

Как отмечает А.Г. Сонин, поликодовый текст – это специфическое речевое произведение, образуемое взаимодействием изобразительной и вербальной составляющих в едином графическом и смысловом пространстве. Под графическим структурированием текста понимается использование для выражения актуального личностного смысла совокупности разнородных элементов: цвета, разных отдельных элементов рисунка, пространственных планов, углов зрения, графем, которым приписывается особое содержание, знаков препинания и др. [17, с. 119].

В настоящем исследовании нами сделан выбор в пользу термина «поликодовый текст», потому как он наиболее точно и полно выражает суть изучаемого феномена. Изначально понятие «поликодового текста» было предложено в 1974 г. Г.В. Ейгером и В.Л. Юхтом. По их мнению, «к поликодовым текстам в широком семиотическом смысле должны быть отнесены случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т. п.)» [9, с. 107].

Разновидностью поликодового текста, совмещающего в себе вербальные и невербальные компоненты, является политическая карикатура. Она может как отражать общественное мнение, так и изменять убеждения адресатов относительно конкретных социально-политических вопросов; содержать в себе определенную точку зрения автора на политиков и/или положение дел [24, р. 118; 21, р. 11].

В репрезентации образа врага нередко используется смеховая культура, яркими примерами которой являются карикатура или анекдот. Именно они получили широкое распространение в массмедийной коммуникации.

В центре внимания нашего исследования представлена именно политическая карикатура как разновидность поликодового текста, играющая большую роль в формировании образа врага в сознании аудитории и обладающая большим манипулятивным потенциалом.

Согласно мнению многих современных исследователей, наиболее важным механизмом формирования любой группы в обществе является конструирование образа врага. Именно «по отношению к образу внешнего врага “Они-группа” сплачивается и становится “Мы-группой”». Адекватный образ внешнего врага повышает как управляемость социальной группой, так и внутреннюю солидарность. Необходимо отметить, что активно формируемый образ врага превращается в пропагандистский миф или мощное орудие манипуляции. Феномен сплочения перед лицом угрозы является достаточно эффективным средством в любой социальной группе [19, с. 123].

Согласно М.Б. Ворошиловой, при анализе креолизованных (поликодовых) текстов выделяют три сформировавшихся подхода: «1) семиотическое направление, в том числе работы по концептуальной метафорике; 2) структурно-риторическое направление, посвященное вопросам взаимодействия языковой и иконической составляющей креолизованного (поликодового) текста; 3) коммуникативное направление, в центре внимания исследователей проблема коммуникативных стратегии и тактик» [6, с. 74].

В нашем исследовании политические карикатуры на лидера Северной Кореи в американских СМИ проанализированы с учетом структурно-риторического и коммуникативного подходов, которые фокусируются на вопросах взаимодействия вербального (языкового) и невербального (иконического) компонентов поликодового текста.

Материалы и методы

В качестве материала для нашего исследования послужил исследовательский корпус карикатур в количестве 50 единиц, объектом высмеивания в которых является политический курс Северной Кореи, ее лидер или идеология. Все карикатуры были отобраны методом сплошной выборки из электронного издания новостно-

го американского журнала «U.S. News & World Report». Выбор журнала обусловлен его высоким рейтингом в кругах читателей и повышенным вниманием к вопросам международной политики и экономики, в рамках которых особую роль занимают американо-северокорейские отношения.

В качестве методов использовались методы мультимодального анализа политического текста, метод контекстуального анализа, элементы критического дискурс-анализа и коммуникативного анализа.

Анализ и результаты

На всех карикатурах (например, рис. 1-3) в целях дискредитации власти лидер Северной Кореи представлен в роли мишени информационной войны (информационно-психологической войны), ведущейся правительством США посредством СМИ. В мишени информационно-психологической войны (далее – ИПВ) основной удар приходится на ядро (или болевую точку). Согласно А.П. Сквородникову, «под мишенью мы понимаем ту сторону действительности, так или иначе связанную с объектом, которая подвергается дискредитации для того, чтобы воздействовать определенным образом на объект» [14, с. 64].

Проведенный анализ карикатур на северокорейского лидера показал, что распространенными тактиками являются тактика «навешивания» ярлыков, тактика уничижительно-иронического преуменьшения каких-либо достоинств мишени (силы, значимости, качества, масштабности и т.д.) и тактика преувеличения ее недостатков.

Что касается языковых маркеров ИПВ, которые участвуют в реализации определенных тактик, на первом месте по частоте употребления находятся лексико-фразеологические средства языка:

1) слова и фразеологизмы с отрицательно-оценочной коннотацией, характеризующие мишень ИПВ (идеологию, партию, процесс, личность); слова, обозначающие негативные явления, например, *blow up* – взрывать (рис. 2), и служащие для реализации тактики навешивания ярлыков;

2) стилистические тропы и фигуры, под которыми понимаются прагматически мотивированные отклонения от речевой нейтральной или языковой нормы, усиливающие экспрессивность высказывания:

– трансформация фразеологизма или прецедентного текста: *Make America Great Again* – *Make America disappear* (рис. 1);

– метафора, выражающая оценку: *The world's biggest baby...* (рис. 2).

Рис. 1. Make America disappear

На карикатуре (рис. 1) представлен визуальный образ лидера Северной Кореи Ким Чен Ына в гиперболизированном виде.

Иконический компонент поликодового текста включает изображение северокорейского лидера на фоне государственного флага КНДР.

Изображение лидера на фоне государственного флага свидетельствует об олицетворении его с символом власти, государством, проводимой политикой Чучхе (северокорейская националистическая государственная идеология). Красный цвет и звезда на северокорейском флаге символизируют идеологию государства. Здесь мы прослеживаем некую аллегорию: идеология и государственность – флаг – лидер государства. Сам Ким Чен Ын изображен в

нетипичном для тоталитарного лидера образе. С одной стороны он одет в привычный протокольный костюм, в котором часто появляется на правительственных заседаниях, с другой стороны – на голове лидера присутствует красная кепка с надписью «Make America disappear» («Заставим Америку исчезнуть с лица земли»). Кепка лидера КНДР является аналогом кепки Дональда Трампа с надписью «Make America Great Again» («Вернем Америке былое величие»)), которую он надевал преимущественно во время президентской кампании 2016 г. Данный лозунг использовался американскими президентами и раньше, например Рональдом Рейганом и Биллом Клинтоном. Таким образом, надпись на кепке Ким Чен Ына «Make America disappear» является своего рода лозунгом, угрозой безопасности США и несогласием с проводимым ей политическим курсом.

Как мы отмечали ранее, в «мишени пропагандистского воздействия может быть выделено ядро (или болевая точка), на которое направлен основной удар субъекта информационно-психологической войны» [14, с. 23]. В данном случае (рис. 1) мишенью ИПВ и объектом демонизации является лидер КНДР.

Выделим внешность лидера в качестве болевой точки (ядра), на которой в карикатурах авторы акцентируют особое внимание. На рис. 1 визуально подчеркивается и преувеличивается физическая особенность лидера (излишняя полнота), которая становится потенциальным объектом насмешек со стороны субъектов ИПВ. Таким образом, мы можем констатировать факт применения тактики преувеличения недостатков.

Помимо наглядности, иконический компонент на рис. 1 актуализирует следующие ассоциативные связи: символические, цветовые, ассоциаций по форме, интегрированные с резко отрицательной эмоцией. В данном случае отрицательные эмоции служат основой в создании образа врага. *Вербальный компонент* поликодового текста включает надпись на кепке лидера КНДР «*Make America disappear*» («Заставим Америку исчезнуть с лица земли»)

В качестве языкового маркера ИПВ в данной карикатуре (рис. 1) отметим использование трансформации прецедентного выска-

звания: *Make America Great Again* (прецедентное высказывание) – *Make America disappear* (см. рис. 1).

Таким образом, проанализировав иконический и вербальный компоненты карикатуры (рис. 1), можно судить о наличии признаков манипулятивного воздействия акторов ИПВ на сознание объектов ИПВ.

Рис. 2. The World's Biggest Baby

Иконический компонент. На рис. 2 лидер Северной Кореи изображен в виде капризного ребенка, играющего с межконтинентальной баллистической ракетой.

Изображение лидера в виде капризного ребенка может свидетельствовать о применении актором ИПВ тактики уничижительно-иронического преуменьшения достоинств мишени (значимости, масштабности, качества, силы) или тактики «навешивания» ярлыков. «Капризный маленький ребенок» в данном случае может быть расценен как ярлык.

В иконическом компоненте карикатуры также представлена ракета как символ политики государства и ядерной программы КНДР.

Анализ *вербального компонента* (рис. 2) демонстрирует ряд специфических черт.

Употребление превосходной степени сравнения слова *big (the biggest)* придает дополнительную экспрессию образу лидера КНДР, представляя его как опасного непредсказуемого политика. Надпись

«The world's biggest baby...» является метафорическим выражением образа северокорейского лидера. Также в надписи «The world's biggest baby...» (Самый большой ребенок в мире) присутствует и графическое выделение красным цветом слова *biggest*, что свидетельствует о негативной эмоциональной оценке.

«*WAAAAAH! Give me attention or I'll blow up Los Angeles!*» – ВА-ААААХ! Обратите на меня внимание или я взорву Лос-Анжелес!

В данном контексте междометие *WAAAAAH* выражает досаду. Досада лидера КНДР в данном случае вызвана отсутствием уважения к нему как к политическому лидеру на мировой арене. К тому же для дополнительной экспрессии в междометии *WAAAAAH!* присутствует как графическое выделение буквы А (многократный повтор), так и пунктуационное выделение в предложении знаком «!». Императив «*Give me attention or I'll blow up Los Angeles!*» свидетельствует о желании северокорейского лидера диктовать миру свои политические условия. Что касается лексических средств выражения, в предложении используется глагол *blow up* – ‘взрывать’, приобретший в контексте террористических актов последнего десятилетия отрицательно-оценочную коннотацию, который характеризует мишень (лидера КНДР) как потенциального террориста.

В предложении используется звукоподражательное слово «ВАМ», которое передает звук разорвавшейся ракеты, что негативно характеризует действия лидера Северной Кореи. Для усиления эмоционального эффекта на аудиторию звукоподражательное слово повторяется несколько раз и графически выделено заглавными буквами.

Следующая карикатура (рис. 3) символизирует заигрывание северокорейского лидера с национальным символом США белоголовым орланом, который олицетворяет собой страну и ее демократию. Северокорейский лидер изображен в виде поющей пчелы, что предполагает использование тактики уничижительно-иронического преуменьшения достоинств мишени (значимости, масштабности, силы, качества). Данная тактика уничижает значимость северокорейского лидера и изображает его как назойливого насекомого, чья политика не вписывается в международные стандарты. Из вербаль-

ных (языковых) средств используется только звукоподражательное слово «NA-NANA-NANA-NAH» – звук поющей пчелы, который является дополнением к изобразительному образу лидера Северной Кореи, но не его пояснением.

Рис. 3. The Bold Eagle and the North Korean leader

Заключение

Таким образом, проанализировав политические карикатуры на лидера Северной Кореи, мы пришли к следующим выводам:

- поликодовые тексты являются синтезом изобразительных (невербальных) и вербальных компонентов, каждый из которых выполняет свою оценочную, экспрессивную функцию;
- поликодовые тексты несут как эксплицитный, так и имплицитный смысл, для истолкования которых требуются экстралингвистические знания;
- поликодовые тексты, специфическим жанром которых является политическая карикатура, обладают большим манипуляционным потенциалом и играют существенную роль в формировании образа врага;
- пропаганда как способ манипуляции сознанием осуществляется посредством каналов СМИ и Интернета;
- как прием визуализации иконический компонент позволяет автору пропагандистского сообщения в виде карикатуры

формировать безальтернативную точку зрения у аудитории относительно мишени ИПВ;

- визуальный компонент поликодовых текстов воздействует на сознание объектов ИПВ на лексическом, стилистическом, грамматическом, графическом уровнях.

Рассмотренные поликодовые тексты содержат признаки ИПВ, объектом воздействия которых является массовое сознание американцев, а мишенью выступает лидер Северной Кореи.

Для реализации стратегии дискредитации политического противника используются тактики, являющиеся средством манипулирования общественным сознанием: тактика уничижительно-иронического преуменьшения достоинств мишени, тактика «навешивания» ярлыков, тактика преувеличения недостатков мишени.

Поскольку исследование языкового аспекта ИПВ относительно недавно стало объектом научного интереса лингвистов, существует необходимость в продолжении подобных исследований в целях обеспечения информационной безопасности государства.

Список литературы

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов. М.: Академия, 2003. 107 с.
2. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 2. С. 53-65.
3. Безбородова Ю.В., Коростелева Л.В. Креолизованный текст в структуре пропагандистского дискурса // Политическая лингвистика. 2019. № 6 (78). С. 159-163.
4. Белоконова А.С. Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала холодной войны: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2004. 24 с.
5. Войтасик Л. Использование психологии в системе пропаганды // Реклама: внушение и манипуляция. Медиа-ориентированный подход. Самара: Бахра-М, 2001. С. 208-286.

6. Ворошилова М.Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 73-78.
7. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. 194 с.
8. Гудков Л.Д. Негативная идентичность: статьи 1997-2002 годов. М.: Новое лит. обозрение: ВЦИОМ-А, 2004. 807 с.
9. Ейгер Г.В. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы науч. конф., МГПИИЯ: в 2 ч. Ч. 1. М.: МГПИИЯ, 1974. С. 103-109.
10. Иванов С.А. Пропаганда и информационные войны // Дневник алтайской школы политических исследований. 2012. № 28. С. 49-53.
11. Каменева В.А. Манипуляция и/или пропаганда? Функциональные особенности социальной рекламы // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С.35-39.
12. Колмогорова А.В., Калинин А.А., Талдыкина Ю.А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 194-199.
13. Кордуэлл М. Психология. А–Я: Словарь-справочник / пер. с англ. К.С. Ткаченко. М.: Фаир-пресс, 2000. 448 с.
14. Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга I / А.А. Бернацкая, И.В. Евсеева, А.В. Колмогорова [и др.]; под ред. проф. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.
15. Панарин И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. URL: <https://propagandahistory.ru/books/> (дата обращения: 11.01.2021).
16. Русинова М.П. Проблемы эффективной пропаганды ВФСК ГТО // Педагогическое образование в России. 2014. № 9. С. 87-89.
17. Сонин А.Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. 2005. № 6. С. 115-123.
18. Федотова М.Г. Пропаганда как технология информационной войны на Украине // Омские социально-гуманитарные чтения-2017. Материалы X Международной научно-практической конференции. 2017. С. 155-159.

19. Экстремистский текст и деструктивная личность: монография / Антонова Ю.А., Веснина Л.Е., Ворошилова М.Б., Злоказов К.В., Тагильцева Ю.Р., Карапетян А.А. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. 276 с.
20. Barron-Cedeno A., Jaradat I., Da San Martino G., Nakov. P. Propy: Organizing the news based on their propagandistic content // *Information Processing & Management*, vol.56 (5), 2019, pp. 1849-1864.
21. Iksoo Kwon. Conceptual mappings in political cartoons: A comparative study of the case of nuclear crises in US-North Korean relations // *Journal of Pragmatics*, 2019, vol. 143, pp. 10-27.
22. Jowett G., & O'Donnell V. *Propaganda and persuasion* (6th ed.). Los Angeles, USA: SAGE, 2015. 481 p.
23. Lasswell H. (1927) The theory of political propaganda. *American Political Science Review*, vol. 21(3), 1927, pp. 627-631.
24. Marin-Arrese J.I. Political Cartoon Discourse: Creativity, Critique and Persuasion // *Cultura lenguaje y representacion-revista de estudios culturales de la universitat Jaume I*, 2019, vol. 22, pp. 117-134.
25. URL: <https://www.usnews.com/cartoons/cartoons-on-north-korea> (дата обращения: 15.12.2020).

References

1. Anisimova E.E. *Lingvistika teksta i mezhkul`turnaya kommunikaciya (na materiale kreolizovanny`x tekstov)* [Text linguistics and intercultural communication (based on creolized texts)]. Moscow: Akademiya Publ., 2003, 107 p.
2. Baranov A.N., Parshin P.B. Kategoriya propagandy` v lingvisticheskoj e`ks-pertize teksta [Category of propaganda in the linguistic review of the text]. *Teoriya i praktika sudebnoj e`kspertizy`* [Theory and practice of forensic examination], 2017, vol. 12, no. 2, pp. 53-65.
3. Bezborodova Yu.V., Korosteleva L.V. Kreolizovanny`j tekst v strukture propagandistskogo diskursa [Creolized text in the structure of the discourse of propaganda]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2019, no. 6 (78), pp. 159-163.
4. Belokoneva A.S. *Konstruirovaniye obraza vneshnego vraga: issledovanie sovetskih SMI i oficial`nyh dokumentov nachala holodnoj vojny* [Con-

- structing the image of an external enemy: a study of the soviet media and official documents of the early cold war]. Abstract of PhD dissertation. Moscow, 2004, 24 p.
5. Vojtasik L. Ispol'zovanie psihologii v sisteme propagandy [The use of psychology in the propaganda system]. *Reklama: vnushenie i manipulyaciya. Media-orientirovannyj podhod* [Advertising: suggestion and manipulation. Media-oriented approach]. Samara: Bahrah-M Publ., 2001, 746 p.
 6. Voroshilova M.B. Kreolizovannyj tekst v politicheskom diskurse [Creolized text within political discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2007, no. 3 (23), pp. 73-78.
 7. Voroshilova M.B. *Politicheskij kreolizovannyj tekst: klyuchi k procht-eniyu: monografiya* [Political creolized text: the keys to reading: the monograph]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ., 2013, 194 p.
 8. Gudkov L.D. *Negativnaya identichnost': stat'i 1997-2002 godov* [Negative identity: articles from 1997 to 2002]. Moscow: Novoe lit. obozrenie Publ., 2004, 807 p.
 9. Ejger G.V. K postroeniyu tipologii tekstov [On the construction of text typology]. *Lingvistika teksta: materialy nauch. konf.* [Text linguistics: the proceedings of the scientific conference]. In 2 parts. Part 1. Moscow: MGPIIYA Publ., 1974, pp. 103–109.
 10. Ivanov S.A. Propaganda i informacionnye vojny [Propaganda and information warfare]. *Dnevnik altajskoj shkoly politicheskikh issledovanij* [Diary of the Altai school of political research], 2012, no. 28, pp.49-53.
 11. Kameneva V.A. Manipulyaciya i/ili propaganda? Funkcional'nye osobennosti social'noj reklamy [Manipulation and/or propaganda? Functional features of social advertising]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2013, no. 2 (44), pp. 35-39.
 12. Kolmogorova A.V., Kalinin A.A., Taldykina Ju.A. Yazykovye markery manipulyacii v polarizovannom politicheskom diskurse: opyt parametrizacii [Linguistic markers of manipulation in polarized discourse: parametric study]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2016, no. 4 (58), pp. 194-199.

13. Korduell M. *Psihologiya. A–YA: Slovar’-spravochnik* [Psychology. A-Z: Dictionary reference book]. Moscow: Fair-press, 2000, 448 p.
14. *Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny* [Linguistics of information and psychological warfare]: monograph. Book 1. Krasnoyarsk: SFU Publ., 2017, 340 p.
15. Panarin I.N. *SMI, propaganda i informacionnye vojny* [The media, propaganda and information warfare]. URL: <https://propagandahistory.ru/books/> (accessed 11.01.2021).
16. Rusinova M.P. *Problemy effektivnoj propagandy VFSK GTO* [The problems of effective advocacy for All-Russian Sports Complex «Ready for Labor and Defense»]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia], 2014, no. 9, pp. 87-89.
17. Sonin A.G. Eksperimental’noe issledovanie polikodovyh tekstov: osnovnye napravleniya [An experimental study of polycode texts: the main areas]. *Voprosy yazykoznanija* [Linguistic studies], 2005, no. 6, pp. 115-123.
18. Fedotova M.G. Propaganda kak tekhnologiya informacionnoj vojny na Ukraine [Propaganda as a technology of information warfare in Ukraine]. Omskie social’no-gumanitarnye chteniya-2017. Materialy X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Omsk social and humanitarian readings-2017. Materials of the Xth international scientific and practical conference], 2017, pp. 155-159.
19. *Ekstremistskij tekst i destruktivnaya lichnost’* [Extremist text and destructive personality]: monograph. Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t Publ., 2014, 276 p.
20. Barron-Cedeno A., Jaradat I., Da San Martino G., Nakov. P. Propy: Organizing the news based on their propagandistic content. *Information Processing & Management*, vol. 56 (5), 2019, pp. 1849-1864.
21. Iksoo Kwon. Conceptual mappings in political cartoons: A comparative study of the case of nuclear crises in US-North Korean relations. *Journal of Pragmatics*, 2019, vol.143, pp. 10-27.
22. Jowett G., & O’Donnell V. *Propaganda and persuasion* (6th ed.). Los Angeles, USA: SAGE, 2015, 481 p.
23. Lasswell H. The theory of political propaganda. *American Political Science Review*, vol. 21(3), 1927, pp. 627-631.

24. Marin-Arrese J.I. Political Cartoon Discourse: Creativity, Critique and Persuasion. *Cultura lenguaje y representacion-revista de estudios culturales de la universitat Jaume I*, 2019, vol. 22, pp. 117-134.
25. URL: <https://www.usnews.com/cartoons/cartoons-on-north-korea> (accessed December 15, 2020).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Вагизова Виктория Викторовна, аспирант кафедры романских языков и прикладной лингвистики Института филологии и языковой коммуникации, старший преподаватель Военного учебного центра
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет»
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, Красноярский край, 660041, Российская Федерация
elka-vika@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Vagizova Viktoria V., post-graduate student of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, the School of Philology and Language Communication, Senior lecturer of the School of Military Training
Siberian Federal University
79, Svobodny pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk region, 660041, Russian Federation
elka-vika@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-92-101

УДК 81.23

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Косяченко А.Н., Сапух Т.В.

Обоснование. Интернет-мемы представляют собой феномен, обретающий распространение в связи с ростом популярности коммуникации в интернет-пространстве. Поскольку Глобальная сеть объединяет большое количество представителей различных культур и носителей разных языков, целесообразно рассмотреть способы перевода интернет-мемов с одного языка на другой.

Цель. В статье рассмотрены способы перевода интернет-мемов на примере перевода мемов с английского языка на русский.

Материалы и методы. В качестве материала для статьи используется ряд мемов, распространенных в мировом, англоязычном и русскоязычном интернет-пространстве. В работе используются метод сравнительно-сопоставительного анализа и метод исследования развития понятий.

Результаты. Установлено, что большинство популярных интернет-мемов имеют универсальный характер, вследствие чего они легко преодолевают языковые барьеры; тем не менее, обоснована целесообразность рассмотрения возможных способов перевода интернет-мемов. Мемы могут быть охарактеризованы как особый вид паремиологических единиц. Следовательно, способы перевода паремий – фразеологический эквивалент, фразеологический аналог, экспликация, калькирование, «псевдопословичное» соответствие, контекстуальная замена, буквализм – применимы к переводу интернет-мемов, что продемонстрировано на ряде примеров.

Ключевые слова: интернет-мем; интернет-пространство; лингвокультура; перевод; способ перевода; паремиологическая единица

WAYS OF TRANSLATING INTERNET MEMES FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Kosyachenko A.N., Sapukh T.V.

Background. *Internet memes are a phenomenon becoming widespread due to the growing popularity of communication in the Internet space. Since the global network unites a large number of different language speakers and representatives of many cultures, it is advisable to consider ways of translating Internet memes from one language to another.*

Purpose. *The article discusses the ways of translating Internet memes on the example of translating memes from English into Russian.*

Materials and methods. *A number of memes which are common in the world, English-speaking and Russian-speaking Internet space are used as the material for the article. The article uses the method of comparative analysis and the method of studying the concepts development.*

Results. *It is established that the majority of popular Internet memes are universal, resulting in their easy overcoming of language barriers. Nevertheless, the expediency of considering possible ways of translating Internet memes is proved. Memes can be characterized as a special type of paremiological units. As a consequence, the ways of translating paroemias are applicable to the translation of Internet memes, which is demonstrated in a number of examples.*

Keywords: *Internet meme; Internet space; translation; way of translation; paremiological unit*

В современном мире все большую популярность обретает коммуникация в интернет-пространстве; иными словами, осуществляется интенсивный переход сообщения или передачи при помощи языка некоторого мысленного содержания, общения [8, с. 83] в глобальную сеть, объединяющую представителей различных культур, а следовательно, и носителей разных языков. В связи с этим очевидным процессом все большее значение в интернет-пространстве приобретает такое явление, как интернет-мемы.

Данный феномен достаточно широко рассматриваются в научной литературе. Так, ряд авторов анализирует интернет-мемы с точки зрения политического потенциала [4; 12]; отдельный вид мемов – мемы-хэштеги – может быть изучен как неотъемлемый элемент социальных сетей [13]. Существование большого количества работ, касающихся вопросов о сути и широком использовании интернет-мемов в разных областях, свидетельствует о многоаспектности и неполной изученности данного феномена. Таким образом, большая распространенность мемов при относительно недавнем возникновении в интернет-пространстве обосновывает актуальность изучения интернет-мемов в разных аспектах. К этим аспектам, в частности, следует отнести способы перевода мемов с одного языка на другой.

Сопоставительный анализ единиц исходного и переводящего языков, очевидно, подразумевает использование лингвистического метода сравнительно-сопоставительного анализа. Поскольку в исследовании следует прежде всего обратиться к истории самого термина «мем», в статье используется метод исследования развития понятий.

Впервые данный термин вводится в 1976 г. Р. Докинзом: автор говорит о «новом репликаторе» как о «единице передачи культурного наследия или о единице имитации», примерами которых служат «мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок» [3, с. 109].

Следует отметить, что Р. Докинз предлагает концепцию мема – репликатора «применительно к социокультурным процессам» [6, с. 5], однако в современных исследованиях и средствах массовой информации термин «мем» активно используется в отношении Интернета.

Не ставя своей целью комплексный анализ происхождения и содержания понятия «мем», рассмотрим некоторые определения данного термина с опорой на труды исследователей, в той или иной мере изучавших отдельные аспекты данного феномена. Так, вслед за Р. Докинзом особое внимание проблематике мемов уделяет С. Блэкмор. Автор, в частности, указывает на то, что в случае право-

ты Р. Докинза вся человеческая жизнь оказывается «пронизанной» мемами. К ним относятся все слова из словарного запаса отдельного индивида, известные ему истории, перенятые у других людей привычки, правила, которым подчиняется индивид и т.д. Каждый мем развивается своим уникальным способом, однако распространяется при помощи человеческого поведения [14, р. 6-7].

Вопрос об определении термина «мем» в контексте когнитивной науки находит отражение в статье Д. Деннетта: по мнению исследователя, эти «новомодные» репликаторы условно представляют собой сложные идеи, формирующиеся в виде отдельных запоминающихся единиц [15, р. 127].

Д. Рашкофф, специалист в области массмедиа, вводит понятие медиа-вируса: «Медиа-вирусы распространяются в инфосфере точно так же, как биологические вирусы распространяются в организме-хозяине или в целом сообществе организмов». <...> Прикрепившись, медиа-вирус вводит в инфосферу скрытые в нем концепции в форме идеологического кода – это не гены, но их концептуальный эквивалент, который мы сейчас называем «мемами» [11, с. 15]. Данное определение мема приобретает особое значение в контексте нашей работы, поскольку Д. Рашкофф уделяет специальное внимание такому свойству феномена мемов, как быстрое распространение в инфосфере, в том числе в интернет-пространстве. «Интернет-мемы получили свое название благодаря тому, что они являются продуктом сети Интернет» [6, с. 6].

М.И. Громова описывает интернет-мемы как лингвокультураны интернет-пространства, влияющие на развитие культуры и языка современного общества [2, с. 28]. Развивая концепцию об интернет-мемах как о комплексных межуровневых единицах, являющихся диалектическим единством лингвистического и экстралингвистического содержания [1, с. 44-45], делаем вывод о возможности и необходимости анализа интернет-мемов с точки зрения лингвистики. Поскольку общеизвестно, что Интернет представляет собой глобальную сеть, в которую вовлечено значительное количество людей, проживающих в разных странах и являющихся носителями

разных языков, можно констатировать наличие необходимости перевода интернет-мемов с одного языка на другой.

В обобщенном виде эта проблематика, по нашему мнению, сводится к следующим вопросам: существует ли специфика перевода интернет-мемов? Кто является переводчиком интернет-мемов? Существуют ли определенные способы перевода интернет-мемов?

По нашему убеждению, специфика интернет-мемов состоит в упомянутом выше свойстве быстрого распространения в сети Интернет. Собственные наблюдения в этом плане показывают, что распространение мемов является стохастическим: интернет-мем, популярный в определенных группах людей, может приобрести большую распространенность, в том числе, среди носителей другого языка. Тем не менее, не вся информация развлекательного содержания подвергается распространению [6, с. 7]; подчеркнем, что это может происходить неожиданно для автора мема.

Г.К. Петросян считает, что мемы являются независимыми от лингвокультуры [9, с. 75]. Мы не в полной мере согласны с данной позицией, однако поддерживаем положение о том, что «популярный интернет-мем легко преодолевает языковой барьер, порождая новые серии в каждой языковой культуре, т.е. носит интернациональный характер» [Там же].

Аналогичной точки зрения придерживаются Е.Ю. Пишкова и С.Р. Абидова. Исследователи высказывают предположение, что на данный момент универсальной является большая часть существующих интернет-мемов, «вследствие чего их легко транслировать из одной языковой или культурной среды в иную» [10, с. 93]. Вместе с тем подчеркивается, что тот или иной мем не всегда «удается расшифровать и истолковать с первого раза», что вовлекает пользователей интернет-пространства в «интеллектуальную игру» [Там же].

Из сказанного становится очевидным, что в ряде случаев переводчиками интернет-мемов выступают сами пользователи сети, из чего следует, что автором перевода не всегда является конкретный индивид, а в интернет-пространстве получает распространение наиболее удачный вариант перевода интернет-мема.

Упомянутая Е.Ю. Пишковой и С.Р. Абидовой расшифровка и правильное истолкование интернет-мемов могут подразумевать, в том числе, поиск адекватного перевода на переводящий язык. Кроме того, исходя из тезиса С. Блэкмор об уникальном способе развития каждого мема, обращаем внимание на то, что интернет-мемы, таким образом, могут приходить в язык разными путями. Вследствие этого мы приходим к выводу о целесообразности анализа возможных способов перевода интернет-мемов.

С.А. Маринина характеризует интернет-мемы как новый вид паремиологических единиц [6, с. 23]. Паремия – «малый жанровый тип фольклора <...> загадка, примета, прибаутка, пожелание, скороговорка» [7, с. 295]. На этом основании можно предположить, что к переводу интернет-мемов применимы те же методы, что и к переводу паремиологических единиц.

А.Г. Колошиц предлагает следующие способы перевода паремий [5, с. 8-9]:

1) фразеологический (полный) эквивалент; например, *Shut up and take my money* – *Заткнись и возьми мои деньги*; *Sad Keanu (Reeves)* – *Грустный Киану Ривз*; *Grumpy Cat* – *Сердитая Кошка* (также распространен перевод *Грампи Кэт*).

2) фразеологический аналог (частичный эквивалент). В качестве иллюстрации используем перевод известного мема *Winter is coming* – *Зима близко*, а также перевод мема «This is Bill», – в русскоязычном интернет-пространстве имя *Билл* заменено на имя *Петя*: *This is Bill*. <...> *Bill is smart. Be like Bill* – *Это Петя*. <...> *Петя умный. Будь как Петя*.

3) описательный перевод. Данный способ продемонстрируем примером креолизованного мема «Ermagherd Girl», изображающего девочку с ортодонтическими скобами на зубах. Предполагается, что *Ermagherd* является искаженным из-за брекетов *Oh my God*. В данном случае для объяснения происхождения англоязычного названия интернет-мема используется экспликация.

4) калькирование, которое, как полагает А.Г. Колошиц, редко встречается на практике. В качестве примеров можно привести калькированные переводы: *This made my day* – *Это сделало мой*

день, а также интернет-мем *Make me unsee it – Сделайте меня развидеть это*, получивший распространённость, по нашему мнению, вследствие усиления комического эффекта оригинала.

5) «псевдопословичное» соответствие применяется «в том случае, когда в языке перевода нет ни полного, ни частичного соответствия паремии, но возможно «изобрести» пословицу на другом языке» [5, с. 11]; на наш взгляд, данный способ может быть использован при переводе в контексте интернет-мема, требующего экспликации.

6) обертональный перевод, или контекстуальная замена – эквивалент, используемый для интернет-мема только в данном контексте.

7) буквализм. В качестве примера буквализма можно привести мем, появившийся в неофициальном переводе компьютерной игры «GTA San Andreas» и используемый в контексте гибели персонажа: *Wasted – Помрачено*.

В результате изучения различных источников был получен материал, изучение которого позволяет нам подтвердить существование специфики перевода интернет-мемов, обусловленной их многоаспектностью. Следует подчеркнуть, что интернет-мемы представляют собой комплексный феномен, изучаемый с точки зрения разных наук, в том числе и языкознания. Теоретический анализ переводов различных мемов подтверждает наличие трудностей при их адаптации для принимающей культуры, которые могут быть преодолены несколькими способами.

Список литературы

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М.: Изд-во Росс. ун-та дружбы народов, 2008. 340 с.
2. Громовая М.И. Интернет-мем как лингвокультурема современного филологического анализа // Мова. 2015. № 23. С. 27-31.
3. Докинз Р. Эгоистичный ген [Пер. с англ.]. М.: Мир, 1993. 318 с.
4. Канашина С.В. Интернет-мем и политика // Политическая лингвистика. 2017. №1(61). С. 69-73.
5. Колошиц А.Г. Способы перевода паремиологических единиц на русский язык (на материале русской художественной прозы) //

- Идеи. Поиски. Решения: сб. статей и тезисов Международ. науч.-практ. конф. Минск: БГУ, 2015. С. 7-13.
6. Маринина С.А. Англоязычные интернет-мемы и особенности их перевода. Томск: [б.и.], 2018. 64 с.
 7. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 562 с.
 8. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта, 2003. 320 с.
 9. Петросян К.Г. Интернет-коммуникация и специфика ее англо-русского перевода (на материале интернет-мемов) // Вестник современных исследований. 2019. № 2.1(29). С. 72-76.
 10. Пишкова Е.Ю, Абидова С.Р. Мемы как новое социокультурное явление: лингвистический аспект // Заметки ученого. 2018. № 3(28). С. 90-94.
 11. Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. [Пер. с англ.] Екатеринбург: Ультра. Культура, 2003. 368 с.
 12. Шомова С.А. Политический интернет-мем: сущность, специфика, разновидности // Бизнес. Общество. Власть. 2015. №22. С. 28-41.
 13. Щурина Ю.В. Жанровое своеобразие социальной сети Instagram // Жанры речи. 2016. №1 (13). С. 156-168.
 14. Blackmore S. The Meme Machine. Oxford: OUP, 1999. 287 p.
 15. Dennett D. Memes and the Exploitation of Imagination // The Journal of Aesthetics and Art Criticism, 1990. Vol. 48, № 2. pp. 127-135.

References

1. Vorob'ev V.V. *Lingvokul'turologiya* [Cultural linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo Rossiyskogo universiteta druzhby narodov, 2008, 340 p.
2. Gromovaya M.I. Internet-mem kak lingvokul'turema sovremennogo filologicheskogo analiza [Internet meme as a linguocultureme of modern philological analysis]. *Mova* [Mova], 2015, no. 23, pp. 27-31.
3. Dokinz R. *Jegoistichnyj gen* [The selfish gene]. Moscow: Mir, 1993, 318 p.
4. Kanashina S.V. Internet-mem i politika [Internet meme and politics]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2017, no. 1(61), pp. 69-73.

5. Koloshits A.G. Sposoby perevoda paremiologicheskikh edinit na russkiy yazyk (na materiale russkoy khudozhestvennoy prozy) [Ways of translating paremiological units into Russian (based on the material of Russian fiction)]. *Idei. Poiski. Resheniya. Sbornik statey i tezisov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Ideas. Search. Solutions. Collection of articles and theses of the international scientific and practical conference]. Minsk: BGU, 2015, pp. 7-13.
6. Marinina S.A. *Angloyazychnye internet-memy i osobennosti ikh perevoda* [English Internet memes and features of their translation]. Tomsk: [b.i.], 2018. 64 p.
7. Matveeva T.V. *Polnyy slovar' lingvisticheskikh terminov* [Complete glossary of linguistic terms]. Rostov-on-Don: Feniks, 2010, 562 p.
8. Nelyubin L.L. *Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar'* [Explanatory translation dictionary]. Moscow: Flinta, 2003, 320 p.
9. Petrosyan K.G. Internet-kommunikatsiya i spetsifika ee anglo-russkogo perevoda (na materiale internet-memov) [Internet communication and the specifics of its English-Russian translation (based on Internet memes)]. *Vestnik sovremennykh issledovaniy* [Contemporary research bulletin], 2019, no. 2.1 (29), pp. 72-76.
10. Pishkova E. Yu., Abidova S.R. Memy kak novoe sotsiokul'turnoe yavlenie: lingvisticheskiy aspekt [Memes as a new sociocultural phenomenon: the linguistic aspect]. *Zametki uchenogo* [Scientist's notes], 2018, no. 3 (28), pp. 90-94.
11. Rashkoff D. *Mediavirus. Kak pop-kul'tura tajno vozdeystvuet na vashe soznanie* [Media Virus! Hidden Agendas in Popular Cultures]. Yekaterinburg: Ul'tra. Kul'tura, 2003, 368 p.
12. Shomova S.A. *Politicheskiy internet-mem: sushchnost', spetsifika, raznovidnosti* [Political Internet meme: essence, specificity, varieties]. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'* [Business. Society. Power], 2015, no. 22, pp. 28-41.
13. Shchurina Yu.V. *Zhanrovoe svoeobrazie sotsial'noy seti Instagram* [Genre originality of the social network Instagram]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. 2016. no. 1(13). pp. 156-168.
14. Blackmore S. *The Meme Machine*. Oxford: OUP, 1999, 287 p.

15. Dennett D. Memes and the Exploitation of Imagination. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 1990, vol. 48, no. 2, pp. 127-135.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Косяченко Анна Николаевна, студент

*Оренбургский государственный университет
просп. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Оренбургская об-
ласть, Россия
anya080898@mail.ru*

Сапух Татьяна Викторовна, кандидат педагогических наук, до-
цент, доцент кафедры английской филологии и методики пре-
подавания английского языка

*Оренбургский государственный университет
просп. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Оренбургская об-
ласть, Россия
tatsap@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Kosyachenko Anna Nikolaevna, Student

*Orenburg State University
13, Pobedy Ave., Orenburg, 480018, Orenburg Region, Russia
anya080898@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0366-2742*

Sapukh Tat'yana Viktorovna, Candidate of Pedagogical Sciences, As-
sociate Professor, Department of English Philology and Methods
of English Language Teaching, Associate Professor

*Orenburg State University
13, Pobedy Ave., Orenburg, 480018, Orenburg Region, Russia
tatsap@mail.ru
SPIN-code: 3631-6059
ORCID: 0000-0001-8709-2312
ResearcherID: X-2838-2019*

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-102-110

УДК 81

ДЕСПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Лубожева Л.Н.

Обоснование. Миграция терминологической единицы в неспециальный текст, характеризуется сохранением основного значения, что определяется как этап деспециализации термина. Особенности данного процесса вызывают значительный интерес среди ученых лингвистов.

Цель. Данная статья посвящена изучению процесса деспециализации терминологической единицы как этапа проникновения термина в общеупотребительный язык с целью описания особенностей рассматриваемого процесса. Исследование проводилось на материале экономической терминологии русского и английского языков.

Методы и методология проведенной работы. Основными методами представленного исследования являются лексико-семантический компонентный анализ; описательный метод и контрастивно-типологический анализ.

Результаты. Выявлено, что, несмотря на существования двух направлений этапа деспециализации экономического термина в текст общего пользования, особенностью данного процесса в исследуемых языках является направление, когда термин необходимо разъяснять. Комментарий специальной единицы может поясняться, определяться дефиницией, синонимом или этимологически истолковываться.

Область применения результатов. Результаты данной работы могут быть применены при изучении таких дисциплин, как лексикология, терминоведение, теория перевода и при составлении лексикографических словарей.

Ключевые слова: термин; деспециализация; миграция; денотат; комментарий

DESPECIALIZATION OF ECONOMIC TERMINOLOGY

Lubozheva L.N.

Background. *The migration process of professional words into the common vocabulary characterized by the retention of the main meaning is defined as the stage of the term despecialization. The peculiarities of this process have been arousing considerable interest among linguists.*

Purpose. *This article is devoted to the study of the process of despecialization of a terminological unit as a stage of migration of the term into the common language in order to describe the peculiarities of the considered process. The research was conducted on the material of economic terminology of the Russian and English languages*

Methodology. *The research was based on the lexical-semantic component analysis; descriptive method and contrastive-typological analysis.*

Results. *It is revealed that despite the existence of two directions of the despecialization stage of the economic terms into common vocabulary, the peculiarity of this process in both the Russian and English languages is presented by the direction where the term is commented on. The comment of the special word can be explained, defined, presented etymologically or by the synonym.*

Practical implication. *The results of this work can be applied in the courses of lexicology, terminology, translation theory and when creating lexicographic dictionaries.*

Keywords: *term; despecialization; migration; denotation; comment*

Процессы, происходящие в настоящий период, расцениваются учеными как период формирования нового общества, владеющего большим объемом информации и открытого к мировому сотрудничеству. Основой этого периода является первенство информации среди других ресурсов [4, с. 30], что способствует слиянию экономических, политических, технологических, культурных, социальных, технологических, и, безусловно, языковых процессов общественной жизни [9, с. 278]. Эта взаимосвязь повышает инте-

рес специалистов к процессу проникновения терминологической лексики в словарный состав общеупотребительного языка, который заметно усилился в наши дни и изменил отношение многих исследователей к данной лексической единице. Сейчас в общелитературном языке термин рассматривается не как отдельное языковое явление, а как языковая составляющая философской парадигмы современного периода.

Целью данной работы является описание способов проникновения специальных единиц в словарный состав общеупотребительного языка на этапе деспециализации термина.

Исследования таких ученых, как Н.К. Гарбовский [1], Е.И. Голованова [2], С.В. Гринев [3], В.М. Лейчик [5], Д.С. Лотте [6], Д. Кристала [9], М. Попик [14], Д. Плетнев [13], Л. Гофмана [11], Д. Револютелла, Р. Брутшер [15], Г. Ишрейт [12] представляют теоретическую основу для изучения терминологического лексема.

Эмпирическим материалом послужили терминологические единицы сферы экономики, зарегистрированные в языке общего пользования и материал, представленный различными источниками СМИ.

Методологическую основу исследования представляют описательный анализ, лексико-семантический компонентный анализ и контрастивно-типологический.

Перемещение термина в несвойственную для него сферу Л.А. Морозова представляет нам как миграцию термина, т.е. «выход специальной единицы за пределы узкотерминологического употребления» [8, с. 123]. Данный процесс не стихийен, он представлен этапами деспециализации и детерминологизации. Это последовательно протекающие этапы, которые нельзя уравнивать, т.к. на этапе деспециализации сфера применения термина только расширяется, но он не изменяет свое основное значение, в то время как этап детерминологизации терминологического лексемы связан с приобретением новых значений [7, с. 96].

Для введения терминологической единицы в неспециальный текст требуется особый подход. Мы разделяем мнение Л.А. Морозовой о том, что существуют два основных направления миграции специальных лексических единиц в общеупотребительный кон-

текст: термин может комментироваться и не комментироваться в текстах общего пользования. В первом случае комментарий термина не требуется в силу легкой узнаваемости пользователями, а во втором данная единица требует разъяснения явления, процесса или нововведения из-за редкости употребления в неспециальном тексте [8, с. 128].

В представленном исследовании было проанализировано 1635 профессиональных единиц в русском языке и 1557 в английском; из них 1040 русскоязычных и 1125 англоязычных не меняют свое основное значение в неспециализированном тексте.

В ходе работы был выявлен ряд особенностей процесса деспециализации, которые представлены приемами комментария термина в неспециальном тексте. Так, термин может иметь пояснение, дефиницию, синоним или этимологическое разъяснение.

В русском языке комментарий термина представлен пояснительными приемами, где используются 1) определение в роли причастного оборота; 2) обстоятельство, представленное деепричастным оборотом; или при помощи 3) придаточного предложения; 4) прямого дополнения; 5) приложения; 6) односоставного предложения.

«В настоящее время, чтобы инициировать крупный проект, необходимо присутствие десятков долевых инвесторов, вкладывающих свои инвестиции в равных долях». (прилагательное, выраженное причастным оборотом) (МК 1/10/2010)

«Комки» (негосударственные магазины) в конце двадцатого столетия, предлагая народу «заморские товары», были подобием гипермаркетов». (обстоятельство, представленное деепричастным оборотом) (Версия 08/03/2011)

«Кредитные займы, с помощью которых люди приобретают разные товары, в больших количествах сейчас выдаются банками». (придаточное предложение) (Труд 02/11/2012).

«Золото вновь считается самым надежными и высоколиквидным способом инвестиции. Это вид размещения капитала возрос в последнее время». (самостоятельное односоставное предложение) (Версия 22/02/2012).

Пополнение общеупотребительного английского языка происходит при помощи комментированного термина, где комментарий представлен 1) определением, выраженным причастием; 2) придаточным предложением; 3) приложением; 4) полной и 5) неполной инфинитивными конструкциями.

«A book shop, for instance, can show *renovate inventory info*, getting by consumers to find out which shops are in stock». (определение, выраженное причастием) (The Times 07/06/2012).

«This company issued a declaration in for a «*combined agreement of the enterprises*», with the help of which a new business could be organized from two various companies. (придаточное предложение) (The Independent 02/02/2006).

«With chronic *labor shortage* to study whether the business entities relate workers to hold their creativity» (неполная инфинитивная конструкция) (The Times 14/02/2006).

Следующий прием проникновения комментированного деспециализированного термина в непрофессиональную сферу связан с дефиницией, которая может быть как включена в комментарий, так и находится в постпозиции или же быть скрыта:

«Конкурсные антикризисные менеджеры, управляющие сферы стратегического планирования, утверждают, что сельские жители не знают, что такое «внешний рынок» (термин, где дефиниция представлена) (Известия 06/04/2012).

«Industries in Texas have appealed to recruiting teenagers and giving medical protection and resignation plans to *part-time workers*. They could work only 5 hours a day» (дефиниция в постпозиции) (The Dallas Morning News 24/03/2006).

«В современном обществе люди способны обучить других своему делу, вервя им развитие собственных товарных знаков по системе *франчайзинг*, это готовый рецепт успеха нового бизнеса с опорой на торговую марку и финансовую поддержку от успешного бизнеса». (скрытая дефиниция) (КП 10/11/2012)

Малочисленными примерами в обоих языках было представлено пояснение термина при помощи синонима.

Более того, необходимо отметить, что заявленный выше способ комментария термина в неспециальном тексте при помощи этимологического пояснения был обнаружен только в русском языке, что проявляется в высокой частотности употребления такого рода пояснений в данном языковом дискурсе, а также из-за того, что многие термины заимствованы из других языков и требуют толкования. В английском языке среди рассмотренных примеров данный способ не был зафиксирован.

Таким образом, мы можем утверждать, что:

1. существуют 2 направления деспециализации экономического термина в нетерминологическом тексте (использование термина без комментария и с комментарием);

2. для обоих исследуемых языков одинаково часто встречаются модели, в которых термин поясняется: определением, которое выражено причастием или причастным оборотом; придаточным предложением или приложением (специфику английского языка при использовании пояснения представляют приемы толкования термина при помощи полной и неполной инфинитивных конструкций, а особенностью русского языка являются приемы с обстоятельством, выраженным деепричастным оборотом; со сказуемым; прямым дополнением; простым односоставным предложением в качестве пояснения);

3. существуют 3 способа комментирования термина при помощи дефиниции, которая может быть включена в комментарий, находиться в постпозиции (т.н. постдефиниция) или быть скрытой (в обоих рассматриваемых языках имеются примеры с использованием данных способов);

4. крайне невелика доля пояснения термина с использованием синонима как в русском, так и в английском языках;

5. способ комментирования термина с помощью этимологического пояснения в данной работе был зафиксирован только на материале русского языка.

Список литературы

1. Гарбовский Н.К. Профессиональная речь (функционально-стилистический аспект) // Функционирование языка и речи. М.: Рус. яз., 1989. С. 32-35.

2. Голованова Е.И. Лингвистическая интерпретация термина: когнитивно-коммуникативный подход // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 33. С. 18-25.
3. Гринев, С.В. Исторический систематический словарь терминов терминоведения. М.: Физматлит, 2000. 144 с.
4. Корнейчук Ю.В. Проблемы формирования и функционирования терминов в современной лингвистике // Нижневартковский филологический вестник, 2018, №1. С. 28-33.
5. Лейчик В.М. Пиар и другие аббревиатуры // Русская речь. 2002. № 5. С. 40-44.
6. Лотте Д.С. Проблема заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982. 243 с.
7. Лубожева Л.Н. Роль профессиональной лексики в обогащении словарного состава общеупотребительного языка: на материале экономической терминологии английского и русского языков: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Челябинск: Челябинский гос. пед. ун-т., 2006. 22 с.
8. Морозова Л.А. Терминознание: Основы и методы. М.: ГНО «Прометей» МПГУ, 2004. 144 с.
9. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English language. Cambridge University Press, 2000. 531 p.
10. Gordeev S.S., Sitkovskiy A.M. Terminological aspects of visualization in socio-economic studies of heterogeneous spatial system // The European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. London: Future Academy, 2020, pp. 275-282.
11. Hoffmann L. Kommunikationsmittel. Fachsprache. Eine Einführung. Berlin: Akademie Verlag Berlin, 1976. 498 S.
12. Ischreyt H. Sprachwandel durch die Technik. Wirken des Wortes. Dusseldorf, 1988. 396 S.
13. Pletnev D., Golovanova E. Features of the terms for designating economic entities in academic discourse // The European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. London: Future Academy, 2020, pp. 1092-1102.
14. Popik B. Among the new words // American Speech. Durham, 1999. Vol. 74.4, pp. 325-403.

15. Revoltella D., Brutscher P., Tsiotras A., Weiss C. Linking Local Business with Global Growth Opportunities: The Role of Infrastructure. // Oxford Review of Economic Policy, 2016, vol. 32(3), pp. 410-430.

References

1. Garbovskij N.K. Professional'naya rech' [Professional speech]. *Funkcionirovanie yazyka i rechi* [Language and speech functioning]. Moscow: Rus. yaz., 1989, pp. 32-35.
2. Golovanova E.I. Lingvisticheskaya interpretatsiya termina: kognitivno-kommunikativnyy podkhod [Linguistic interpretation of the term: cognitive-communicative approach]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Ural State University Bulletin], 2004, no. 33, pp. 18-25.
3. Grinev S.V. *Istoricheskij sistemacheskij slovar' terminov terminovedeniya* [Historical systematic dictionary of terminology]. Moscow: Fizmatlit, 2000, 144 p.
4. Korneychuk Yu.V. Problemy formirovaniya i funktsionirovaniya terminov v sovremennoy lingvistike [Problems of the formation and functioning of terms in modern linguistics]. *Nizhnevartovskiy filologicheskij vestnik* [Nizhnevartovsk Bulletin of Philology], 2018, no. 1, pp. 28-33.
5. Lejchik V.M. Piar i drugie abbreviatury [PR and other abbreviations]. *Russkaya rech* [Russian speech], 2002, no. 5, pp. 40-44.
6. Lotte D.S. *Problema zaimstvovaniya i uporyadocheniya inoyazychnyh terminov i terminoelementov* [The problem of borrowing and arranging foreign language terms and term elements]. Moscow: Nauka, 1982, 243 p.
7. Lubozheva L.N. *Rol' professional'noj leksiki v obogashchenii slovarnogo sostava obshcheupotrebitel'nogo yazyka: na materiale ekonomicheskoy terminologii anglijskogo i russkogo yazykov* [The role of professional vocabulary in the enrichment of the vocabulary of the common language: as based on the economic terminology of the English and Russian languages]. Abstract of PhD dissertation. Chelyabinsk: Chelyabinskij gos. ped. un-t., 2006, 22 p.
8. Morozova L.A. *Terminoznanie: Osnovy i metody* [Terminology: Basics and methods]. Moscow: GNO «Prometej» MPGU, 2004, 144 p.

9. Crystal D. The Cambridge encyclopedia of the English language. Cambridge University Press, 2000, 531 p.
10. Gordeev S., Sitkovskiy A. Terminological aspects of visualization in socio-economic studies of heterogeneous spatial system. *The European Proceedings of Social and Behavioral Sciences*. London: Future Academy, 2020, pp. 275-282.
11. Hoffmann L. Kommunikationsmittel. Fachsprache. Eine Einfuhrung. Berlin: Akademie Verlag Berlin, 1976, 498 S.
12. Ischreyt H. Sprachwandel durch die Technik. Wirken des Wortes. Dusseldorf, 1988, 396 S.
13. Pletnev D, Golovanova E. Features of the terms for designating economic entities in academic discourse. *The European Proceedings of Social and Behavioral Sciences*. London: Future Academy, 2020, pp. 1092-1102.
14. Popik B. Among the new words. *American Speech*. Durham, 1999, vol. 74.4, pp. 325-403.
15. Revoltella D., Brutscher P. Tsiotras A., Weiss C. Linking Local Business with Global Growth Opportunities: The Role of Infrastructure. *Oxford Review of Economic Policy*, 2016, vol. 32, no. 3, pp. 410-430.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Лубожева Лионелла Николаевна, доцент кафедры делового иностранного языка факультета лингвистики и перевода, кандидат филологических наук
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»
ул. Бр. Кашириных 129, г. Челябинск, 454000, Российская Федерация
lionella.lubozheva@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Lubozheva Lionella N., Associate Professor, PhD, Faculty of Foreign Linguistics
Chelyabinsk State University
129, Br. Kashyrynyh Str., Chelyabinsk, 540000, Russian Federation
lionella.lubozheva@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6029-0068

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-111-128

УДК 81'25

ПОДХОДЫ К ПЕРЕВОДУ ЮМОРА ПРИ АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ

Маник С.А., Краснова А.В.

Цель. *Статья посвящена вопросу перевода юмора в комедийных фильмах с английского языка на русский. Предметом исследования выступают единицы юмора из сериала How I Met Your Mother. Авторы ставят целью изучить вербальные средства и способы передачи юмора при переводе комедийного сериала на русский язык в рамках ситуативной модели перевода.*

Методология проведения работы. *Перечислив определения юмора и классификации его перевода, авторы создают собственную классификацию способов перевода юмористических единиц, а затем рассматривают особенности перевода единиц юмора в аудиовизуальных текстах на примере сериала-ситкома How I Met Your Mother.*

Результаты. *Результаты работы заключаются в том, что авторы предлагают собственную классификацию переводческих стратегий при переводе юмора (культурная адаптация, замена, компенсация, дословный перевод, опущение) и применяют данную стратегию при переводе конкретных единиц юмора.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в сфере теории и практики аудиовизуального перевода, а также на занятиях по переводоведению.*

Ключевые слова: *юмор; единицы юмора; комедийный фильм; аудиовизуальный перевод; стратегии перевода юмора*

APPROACHES TO HUMOR TRANSLATION IN AUDIOVISUAL TRANSLATION

Manik S.A., Krasnova A.V.

Purpose. *The article deals with the issue of translation of humour in comedy films from English into Russian. The subject of the analysis*

is humor from the series «How I Met Your Mother». The authors aim to study the verbal means and ways of translating humour in a comedy series into Russian within the situational translation model.

Methodology. *On determining the definitions of humour and the classification of its translation, the authors provide their own classification of methods for translating humour exemplified by the humorous situations from How I Met Your Mother.*

Results. *The findings of the paper constitute the fact that the authors suggest their own classification of translation strategies when translating humor (cultural adaptation, replacement, compensation, literal translation, omission) and apply this strategy in practice.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in theory and practice of audiovisual translation, as well as in translation studies.*

Keywords: *humor; units of humor; comedy; audio visual translation; humor translation strategies*

Введение

Стремительное развитие информационных технологий в XXI в. существенно поменяло отношение людей к коммуникации, в частности к технически опосредованным способам передачи ее визуально-вербального содержания, поскольку молодое поколение по-другому воспринимает и познает окружающий мир. Аудиовизуальная коммуникация становится неотъемлемой и естественной составляющей повседневной жизни, а аудиовизуальная продукция (фильмы, сериалы, видео, фотопродукция, контент в социальных сетях и т.п.) завоевывает международный рынок. Это обуславливает повсеместный рост спроса на качественный перевод подобного контента.

Вместе с тем аудиовизуальная коммуникация предполагает несколько каналов передачи информации. Ей свойственен поликодовый характер текстов, объединяющих равноправно важные лингвистические и нелингвистические знаки, что создает некие смысловые комплексы сложной гетерогенной структуры. Их назна-

чение заключается в реализации определенного прагматического воздействия как способа передачи авторского замысла. Эффективная юмористическая коммуникация возможна только при условии качественного перевода.

Целью настоящего исследования является изучение вербальных средств и способов передачи юмора при переводе комедийных фильмов на русский язык в рамках ситуативной модели перевода.

Материал исследования представлен единицами юмора из сериала *How I Met Your Mother*.

Комическое в языке основано на противоположности, неожиданности или неоднозначности [10, с. 24]. Оно может проявляться в несоответствиях ожидаемого и действительного, старого и нового, прекрасного и ужасного, позволяемого и запретного и т.д.

Комическое имеет две основные формы – юмор и сатира [13, с. 175]. И в юморе, и в сатире подчеркивается комедийное, насмешливое отношение к действительности, однако особенности данного отношения различны. В юморе подчеркивается добродушное, сочувственное отношение к предмету, в то время как сатира обличает недостатки и критикует пороки.

Согласно словарю С.И. Ожегова, юмор – это понимание комического, умение видеть и показывать смешное, снисходительно-насмешливое отношение к чему-нибудь [6].

В лингвистической науке традиционно выделяют следующие манифестации юмора:

- Шутка – это остроумная фраза или небольшая история, которую произносит человек с целью рассмешить других [12].
- Анекдот – очень маленький рассказ с забавным, смешным содержанием и неожиданным острым концом [7, с. 235].
- Ирония – выражающее насмешку или лукавство иносказание, когда слово или высказывание обретают в контексте речи значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его, ставящее под сомнение [2, с. 262].
- Пародия – жанр в литературе, театре, музыке, на эстраде, сознательная имитация в сатирических, иронических и юмори-

стических целях индивидуальной манеры, стиля, направления, жанра или стереотипов речи, игры и поведения [9, с. 1235].

- Игра слов – остроумная шутка, основанная на употреблении одного слова вместо другого или на подмене одного значения другим значением того же слова; каламбур [11].
- Черный юмор – способ посмотреть на что-либо серьезное или грустное в юмористическом ключе [14].

Иногда данные способы также называют видами юмора, однако их все же более уместно рассматривать как способы выражения, т.к. все эти приемы могут выражать не только юмористическое, но и сатирическое отношение к действительности.

Целесообразно подчеркнуть, что для создания комического также широко используются выразительные средства, например, метафора, метонимия, литота, гипербола, зевгма, оксюморон, эвфемизм и т.д.

Известный исследователь юмора А. Костлер выделяет в текстах вербальный (*verbally expressed humour/verbal humour*) и ситуационный юмор (*situational humour*) [17, с. 684]. Н.Б Мечковская [5, с. 140], В.Д. Девкин [1, с. 6], Дж. Колоннезе [3, с. 154], Г.Г. Почепцов [8, с. 11] разделяют эту точку зрения. По мнению некоторых исследователей, по сравнению с ситуационным юмором вербальный юмор используется чаще [18, с. 2220]. Вербальный юмор каждый день используется носителями языка в повседневном общении, а ситуационный создается самой жизнью.

Однако Г.Г. Лилиенталь справедливо утверждает, что разделение юмора в тексте на вербальный и невербальный довольно условно, т.к. созданная в тексте ситуация влияет на выбор языковых средств, а языковые средства – на развитие ситуации. Данные вариации юмора взаимообусловлены и взаимодействуют друг с другом [4]. В свою очередь в аудиовизуальном тексте (и вообще в любом тексте) невозможно четко разделить комическое, смешное на ситуативное и вербальное. Однако целесообразно утверждать, что в каждом отдельном случае преобладает один из механизмов создания комического. Например, в пародии преобладает ситуативный юмор, а в игре слов – вербальный.

Для адекватной передачи юмора в аудиовизуальных текстах важно пользоваться определенными переводческими стратегиями. Известны различные классификации стратегии перевода юмора.

Например, Д. Делабастиа представил следующую классификацию стратегий перевода игры слов:

1. Игра слов – новая игра слов. Игра слов исходного языка передается с помощью новое игры слов языка перевода.

2. Игра слов – отсутствие игры слов. Игра слов исходного языка опускается в языке перевода.

3. Игра слов – другое выразительное средство. Игра слов исходного языка переводится через другое выразительное средство языка перевода.

4. Игра слов – дословный перевод игры слов. Игра слов исходного языка переводится дословно.

5. Отсутствие игры слов – игры слов. Игра слов, которая отсутствует в исходном языке, возникает в языке перевода.

6. Примечание. Игра слов исходного языка объясняется с помощью сноски или примечания [16, p. 127].

Данная классификация довольно подробна, однако затрагивает лишь перевод игры слов, а не всего юмора. Кроме того, к аудиовизуальным текстам трудно применить некоторые из предложенных ученым приемов. Например, примечание возможно только в виде субтитров, однако наличие такого рода сносок мешает восприятию зрителем аудиовизуального текста.

В свою очередь Д. Киаро полагает, что юмор можно передать следующим образом:

1. Оставить единицу юмора без изменений.

2. Заменить единицу юмора на языке оригинала другой единицей юмора на языке перевода.

3. Заменить единицу юмора на языке оригинала идиоматическим выражением на языке перевода [15, p. 6].

Классификация Киаро рассматривает стратегии перевода юмор в целом. Однако, на наш взгляд, данная классификация недостаточна, т.к. не отражает все способы передачи единицы юмора.

Таким образом, вопросы передачи юмора при аудиовизуальном переводе представляется недостаточно изученным. Несмотря на видимую достаточную разработанность проблематики исследования, стоит отметить, что вопросы перевода вербального юмора в аудиовизуальном тексте во всей совокупности средств его выражения так и не получили специального освещения, в том числе в паре английского и русского языков. Более того, остается открытым вопрос о способах индикации комического эффекта в аудиовизуальном тексте, а также разработке универсального переводческого инструмента сохранения комического эффекта в переводном аудиовизуальном тексте, который не ограничивался бы перечислением базовых переводческих трансформаций, и позволял учитывать специфику кино как сложного семиотического образования.

Материал и методы

Юмор в аудиовизуальных текстах представляет определенные проблемы при переводе. Прежде всего, это трудности при передаче экстралингвистической информации. Юмор тесно связан с национальным менталитетом и с насущными проблемами современного общества, будь то политика, история, культура, общество. Также перевод юмора связан со сложностями передачи игры слов, сниженной лексики, сленгизмов. Особенностью перевода юмора в текстах с визуальной и вербальной составляющей становится тесная связь этих двух компонентов. Визуальная составляющая является одновременно ограничением и помощником при переводе. С одной стороны, визуальный образ ограничивает выбор стратегий перевода. Также важно учитывать быструю сменяемость кадров. По сравнению с переводом художественных произведений у переводчика аудиовизуального материала нет возможности дать сноску или примечание в конце книги или сделать перевод гораздо более длинным чем в оригинале. С другой стороны, невербальная составляющая помогает зрителю понять юмор, даже если переводчику не в полной степени удалось передать все тонкости шутки. Юмор в аудиовизуальных текстах невозможно перевести, не используя оба канала передачи информации,

тесно связанных друг с другом. Поэтому при анализе не только рассматриваются варианты перевода, но также описывается и коммуникативная ситуация (невербальная информация).

В результате анализа теоретической литературы и работы с практическим материалом возможно предложить авторскую классификацию переводческих стратегий при переводе юмора:

1. Культурная адаптация – передача единицы юмора с адаптацией культурной составляющей к языку перевода.
2. Замена – замена одного способа выражения юмора другим.
3. Компенсация – замена единицы юмора в одной части текста единицей юмора в другой части текста.
4. Дословный перевод – перевод единицы юмора слово в слово.
5. Опускание – опускание единицы юмора.

В разработанной классификации рассматривается перевод юмора, а не только игры слов. Кроме того, в ней отражаются все приемы перевода юмора, возможные именно в аудиовизуальных текстах. Особого внимания заслуживает переводческий прием «культурная адаптация», который учитывает различия культур языка оригинала и языка перевода.

Выбор стратегии перевода во многом зависит от отношения целевой аудитории. Многие люди склонны выбирать фильм, затрагивающий знакомые им проблемы. Также очевидно, что при переводе фильмов возникают проблемы не только лингвистического, но и социального, политического, экономического и культурного характера.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим особенности перевода единиц юмора в аудиовизуальных текстах на примере сериала-ситкома *How I Met Your Mother*.

Действие сериала разворачивается в будущем, когда главный герой, Тед Мосби, рассказывает своим детям о том, как он встретил их маму. История любви начинается с истории лучших друзей: Теда – архитектора, Робин – журналистки, Лили и Маршалла – влюбленной пары, Барни – шутника и любимца женщин. Они подшучивают друг над другом, шутят, празднуют совместные праздники.

Особенностью ситкомов является закадровый смех, «расставляющий акценты». Он помогает переводчику выделить единицу юмора.

Главные герои сериала часто используют идиомы, игру слов, реляции для создания юмористического эффекта. Обращая внимание на эти особенности, а также на связь вербальной и невербальной составляющих аудиовизуального текста и на разницу культур, рассмотрим приемы из предложенной ранее авторской классификации перевода юмора.

Для анализа использованы субтитры к сериалу *How I Met Your Mother* на английском языке, субтитры, выполненные фанатами (фан-субтитры) и предложенный нами перевод.

1. **Оригинал:** *Ted:* Back when we were dating Robin and I had this running joke. We were the only two people in the world who found it funny. *Barney:* No way! March does not have 31 days. *Marshall:* Yes, it does! Everyone knows that! It's like general knowledge. *Ted and Robin:* General knowledge!

Фан-субтитры: *Ted:* В те дни, когда мы с Робин встретились, у нас была повторяющаяся шутка. И мы были единственными, кто находил её смешной. *Барни:* Ни за что! В марте не может быть 31 день! *Маршал:* Нет, 31! Все это знают! Это общеизвестный факт. *Тед и Робин:* Генерал факт!

Предложенный нами перевод: *Ted:* Когда мы встретились с Робин, у нас была общая шутка. Только мы считали её смешной. *Барни:* Да нет! В марте не 31 день! *Маршал:* Нет, 31! Все это знают! Я звучу как капитан очевидность! *Тед и Робин:* Капитан очевидность!

Невербальная информация: Главные герои – Робин, Барни, Лили, Маршал и Тед – сидят на диване. Барни раздражен и кричит. Маршал также раздражен и кричит. Тед и Робин улыбаются, смеются и отдают честь.

С учетом невербальной информации понятно, что Тед и Робин играют в игру: каждый раз, как кто-то произносит омоним воинского звания, они повторяют его и отдают честь. Для передачи игры слов студия Кураж Бамбей использует дословный перевод. Омони-

мичность теряется, и зритель не понимает действий персонажей. Мы предлагаем использовать культурную адаптацию. Вместо реалии «general» и устойчивого выражения «general knowledge» мы используем реалию «капитан» и устойчивое выражение «капитан очевидность» (тот, кто изрекает очевидные вещи, не несущие дополнительной информации в разговоре. С помощью культурной адаптации нам удалось сохранить игру слов.

2. **Оригинал:** *Marshall*: Oh man I got kernel stuck in my teeth. *Ted and Robin*: Kernel stuck in my teeth.

Фан-субтитры: *Маршал*: Вот блин, у меня зернышко в зубах застряло. *Тед и Робин*: Полковник Зернышко-в-Зубах-Застряло.

Предложенный нами перевод: *Маршал*: Рядовой случай – опять зёрнышко в зубах застряло. *Тед и Робин*: Рядовой случай!

Невербальная информация: Главные герои сидят на диване. Барни раздражен и кричит. Маршал ковыряет в зубах. Тед и Робин улыбаются, смеются и отдают честь.

С помощью невербальной информации понятно, что Тед и Робин продолжают играть в упомянутую игру. Для передачи игры слов Кураж Бамбей снова используют дословный перевод. Омонимичность теряется, и зритель снова запутан. Мы предлагаем использовать компенсацию – замену единицы юмора в одной части текста единицей юмора в другой части текста. Вместо «kernel» как «ядро, орех» и обыгранной реалии «colonel» мы используем выражение «рядовой случай» и реалию «рядовой» в начале высказывания. С помощью культурной адаптации сохранена игра слов.

3. **Оригинал:** *Lily*: Isn't this exciting? Our first Thanksgiving together as a group. *Marshall*: Yeah, this is gonna be the best slapsgiving ever.

Фан-субтитры: *Лили*: Это захватывающе, не правда ли? Наш первый День Благодарения вместе. *Маршалл*: Ага, это будет самый лучший День раздавания пощечин.

Предложенный нами перевод: *Лили*: Правда, дух захватывает? Наш первый День благодарения вместе. *Маршалл*: Да, это будет самый лучший День пощёдарения.

Невербальный ряд: Главные герои: Робин, Барни, Лили, Маршалл и Тед сидят в баре. Лили улыбается, она взволнована из-за предстоящего праздника. Маршалл улыбается.

Маршалл и Барни поспорили, и по условиям спора Маршалл должен дать Барни пощечину. Барни еще не знает точную дату и время пощечины. Маршалл хочет намекнуть Барни, что даст ему пощечину в День Благодарения. Одновременно Маршалл хочет его напугать. Маршалл использует игру слов, объединяя реалию «Thanksgiving» («День Благодарения») и существительное «slap» («пощечина»). Данный отрывок – единица юмора, который выражается с помощью игры слов. В существующих субтитрах используется дословный перевод, «День раздавания пощечин». Однако в данном словосочетании слишком много символов. При постоянном употреблении данного словосочетания в субтитрах нарушаются принятые нормы размещения количества знаков на экране. Кроме того, мы бы хотели сохранить семантику «дарения», чтобы у зрителя возникала более четкая ассоциация с Днем Благодарения. Мы тоже использовали дословный перевод и перевели единицу юмора как «День пощечедарения».

4. **Оригинал:** *Barney*: Hmm. The worst part about getting slapped is not knowing when it's going to happen. But now I know exactly when I'm gonna get slapped. So, you took all the suspense out. You showed your hand. *Marshall*: And Thursday at 3:01 p.m. your face is going to show my hand.

Фан-субтитры: *Барни*: Самое ужасное в получении пощечины – это то, что ты не знаешь, когда это произойдет. Но теперь я в точности знаю, когда получу пощечину. Ты устранил мой страх перед неизвестностью. Ты показал свою руку. *Маршалл*: И во вторник, в три часа дня и одну минуту отпечаток этой руки будет красоваться на твоём лице.

Предложенный нами перевод: *Барни*: Самое худшее в пощёчине - незнание, когда её получишь. Но теперь-то я знаю. Ты исключил эффект неожиданности. Неужели ты махнул рукой на свой план? *Маршалл*: Зато в четверг, в 3:01, я махну своей рукой по твоему лицу.

Визуальный невербальный ряд: Главные герои: Робин, Барни, Лили, Маршалл и Тед сидят на баре. Барни старается не показывать эмоции. Барни показал свою руку. Маршалл улыбается и показывают свою руку. Все смеются.

Маршалл и Барни поспорили, и по условиям спора Маршалл должен дать Барни пощечину. Барни утверждает, что Маршалл раскрыл точную дату и время пощечины, поэтому Барни больше не боится. Маршалл улыбается и на основе идиомы, сказанной Барни («you showed your hand»), употребляет игру слов, превращая идиому в дословную фразу. Согласно словарю Cambridge, «to show your hand» означает «позволить кому-то узнать о своих планах и методах, с помощью которых их можно осуществить» [14]. Данный отрывок – единица юмора, который выражается с помощью игры слов. В существующих субтитрах используется дословный перевод, в котором переводчики игнорируют идиоматичность выражения. Тогда зритель не понимает, почему смеются герои и зрители за кадром. В предложенном нами варианте образ «руки», «пощечины» и неких планов действий соединяются и подкрепляются визуальным невербальным рядом. Для сохранения единицы юмора при переводе мы использовали культурную адаптацию (передача единицы юмора с адаптацией культурной составляющей к языку перевода). Вместо устойчивого выражения «to show your hand» в нашем переводе использовано устойчивое выражение «махнуть рукой» (= перестать обращать особое внимание). Мы сохранили идиоматичность и упоминание руки, таким образом передав игру слов и юмористический эффект.

5. **Оригинал:** *Barney*: She's got you making pies for this guy?
Marshall: That is a real slap in the face.

Фан-субтитры: *Барни*: Она заставила тебя делать пирог для этого парня? *Маршалл*: Это настоящая пощечина по твоему лицу.

Предложенный нами перевод: *Барни*: Она заставила тебя печь пирог для этого парня? *Маршалл*: Вот это ты ударил в грязь лицом.

Визуальный невербальный ряд: Барни удивлен. Маршалл улыбается, и после этого Барни нервничает.

Тед рассказывает Маршаллу и Барни, что бывшая девушка попросила его испечь пирог для нового парня. Маршалл делает вид, что отвечает Теду, но на самом деле хочет поддеть Барни, которому вскоре даст пощечину. Для этого использует идиому со словами «slap» и «face». Согласно Cambridge Dictionary, «slap in the face» означает «неожиданное действие, которое кого-то обидело» [Там же]. Переводчики выбранных нами субтитров использовали дословный перевод, теряя при этом идиоматичность. Мы совершили культурную трансформацию и использовали фразеологизм, в котором есть существительное «лицо» и «ударить» – «ударить в грязь лицом». Во словаре русского языка написано, что «ударить в грязь лицом» означает «опозориться», «осрамиться» [11]. Хотя значение идиомы и поменялось, единица юмора сохранена.

6. **Оригинал:** *Ted:* The only reason I'm jealous of Bob is because I heard Noah gave him shotgun in the ark.

Фан-субтитры: *Ted:* Единственная причина, из-за которой я ревную к Бобу, в том, что я слышал, что Ной дал ему ружье в ковчеге.

Предложенный нами перевод: *Ted:* Я завидую Бобу только потому, что Ной дал ему переднее место в ковчеге.

Визуальный невербальный ряд: Тед и Робин готовят. Тед улыбается.

Тед и Робин, которые раньше встречались, пекут пирог для нового парня Робин. Он гораздо старше Робин. Тед хочет пошутить о возрасте парня Робин. Для этого он ссылается на библейскую притчу о Ноевом ковчеге. Данная притча знакома как американскому зрителю, так и русскому, поэтому при передаче единицы юмора мы используем дословный перевод. Переводчики фан-субтитров использовали первое значение слова «shotgun» – «ружье». Перевод с данным значением слова неадекватен. Однако Cambridge Dictionary предлагает и другое значение существительного: «shotgun – это переднее пассажирское сидение» [14]. Используя это значение слова, мы передали шутку Теда, основанную на гиперболизации возраста персонажа. В данном примере использован дословный перевод.

7. **Оригинал:** *Ted*: Parents? *Bob*: They were totally on my case: “What are you gonna do with your life? You’re forty-one.” And I’m like, “chillax, snowboarding is a legit career.

Фан-субтитры: *Ted*: Предками? *Боб*: Они постоянно напрягают меня: «Что ты делаешь со своей жизнью? Тебе уже 41». А я им: «Расслабьтесь, сноубординг – это легальная карьера.

Предложенный нами перевод: *Ted*: Родителями? *Боб*: Они меня весь разговор напрягали. «Чем ты собираешься заниматься? Тебе 41». А я им: «Спокуха, сноубординг – реальная тема».

Визуальный невербальный ряд: Тед, Робин, Барни, Маршалл и Лили сидят в баре. Боб, парень Робин, в субъективном восприятии Теда превращается в старика. На лице Теда – сомнение и недоверие. Боб расстроен.

В представлении Теда 40-летний парень Робин Боб выглядит как дряхлый старик. Он пытается употребить молодежный сленг, тем самым вызывая смех у зрителей. Боб рассказывает о своих отношениях с родителями, используя молодежные сленговые выражения. Возникает несоответствие между внешним видом «старика», которого представляет Тед, и его манерой общения.

В Cambridge Dictionary к идиоме «to be on smb’s case» предлагается помета «сленг» [Там же]. Значение идиомы – «раздражать кого-то или надоедать кому-то, вмешиваться в чьи-то дела». Мы согласны с глаголом «напрягать», который использован в существующем переводе. Согласно Толковому словарю, «напрягать» – «волновать, создавать беспокойство, напряжение» [12]. В переводе этот глагол передает смысл, а также эмоциональную и стилистическую составляющие.

В своей речи Боб также использует глагол «chillax». Cambridge Dictionary предлагает значение глагола «chillax» с пометой «сленг» – «успокоиться и расслабиться» [14]. Urban Dictionary дополняет этимологию глагола – это слово произошло из глаголов «chill out» и «relax» [19]. В существующем переводе глагол «расслабьтесь» передает смысл высказывания, но не его эмоциональную и стилистическую составляющие. При переводе мы использовали слово «спо-

куха». Словарь русского языка дает определение существительному «спокуха» – «призыв к спокойствию» [11]. По нашему мнению, нам удалось и передать смысл, и выразить эмоции героя.

Боб употребляет прилагательное «legit». В фан-переводе использовано нейтральное, а не сленговое значение данного слова – «легальный». Мы нашли сленговое значение прилагательного, которое подходит в данном контексте. В Cambridge Dictionary «legit» означает «реальный, настоящий» (с пометой «сленг») [14]. Мы предлагаем перевести данное слово словосочетанием «реальная тема». К сожалению, мы не смогли найти определение словосочетания ни в словарях, ни в Национальном корпусе русского языка. Однако отсутствие сленгизма в словарях является частой проблемой. Мы обратились к Google и нашли фильм с таким названием, примеры перевода в Context Reverso, видео на Youtube и сообщения на форумах с данным словосочетанием.

Для перевода всех единиц юмора из данного примера мы использовали культурную адаптацию.

Заключение

Безусловно, перевод юмора представляет собой лингвистическую и культурологическую проблему. В аудиовизуальном тексте перевод юмора осложняется также наличием невербальных кодов, которые должны учитываться при переводе. Классификация стратегий перевода помогает выбрать наиболее подходящий способ передачи единицы юмора. В разработанной нами классификации учтены различия культур, которые проявляются в разной идиоматике и использовании реалий, а также невербальные коды. При переводе мы пытались решить главные проблемы перевода юмора в аудиовизуальных текстах: учет невербальной коммуникации и разница культур. Для передачи идиом мы использовали культурную адаптацию, а для перевода общекультурных реалий – дословный перевод.

Итоги исследования могут быть применены в сфере теории и практики аудиовизуального перевода, а также на занятиях по переводоведению.

Список литературы

1. Девкин В.Д. Омонимы и паронимы в каламбурном словообразовании // Актуальные проблемы современного языкового образования в вузе. Вопросы теории языка и методики обучения. Коломна, 2007. С. 30-35.
2. Кожевникова В.М., Николаева П.А. Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. 751 с.
3. Колоннезе Дж. Нонсенс как форма комизма // Логический анализ языка: языковые механизмы комизма. М.: Индрик, 2007. С. 254-262.
4. Лиценталь Г.Г. К вопросу о возможности разграничения лингвистического и ситуативного юмора URL: <http://vestnik.spbu.ru/html14/s09/s09v2/10.pdf> (дата обращения: 16.12.2020).
5. Мечковская Н.Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура. М.: Академия, 2007. 432 с.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://ozhegov.textologia.ru/> (дата обращения: 11.02.2021).
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2014. 736 с.
8. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 110-122.
9. Прохоров А.М. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2004. 1456 с.
10. Санников В.З. Язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 544 с.
11. Словарь многих выражений. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/many-expressions-dictionary/index.htm> (дата обращения: 13.12.2020).
12. Толковый словарь русского языка Дмитриева. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-dmitriev/index.htm> (дата обращения: 15.01.2021).
13. Трач А.С. Экономия и избыточность сегментных средств в комическом тексте // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М.: Индрик, 2007. С. 175-185.
14. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 03.12.2020).

15. Chiaro D. Translation, Humour and The Media. London: Continuum, 2010. 259 p.
16. Delabastita D. Verbally expressed humor and translation: an overview of a neglected fields // Humor, special Issue of international Journal of Humor Research. 2005. № 18 (2), pp. 135-145.
17. Koestler A. The act of Creation. London: Hutchinson & Co (Publishers) Ltd., 1964. 752 p.
18. Ma Z., Jiang M. Interpretation of verbal humor in the Sitcom The Big Bang Theory // Theory and Practice in Language Studies. 2013. №3(12), pp. 2220-2226.
19. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 03.12.2020).

References

1. Devkin V.D. Omonimi i paronimi v kalamburnom slovoobrazovnii [Homonyms and paronyms in pun word formation]. *Aktualnije problem sovremennogo yazikovogo obrazovanij v veuze* [Advanced topics of contemporary linguistic education in university]. Kolomna, 2007, pp. 30-35.
2. Kozhevnikov V.M., Nikolaeva P.A. *Literaturnij entsiklopedoeskij slovar* [Literature encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija, 1987, 751 p.
3. Kolonneze J. Nonsens kak forma komizma [Nonsense as a form of humour]. *Logičeskij analiz yazika: yazikovije mekhanizmi komizma* [Logical analysis of the language: linguistic mechanisms of humour]. Moscow: Indrik, 2007, pp. 254-262.
4. Liliental G.G. *K voprozu o vozmoznosti razgranitchenija lingvističeskogo i situativnogo jumora* [On distinguishing linguistic and situational humour]. URL: <http://vestnik.spbu.ru/html14/s09/s09v2/10.pdf> (accessed 16.12.2020).
5. Mechkovskaya N.B. *Semiotika. Yazik. Priroda. Kultura* [Semiotics. Language. Nature. Culture]. Moscow: Academia, 2007, 432 p.
6. Ozegov S.I. *Tolkovij slovar russkogo yazika* [Explanatory dictionary of the Russian language]. URL: <https://ozhegov.textologia.ru/> (accessed 11.02.2021).

7. Ozegov S.I. *Tolkovij slovar russkogo yazika* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: AST, 2014, 736 p.
8. Pocheptsov O.G. Yazikovaja mentalnost: sposob predstavlenija mira [Linguistic mentality: means to represent the world]. *Voprosi yazikoznanija* [Issues of linguistics], 1990, vol. 6, pp. 110-122.
9. Prohorov A.M. *Bolshoj entsiklopedicheskij slovar* [Big encyclopedic dictionary]. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 2004, 1456 p.
10. Sannikov V.Z. *Yazik v zerkale yazikovej igri* [Language in the mirror of linguistic game]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 1999, 544 p.
11. *Slovar mnogih virazhenij* [Dictionary of numerous expressions URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/many-expressions-dictionary/index.htm> (accessed 13.12.2020).
12. *Tolkovij slovar russkogo yazika Dmitriego* [Dmitriev's dictionary of the Russian language]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-dmitriev/index.htm> (accessed 15.01.2021)
13. Trach A.S. Ekonomija i izbitochnost segmentnih sredstv v komicheskom tekste [Reduction and redundancy of segmental elements in humorous text]. *Logičeskij analiz yazika: yazikovije mekhanizmi komizma* [Logical analysis of the language: linguistic mechanisms of humour]. Moscow: Indrik, 2007, pp. 175-185.
14. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed 03.12.2020).
15. Chiaro D. *Translation, Humour and The Media*. London: Continuum, 2010. 259 c.
16. Delabastita D. Verbally expressed humor and translation: an overview of a neglected fields. *Humor, special Issue of international Journal of Humor Research*, 2005, no. 18 (2), pp. 135-145.
17. Koestler A. *The act of Creation*. London: Hutchinson & Co (Publishers) Ltd., 1964. 752 p.
18. Ma Z., Jiang M. Interpretation of verbal humor in the Sitcom The Big Bang Theory. *Theory and Practice in Language Studies*, 2013, no. 3(12), pp. 2220-2226.
19. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (accessed 03.12.2020).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Маник Светлана Андреевна, доцент кафедры зарубежной филологии, доктор филологических наук
Ивановский государственный университет
ул. Тимирязева, 5, г. Иваново, 153025, Российская Федерация
maniksa@ivanovo.ac.ru

Краснова Анастасия Васильевна, магистрант 2 года обучения по направлению Филология 45.03.01 (Зарубежная филология)
Ивановский государственный университет
ул. Тимирязева, 5, г. Иваново, 153025, Российская Федерация

DATA ABOUT THE AUTHORS

Manik Svetlana A., Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Doctor of Philology
Ivanovo State University
5, Timiryazev Str., Ivanovo, 153025, Russian Federation
maniksa@ivanovo.ac.ru

Krasnova Anastasia V., 2-year undergraduate in Philology (Foreign Philology)
Ivanovo State University
5, Timiryazev Str., Ivanovo, 153025, Russian Federation

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-129-143

УДК 811.161.1'37 :811.221.18

РЕГУЛЯТИВНОСТЬ НЕЙТРАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В КОНТЕКСТЕ АВТОРСКОГО ИДЕОСТИЛЯ

Моргоева Л.Б.

***Цель.** Статья посвящена изучению механизмов возникновения коннотативных смыслов в семантике собственно нейтральных лексических единиц в контексте авторского использования. Речевая деятельность помимо выполнения своих основных функций, направленных на установление контакта с реципиентом и воздействие на него, способна регулировать эти процессы при помощи различных языковых средств. Автор ставит целью рассмотреть способы использования лексических единиц в качестве контекстных регулятивов и результат их воздействия на читателя.*

***Метод или методология проведенной работы.** Используются методы структурно-семантического анализа и обобщения.*

***Результаты.** Для выявления механизмов появления коннотативных смыслов в стилистически нейтральных лексических единицах проанализированы тексты монологического и диалогического типов, в которых в качестве регулятивов выступают различные грамматические формы вербальных единиц осетинского языка. Рассмотрение текстов одного автора позволило выявить особенности авторского идеостилья и способности языковых единиц расставлять регулятивные акценты в тексте. В ходе анализа выявлены основные способы активизации и усиления внутренних денотативных смыслов, основным из которых является морфолого-синтаксический повтор одной и той же лексики, выстраиваемый с сохранением определенной последовательности. Контекстный анализ выявленных повторов позволяет определить закономерности их использования внутри текста и обозначить функциональные особенности регулятивной направленности с учетом типовой классификации. На*

основе проведенного анализа выявлены три типа схематического выстраивания повторов, условно обозначенных как линейный, перекрестный и смешанный. Каждый из этих типов построения направлен на выполнение определенных прагматических задач, при достижении которых осуществляется воздействие конкретного типа, при котором стилистически нейтральные глаголы выступают в качестве регулятивов.

Область применения результатов. Результаты проведенного исследования могут послужить для более глубоко и детального анализа контекстной семантики вербальной лексики осетинского языка, а также при изучении вопросов коммуникативной стилистики, в том числе с привлечением смежных дисциплин.

Ключевые слова: контекстная семантика; глагол; повтор; регулятивность; осетинский язык

REGULATION POTENTIAL OF NEUTRAL VOCABULARY IN THE CONTEXT OF THE AUTHOR'S IDEOSTYLE

Morgoeva L.B.

Purpose. The article is devoted to the study of the mechanisms of the emergence of connotative meanings in the semantics of proper neutral lexical units in the context of the author's use. Speech activity, in addition to performing its main functions aimed at establishing contact and impact, is able to regulate these processes using various linguistic means. The author aims to consider the ways of using lexical units as contextual regulations and the result of their impact.

Method or methodology of the work performed. The methods of structural-semantic analysis and generalization were used.

Results. To identify the mechanisms of the appearance of connotative meanings in stylistically neutral lexical units, the texts of monological and dialogical types were analyzed, in which various grammatical forms of verbal units of the Ossetian language acted as regulators. The analysis revealed the main ways of activating and strengthening internal

denotative meanings, the main of which is the morphological and syntactic repetition of the same lexeme, maintained with the preservation of a certain sequence. The contextual analysis of the identified repetitions made it possible to determine the patterns of their use within the text and to identify the functional features of the regulatory orientation, taking into account the typical classification. The study demonstrated three types of schematic alignment of repetitions, conventionally designated as linear, crossover and mixed. Each of these types of construction is aimed at achieving certain pragmatic tasks, upon the achievement of which a specific type of influence is carried out, where stylistically neutral verbs act as regulators-concepts.

Scope of the results. *The results of the study can serve for a deeper and more detailed analysis of the contextual semantics of the verbal vocabulary of the Ossetian language, as well as in the study of issues of communicative stylistics, including with the involvement of related disciplines.*

Keywords: *context semantics; verb; repetition; regulation potential; Ossetian language*

Язык как мощнейшее средство «коллективной координации поведения» [3, с. 95] способен выполнять в обществе «регулятивную функцию, которая обеспечивает согласованную деятельность индивидов «как по отношению друг к другу, как и по отношению к окружению» [2, с. 41]. Вместе с тем основной функцией речи остается коммуникативная, при которой передача сообщения сопровождается воздействием на себя и на других людей. Именно намерение воздействовать, характерное для коммуникативной функции языка/речи, говорит о регулятивности.

Регулятивность как системное качество текста, выраженное в способности управлять познавательной деятельностью читателя [11, с. 6] присутствует в каждом тексте, поскольку любой текст направлен на воздействие на адресата тем или иным образом. Прагматическая направленность текста определяет способы и средства, используемые для такого воздействия. Исходя из коммуникативных установок, стоящих перед говорящим, степень этого воздействия

может быть разной в зависимости от стиля изложения и жанровых особенностей.

Следует отметить определенные признаки с сходства с экспрессивностью, которая так же зависит от прагматических задач и направлена на воздействие. Однако регулятивность не может быть компонентом экспрессивности [7], тогда как последняя может присутствовать в языковых средствах, направленных на регуляцию, т.е. быть средством управления познавательной деятельностью, вызываемой и формируемой конкретным автором. В этом случае можно говорить о созависимости и взаимосвязи этих лингвистических категорий, относящихся к коммуникативной стилистике. Следуя развивающейся концепции регулятивности художественного текста, которая базируется в основном на диалогической форме речи, отметим, что определенным образом организованная «речемыслительная деятельность автора» [8, с. 53] является процессом, протекающем во всех формах художественного изложения мысли, при котором «сотворчество автора с читателем проявляется в организации этой деятельности «на уровне высказывания, блока высказывания и целого текста» [Там же, с. 56].

В литературной прозе не только диалоги героев, но и повествовательные части зачастую представлены как внутренний диалог персонажа с собственным «Я». Для передачи внутренних переживаний героя, эмоционального состояния и хода размышлений используются множество разнообразных стилистических приемов. Однако излюбленным приемом многих осетинских писателей является стилистический повтор, который заслуживает особого внимания, поскольку выполняет важную регулятивную функцию. При помощи повторов выстраиваются длинные последовательные или пересекающиеся цепочки глаголов, которые создают мощную экспрессивную атмосферу в тексте. Причем, особенностью таких повторов является то, что благодаря этому приему экспрессивными становятся даже эмоционально ненагруженные, семантически нейтральные глагольные формы. Разберем их по типам стилистического построения.

I. К первому типу относятся тексты, представленные синтаксически связными и последовательно выстроенными конструкциями с повтором одного и того же глагола в одинаковых или разных грамматических формах, который условно можно назвать *линейным*:

Æмæ йæ кæуын нал баурæдта Асбар. Лæууыди 'мæ куыдта. Хъæрсей нæ куыдта, фæлæ сабыр дæр нæ куыдта. Афтæ куыдта. Дыууæ кауы астæуты чи фæцсейцыдаид, уый базыдтаид – уартæ Гыриты нартхоры чидæр кæуы. Стæй бафæллад лæууынæй, æмæ йæм афтæ фæзынд – кæугæ кæй кæны, уымæн бафæллад, сæндæра кæугæ куынæ кæнид, уæд нæ бафæлладаид. [12, с.19]. «И не сдержал Асбар свой плач. Стоял и плакал. Плакал не громко, но и не тихо плакал. Проходящий между двух оград понял бы, что среди кукурузы Гириевых кто-то плачет. Потом устал стоять и ему показалось – устал из-за того, что плачет, если бы не плакал, так бы не устал» (здесь и далее перевод наш – Л.М.).

Графически выделенные нами формы глагола *кæуын* «плакать» наглядно демонстрируют частоту его использования в представленном отрывке. Такой способ построения текста дает возможность автору воздействовать на читателя определенным образом, выдвигая на передний план конкретное действие и его значимость в отдельно взятом дискурсе. В данном контексте глагол *кæуын* «плакать» поневоле становится экспрессивным, с той лишь разницей, что экспрессивность возникает не за счет внутреннего эмоционального содержания и коннотативных компонентов слова, а благодаря стилистическому усилению и интенсивности, которая достигается при помощи повторов, активизирующих денотат.

При таком построении синтаксических конструкций можно говорить о некой «принудительной» экспрессивизации самой вербальной единицы, когда контекстуально автор как бы доходит до глубинной семантики слова и доводит ее до уровня концептуального значения. И по достижении этой «цели» у читателя активизируется национальный стереотип 'мужчины не плачут', который приобретает более четкие очертания культурного концепта. «Несмотря на то, что каждый человек постигает мир самостоятельно, он при

этом использует общественный опыт. В ходе социализации человек принимает характерную для данного общества систему концептуальных стереотипов, принятые в этом обществе нормы мышления, нормы оценок и поведения» [10, с. 86]. Регулятивность в данном случае заключается в «сотворчестве», к которому автор привлекает читателя, с опорой на подобные «узловые точки» совместно воссоздавая «не только личностные смыслы и культуру общества, но и разные смысловые области опыта, разные знания и переживания», соотносимые в единой системе как «параметрические и непараметрические концепты» [6, с. 97].

II. Другой способ использования повторов можно охарактеризовать как *перекрестный*, при котором повтор одного глагола на протяжении всего отрывка пересекается с повторами других слов:

Ныр тагъд баталынг уыдзæн, æмæ схуысса, кæддæра йын æцæг *азарид* Зæлидæ. *Азардзæн* ын, нæ йын *фауыдзæн æнæ азаргæ*. Нартхоры хъæдты 'хсæн слæудзæн æмæ *зардзæн*. Хъæрæй нæ *зардзæн*, æмæ цæмæн *хъæуы хъæрæй зарын!* Сабыр куы *зара*, уæд æм ноджы хуыздæр куы *байхъусдзæн*. Æмæ йæм, зæгъæм, уый *байхъуыста*, Кола, уæд та? Зæгъæм, æддæмæ рацыди, тыргъмæ, уæд æм нæ *байхъусдзæн?* Куыд нæ йæм *байхъусдзæн?!* Æмæ йын уæд афтæ нæ зæгъдзæн: уыдон дын цыхуызæн *зердтытæ сты*, мæнæ чызг? Куыд нæ йын *зæгъдзæн?!* Æмæ уæд цы *хъуамæ зæгъа* Зæлидæ?! Ноджы уыцы зарæг! Никуы йæ *хъусгæ фæкодта*, никуы йæ кæсгæ бакодта! Иухатт ын дзы гыццыл *азарыд*, цыма йæ уымæн нæ *зарыд*, цыма йæ æнæуи *зарыд*, афтæ. Дыууæ рæнхъы йын дзы *азарыд* æви иу рæнхъ æмæ 'рдæг... Фылдæр ын дзы кæй нæ *азарыд*, уымæ гæсгæ йæм йæ *хъус не 'рдардта*. [12, с. 17-18]. «Теперь быстро стемнеет, и он ляжет, интересно Залида и правда ему *спела* бы. *Споет* ему, не уйдет, не *спев*. Встанет среди стеблей кукурузы и *будет петь*. *Петь* будет не громко, и зачем надо громко *петь!* Если будет тихо *петь*, то до него еще лучше будет *доноситься* (*слышаться*). А, скажем, он ее *послушает*, Коля, тогда что? Скажем, вышел на улицу, на крыльцо, то не *послушает?* Как не *послушает?!* И тогда не скажет ей: что это за *песнопения* у тебя, девочка? Как ей не

скажет?! И тогда что должна сказать (в ответ) Залида?! Еще эта песня! Ни услышала где-то, ни прочитала! Однажды немного спела так, будто не ему пела, будто просто так пела. Две строчки ему из песни спела или строчку с половиной... из-за того, что спела не больше, он и не обратил внимания».

В данном отрывке интересна линейка словоформ *азарид* «пела бы» – *азардзæн* «споет» – *нæ фæуыдзæн æнæ азаргæ* «не применит спеть» – *зардзæн* «будет петь» – *зардзæн* «будет петь» – *хъæуы зарын* «надо петь» – *зара* «пусть поет» – /X/ – *азарыд* «спела» – *зарыд* «пела» – *зарыд* «пела» – *азарыд* «спела». В обозначенном нами знаком X идет пересечение с линейкой словоформ *байхъусдзæн* «послушает» – *байхъуыста* «послушал» – *байхъусдзæн* «послушает» – *байхъусдзæн* «послушает» – *хъусгæ фæкодта* «слышать слышал» – *хъус не 'рдардта* «не обратил внимания (букв. ухо не направил)».

Такой вид использования повтора автору дает возможность при помощи всего двух слов создать еще один план содержания, который можно условно выразить как 'умеет петь и спела', но с учетом «точки пересечения» с так называемой второй линией мысли основная тема претерпевает некоторые видоизменения и выражается как 'спела – послушали'.

С позиций когнитивной лингвистики данные линейные пересечения напоминают матрицу, на которую нанизываются эмоционально оформленные описания мысли и рассуждений на определенную тему. Иными словами, выделенные нами линейные ряды глагольных словоформ позволяют наглядно продемонстрировать процесс, который происходит в действительности и процесс, который говорящему представляется желаемым. Противопоставление «действительного» внутренне «ожидаемому», выраженному в логической цепи словоформ, есть ни что иное, как конфликт двух планов содержания (явного и скрытого), что всегда сопровождается яркой экспрессией. И важную функцию при этом выполняют именно повторы, поскольку «эмоционально-оценочная реакция на различные ситуации в осетинском языке (в разговорной речи) выражается повторами слов, словосочетаний и т.д. Они помогают пере-

дать также психологическое состояние говорящего. Повтор в этом случае имеет экспрессивный характер» [14, с. 95]. Концептуальное значение анализируемого отрывка может быть сформулировано антагонистской парой ‘зарын – хьусын’ «петь – слушать», где каждый из компонентов может иметь свое концептуальное поле (например, *хьусын* «слушать» – *хьус аердарын* «ухо направить»).

III. На примере еще одного отрывка из того же произведения рассмотрим *смешанный тип повторов*, который иллюстрирует сформулированное нами утверждение о пересечении нескольких концептуальных полей. Так, «лексические регулятивные структуры, основанные на стилистическом приеме синтаксического параллелизма, соотносятся преимущественно с регулятивами-концептами, в то время как регулятивные цепочки — с регулятивами-локативами» [9, с. 223]. Осмелимся предположить, что повтор как стилистический прием также соотносится с концептами-регулятивами на примере следующего текста:

Гъеныр Колаимæ куы ахуыр кæнид йæ уроктæ, уæд-иу ын нæ **азарид** Зæлидæ! Æмæ-иу нæ **бафынæй уайд!** Ныр, цымæ, æцæг **бафынæй уайд**, Зæлидæ йын куы **азарид**, уæд? **Бафынæй уайд**, цæмæннæ **бафынæй уайд!** Æмæ йæм *аербайхъуысид* йæ *зарын?* Æцæг æм *аербайхъуысид?* *Аербайхъуысид* æм, уымæн æм *аербайхъуысид*, æмæ уымæн **зарид**, æрмæст уымæн. Æндæр æм ничи **хъусид**, *байхъуыны* бар æм никамæн уайд. Æмæ **афынæй уайд**. Уый хуызæн дзæбæх чызджы зарæджы **зæрдмæ цы афынæй уай**, уымæй уд сыгъдæг кæны, зæрдæ — фидар. Дзæгъæлы куына **фæзары мад йæ сывæллонаен йæ афынæйы агъоммæ!** [10, с. 35]. «Вот если бы он делал уроки с Колей, разве не *пела бы* ему (постоянно) Залида! Разве не *засыпал бы!* Вот, интересно, правда *бы заснул*, если *бы* Залида ему *спела?* *Заснул бы*, почему *бы* не *заснул!* А *доносилось (услышал)* *бы* до него ее *пение?* Правда *бы доносилось (услышал)?* *Услышал бы*, потому *бы услышал*, что ему *бы пела*, только ему. Больше *бы* никто ее не *слышал*, ни у кого *бы* не было права ее *слушать*. И *уснул бы*. Под *пение* такой красивой девушки *уснуть* означает, что душа очищается, а сердце крепнет. *Не даром мать поет ребенку перед сном!*».

В данном отрывке мы наблюдаем предыдущую регулятивную пару *зарын – хъусын* «петь – слушать», к которой присоединяется еще третья линейка, представленная практически одной глагольной формой сослагательного наклонения *бафынаей уаид* «уснул бы». В этом тройном пересечении повторов центральным является глагол *фынсей каенын* «спать», а использованные в тексте формы сослагательного (условного) и желательного наклонений будут выступать как усилители ожидаемого результата, на котором сконцентрирована основная мысль. Это становится возможным благодаря тому, что «в современном осетинском языке формами желательного наклонения (оптатива) можно выразить обусловленное действие и, наоборот, формами условного наклонения (конъюнктива) – желание» [1, с. 306-308; 5, с. 250].

Используя предыдущую форму демонстрации, представим данный вариант повторов как логически последовательную цепь действий *зарын – хъусын – афынаей уын* «петь – слушать – уснуть». Так же, как и в самом тексте, в данной схеме отсутствует конфликт между планом выражения и планом содержания, т.е. желаемое воспринимается как действительное, несмотря на условность самих синтаксических конструкций, посредством которых автор концептуализирует свою мысль. Эта особенность отличает два представленных отрывка друг от друга: учитывая схожесть используемых в них глаголов, возникающий эмоционально-экспрессивный фон, тем не менее, в каждом случае разный и регулирует смыслы активизированных сегментов концептуального поля. Это позволяет нам рассматривать последние два отрывка как самостоятельные способы стилистического использования повторов при синтаксической организации текста.

В отличие от первого отрывка, в последнем уже обозначен набор концептуальных смыслов, имеющих культурно-нравственную основу, который развернуто представлен в виде завершающего данный отрывок предложения: *фазары мад йа сываллонан йа афынаей агъомма* «поет мать ребенку своему перед его сном».

Таким образом, мы можем наблюдать случай использования автором стилистических повторов слов и синтаксических конструк-

ций не только для развития сюжета и в качестве средств связи частей текста, но для создания и транслирования «идейно-значимых понятий» [15, с. 92].

Частота использования повторов, выстроенных именно таким перекрестно-линейным образом в художественном дискурсе, позволяет нам классифицировать их как регулятивные средства, а сам прием относить к особенностям идеостилия произведений Сергея Хугаева. Именно так автор устанавливает и контролирует контакт с читателем, формирует и регулирует степень и форму подачи информации, в том числе и идей морально-нравственного и ценностного содержания.

«Сравнивая концепты свойственные различным национальным культурам, мы замечаем, что в ряде случаев мы сталкиваемся с асимметричной представленностью единиц в сопоставляемых культурах. Такая асимметричность неоднородна. Ее крайней степенью является лакунарность – значимое отсутствие определенных признаков и единиц в одной системе по сравнению с другой» [6, с. 95]. Вследствие этого мы часто сталкиваемся с трудностями передачи концептуальных смыслов, передаваемых лексической единицей одного языка посредством другого. Так, к примеру, слово *æвдæлон* «свободный», изменяя свой морфологический статус, меняет и смысловые оттенки от нейтрального 'быть не занятым' до 'пребывать в безделье', а в составе речевых формул 'быть опустошенным', 'потерять близкого'.

Æмæ æнæвдæлонгъуыз уыдысты адæм дæр æмæ машинæтæ дæр. Фæлæ йæ 'мбары Милуан, хорз æй æмбары – уый зынгæ афтæ кæны, цыма æнæвдæлон сты. Æнæуи та æвдæлон сты, тынг æвдæлон сты. Афтæ æвдæлон сты æмæ, сæ *фырæвдæлонæй сæхи цы фæкæной, уый нæ зонынц*. Уыцы рауай-бауай дæр æмæ раскæр-баскæр дæр уымæн кæнынц уынгты. Уый дуне у æнæвдæлон, ацы стыр дуне. Стæй ноджы дуг. Уыдон æнæвдæлон сты, афтæ æнæвдæлон сты æмæ сæ фæстæмæ фæкæсынмæ дæр не 'вдæлы. Æмæ царды, æвæццæгæн, дызгъуын æмæ æххæл бынæтгæ уымæн зыны: адæм – æвдæлон, дуне æмæ дуг — æнæвдæлон. [13, с. 12]

«И были с *занятым* видом и люди, и машины. Но понимает Милуан, хорошо понимает – это только с виду кажется, что они *заняты*. А так они ничем *не заняты*, совсем *не заняты*. Настолько ничем *не заняты*, что не знают, куда себя деть от этой *незанятости*. Поэтому они так бегают и ездят в суете туда-сюда по улицам. Это мир *занят*, этот большой мир. И эпоха. Они *заняты*, настолько *заняты*, что некогда им оглянуться назад. Поэтому, наверное, в жизни столько странных и непонятных моментов возникает: люди – *не заняты*, время и мир – *заняты*». Здесь использован тот же перекрестный прием, с той лишь разницей, что стилистически обыгрывается семантически антонимическая, но морфологически подвижная пара *авдаелон уын – сенавдаелон уын* «быть занятым – быть незанятым», «занят – не занят». Такая морфологическая подвижность возникает из-за грамматических особенностей осетинского языка, в котором именные части сложного глагола при отсутствии вспомогательной глагольной части способны выступать в качестве той или иной самостоятельной именной части речи в зависимости от контекстного окружения и оформления синтаксической конструкции [4, с. 5]. В данном отрывке эмоциональный фон отличается определенной размеренностью, которую автор выдерживает для того, чтобы дать возможность читателю следовать за рассуждениями героя и вместе с ним прийти к совместному аксиоматичному выводу, которым, как и в предыдущем отрывке, он заканчивает: *адам – авдаелон, дуне амае дуг – сенавдаелон* «люди – свободны (от дел), мир и эпоха – заняты». Такой вывод провоцирует дальнейшие размышления, но уже со стороны адресата /читателя, что, собственно, и можно охарактеризовать как «сотворчество», т.е. совместный процесс познания, в котором автор произведения всегда использует свои языковые средства регуляции.

Таким образом, на примере художественной прозы Сергея Хугаева был проведен лингвистический анализ, который позволил определить основные приемы стилистического использования языковых единиц и способы их воздействия на читателя, в числе которых особенно выделяются приемы контекстного использования нейтральных глаголов при построении синтаксических с повторами слов.

Нами выделены линейный, перекрестный и смешанный типы повторов, каждый из которых отличается особыми регулятивными способностями, целевыми установками и эмоциональной интенсивностью. Разбор выявленных типов повторов показал разную степень активизации фоновых знаний и позволил обозначить механизмы формирования и воздействия концептов-регулятивов.

Список литературы

1. Багаев Н.К. Современный осетинский язык: Учебное пособие для вузов. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство. Ч. I, 1965. 487 с.
2. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. М.: КомКнига, 2007. 288 с.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т.1. М.: Педагогика, 1982. 486 с.
4. Габараев Н.Я. Морфологическая структура слова и словообразование в современном осетинском языке. Тбилиси: Изд-во «Мецниереба», 1977. 175 с.
5. Грамматика современного осетинского языка. / Под. ред. Г.С. Ахвледиани. Орджоникидзе: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Северо-Осетинской АССР. Т. I, 1963. 367 с.
6. Карасик В.И. Концепты-регулятивы // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 95-108.
7. Моргоева Л.Б. Экспрессивность разноуровневых единиц языка (на материале оосетинского и русского языков). Владикавказ: ИПО СО-ИГСИ, 2009. 248 с.
8. Петрова Н.Г. Лексические регулятивные цепочки в аспекте читательского восприятия // Вестник ТПГУ. 2005. Вып. 3 (47). Серия: Гуманитарные науки (Филология). С. 53-58.
9. Петрова Н.Г. К вопросу о соотношении понятий «рефлексив» и «регулятив» // Сибирский филологический журнал. 2016. С. 219-225.
10. Позняк Л.П. Этноспецифические особенности вербализации концепта *слава* в национальной картине мира британцев // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. №1, том.1, 2019. С. 85-95.

11. Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. М.: Наука, 1987. 140 с.
12. Хугаев С.З. Колыбель Коста: повести и рассказы. Владикавказ: Ир, 2018. 391 с.
13. Хугаев С.З. Грозди винограда: повести и рассказы. Владикавказ: Ир, 2014. 479 с.
14. Цопанова Р.Г., Каражаев Ю.Д. Отражение этносознания в экспрессивных конструкциях осетинского языка // Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. Приложение. № 10, 2005. С. 92-97.
15. Цопанова Р.Г. Повтор в системе стилистических средств (на материале осетинского языка) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск. 2006. С. 92-95.

References

1. Bagaev N.K. *Sovremennyy osetinskiy yazyk* [Modern Ossetian language: textbook for universities]. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. I, 1965, 487 p.
2. Borbot'ko V.G. *Printsipy formirovaniya diskursa: Ot psikholingvistiki k lingvosinergetike* [Principles of discourse formation: From psycholinguistics to linguosynergetics] Moscow: KomKniga, 2007, 288 p.
3. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika, 1982, 486 p.
4. Gabaraev N.Ya. *Morfologicheskaya struktura slova i slovoobrazovanie v sovremennom osetinskom yazyke* [Morphological structure of words and word formation in the modern Ossetian language]. Tbilisi: «Metsniereba» Publ., 1977, 175 p.
5. *Grammatika sovremennogo osetinskogo yazyka* [Grammar of modern Ossetian language]. Ordzhonikidze: Nauchno-issledovatel'skij institut pri Sovete Ministrov Severo-Osetinskoy ASSR. Vol. I, 1963, 367 p.
6. Karasik V.I. Kontsepty-regulyativy [Regulating concepts]. *Jazyk, soznanie, kommunikacija* [Language, consciousness, communication]. Moscow: MAKS Press, 2005, no. 30, pp. 95-108.

7. Morgoeva L.B. *Ekspressivnost' raznourovnevykh edinits yazyka (na materiale osetinskogo i russkogo yazykov)* [Expressiveness of different-level language units (based on the material of the Ossetian and Russian languages)]. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2009, 248 p.
8. Petrova N.G. Leksicheskie regulativnye tseppochki v aspekte chitatel'skogo vospriyatiya [Lexical regulatory chains in the aspect of reader's perception]. *Vestnik TPGU* [TGPU Bulletin], 2005, no. 3 (47), pp. 53-58.
9. Petrova N.G. K voprosu o sootnoshenii ponyatii «refleksiv» i «regulativ» [On the question of the relationship between the concepts of “reflexive” and “regulative”]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian journal of philology]. 2016, pp. 219-225.
10. Poznyak L.P. Etnospetsificheskie osobennosti verbalizatsii kontsepta slava v natsional'noi kartine mira britantsev [Ethnospecific features of the verbalization of the concept of glory in the national picture of the world of the British]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N.Tatishcheva* [VGU Bulletin], 2019, vol. 1, no. 1, pp. 85-95.
11. Sidorov E.V. *Problemy rechevoi sistemnosti* [Problems of speech consistency]. Moscow: Nauka, 1987, 140 p.
12. Khugaev S.Z. *Kolybel' Kosta: povesti i rasskazy* [Cradle of Costa: short novels and stories]. Vladikavkaz: Ir, 2018, 391 p.
13. Khugaev S.Z. *Grozdi vinograda: povesti i rasskazy*. [Bunches of grapes: short novels and stories]. Vladikavkaz: Ir, 2014, 479 p.
14. Tsopanova R.G., Karazhaev Yu.D. Otrazhenie etnosoznaniya v ekspressivnykh konstruktsiyakh osetinskogo yazyka [Reflection of ethnic consciousness in the expressive constructions of the Ossetian language]. *Izvestija vuzov. Severokavkazskij region. Obshhestvennye nauki* [University proceedings. North Caucasian region. Social sciences], 2005, no. 10, pp. 92-97.
15. Tsopanova R.G. Povtor v sisteme stilicheskikh sredstv (na materiale osetinskogo yazyka) [Repetition in the system of stylistic means (based on the Ossetian language)]. *Izvestija vuzov. Severokavkazskij region. Obshhestvennye nauki* [University proceedings. North Caucasian region. Social sciences], 2006, pp. 92-95.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Моргоева Лариса Батразовна, старший научный сотрудник отдела осетинского языкознания, кандидат филологических наук
*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра РАН
PCO-Алания
проспект Мира, 10, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362000, Российская Федерация
Lalik_m@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Morgoeva Larisa B., Senior Researcher of the Ossetian Linguistics Department, Candidate of Philological Sciences
*North Ossetian Institute of Humanities and Social Research, Vladikavkaz Scientific Center, Russian Academy of Sciences, North Ossetia-Alania
10, Prospect Mira, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, 362000, Russian Federation
Lalik_m@mail.ru
SPIN-code: 9547-1930
ORCID: 0000-0003-3725-754X
ResearcherID: J-5680-2018*

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-144-151

УДК 812

О СИНОНИМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ В ОХОТНИЧЬЕЙ ЛЕКСИКЕ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

Нестерова Е.В.

Цель. Целью работы является изучение синонимических явлений в охотничьей лексике эвенского языка. Исследование малоизученных в эвеноведении синонимов способствует выявлению как путей и способов развития словарного состава языка, так и лексико-семантической эволюции эвенского слова и вводит в научный оборот новый лексический материал по теме «Охота».

Метод или методология проведения работы. Основным методом исследования выступает описательный.

Результаты. Развитая терминология охоты характеризуется разнообразием синонимов в конкретном языке. В данной статье представлены некоторые синонимические ряды, а также эвфемизмы, выявленные в эвенской охотничьей лексике в результате проведенного исследования. В теме медведя зафиксированы синонимы, обозначающие половозрастные названия животного, различные действия и явления, связанные с ним.

Область применения результатов. Результаты работы могут быть применены в исследованиях по лексикологии эвенского и других тунгусо-маньчжурских языков.

Ключевые слова: эвенский язык; охотничья лексика; тотемная лексика; синоним; эвфемизм; табу; тема медведя

ON SYNONYMS IN THE HUNTING VOCABULARY OF THE EVEN LANGUAGE

Nesterova E.V.

Purpose. The aim of the work is to study synonyms in the hunting vocabulary of the Even language. The study of synonyms, which have been

so far insufficiently studied in the Even language, contributes to the identification of both ways and means of developing the vocabulary of the language, as well as the lexical-semantic evolution of the Even word and introduces new lexical material on the topic “Hunting” into scientific studies.

Method or methodology of the work. *The descriptive research method is the main one being selected for the purposes of the work.*

Results. *The developed hunting terminology is characterized by a variety of synonyms in a particular language. This article presents some of the synonymous series identified in the Even hunting vocabulary as a result of the study. In this group of words, synonyms were also identified, denoting the sex and age names of the animal, various actions and phenomena associated with it.*

Practical implications: *The results of the work can be applied in research on the lexicology of the Even and other Tungus-Manchu languages.*

Keywords: *Even language; hunting vocabulary; totem vocabulary; synonym; euphemism; taboo; bear theme*

Эвенский язык относится к тунгусо-маньчжурской языковой семье и является малоисследованным языком. Фиксация, изучение и введение в научный оборот новых лингвистических материалов по эвенской лексике является одним из способов решения проблемы сохранения исчезающего эвенского языка. Объектом данной работы является охотничья лексика эвенского языка, а предметом исследования – синонимические отношения в данной тематической группе слов. Ни объект нашего исследования, ни предмет ранее не подвергались специальному лингвистическому изучению. В качестве источников исследования послужили работы В.А. Роббека и М.Е. Роббек «Эвенско-русский словарь» [4], «Фольклор эвенов Березовки» [5], а также полевые материалы автора.

Охота в жизни эвенов имела и имеет важное значение прежде всего как способ пропитания. По эвенским поверьям, нельзя охотиться слишком много, добычи должно быть столько, чтобы прокормить свою семью. Запрет на массовое истребление животных, как один из самых главных законов в эвенской культуре, отразился

как в фольклоре, так в запретах и берегах (Перевод наш – Е.Н.): *Ач дюгулэч эди малинкир. Делгэнкэ манудик.* ‘Без цели не убивай. Животные кончатся (исчезнут)’ [5, с.293]. *Ач надалач делгэнкэв, дэгий, магдилив эди малинкир, ниутчир.* ‘Без надобности не убивай животное, птицу, насекомое, проклянут’ [Там же, с. 295] и др. Добыча в сознании эвенов воспринималась как подарок духа земли: *Хи явда-тит бакчас буг хинду унив анин...* ‘Все то, что ты добыл – это жизнь, подаренная тебе землей...’ [Там же, с. 294].

В эвенском языке мы не встретили лексему, обозначающую понятие ‘добыть’, вместо нее употребляются синонимичные эвфемизмы: *анивьяттай* ‘1) добыть добычу; 2) получить подарок’ образовано от *анидай* ‘1) дарить; 2) награждать’ [4, с. 43]; *бактай* ‘1) найти, обнаружить, выявить; 2) разгадать; 3) найти решение’ [Там же, с. 52]; *урэвдэй* ‘убиться, отдаться на смерть (о животном)’ [Там же, с. 272]; *боривдай* ‘получить то, что поделили’; *бөвдэй* ‘получить то, что дали’ и др.

В охотничьей лексике присутствует значительное число различных синонимов, обозначающих действия охотника, его характеристику, различные понятия, что указывает на немаловажную роль охоты в жизни эвенов. Так, лексема *буюстэй* в эвенском языке в настоящее время употребляется со значением ‘охотиться, промышлять, добывать, ловить зверя’, хотя ранее, по словам информантов, данное слово использовалось прежде всего в значении ‘охотиться на дикого оленя, лося’. Данная лексема является доминантой широкого синонимического ряда:

Буюстэй ‘охотиться, промышлять, добывать, ловить зверя’; *бэйчидэй* ‘охотиться, промышлять, ловить зверя, рыбу’; *гобдидай* ‘1) охотиться с собакой; 2) гонять зверя (о собаке)’; *хуркаттай* ‘охотиться, промышлять при помощи петель, силков’; *наунаттай* ‘ловить, добывать, промышлять зверя при помощи ловушки, пасти’; *некимидэй* ‘охотиться на уток’; *нөкэчэмидэй* ‘охотиться на лося’; *өлмидэй* ‘белковать, охотиться на белку’; *чэркэттэй* ‘охотиться, промышлять при помощи черкана’; *хулакттай* ‘убивать, добывать лисицу’ и др.

От данных глаголов путем суффиксации образуются синонимы со значением ‘охота, промысел’. Например: *буюсэк, буюсэдек* ‘1) охота,

промысел; 2) место охоты’, *буюсэн, буюсэнмэй* ‘1. охота, промысел, добыча, ловля; 2. охотничий, промысловый’, *бэйчидек, бэйчэк* ‘1) промысел, лов, добыча; 2) промысловое угодье’, *хуркачак* ‘охота при помощи петель, силков’, *гобдяк* ‘1) охота с собакой; 2) промысел, добыча, ловля; 3) место охоты, промысла’, *наушак* ‘охота, промысел при помощи пастей’; *чэркэчэк* ‘охота, промысел с помощью черкана’ и др.

Аналогичным путем образуются синонимичные обозначения деятеля: *буюсэнүэ* ‘1. охотник, зверолов; 2. охотничий, звероловный’, *бэйчимүэ* ‘1. занимающийся промыслом, охотник, рыбак; 2. промысловый, охотничий, рыбачий’, *гобдядь* ‘1. охотник, отправившийся на охоту с собакой; 2. охотничий’, *өлмимүэ* ‘охотник на белку’ и др.

В эвенской охотничьей лексике встречаются и другие синонимы, обозначающие различные действия, явления и характеристики охотников, например, синонимом слова *удиттай* ‘идти по следу, выслеживать, скрадываться’ [Там же, с. 264] является *асмидай* ‘следить, выслеживать, отслеживать по следу’.

Удачливого охотника называли *буюсэлэн* ‘хороший, удачливый охотник’ синонимами к нему являются такие слова как *бэйчилэн* с таким же значением, *бакалан* ‘1. находчивый; 2. находчивость; 3. удачный в охоте’, *малан* ‘хороший охотник’, в дословном переводе ‘прекрасно владеющий искусством убийства’. Отметим, что употребление в речи лексемы *малан* является нежелательным, т.к. соотносится с крайне негативным денотатом *убийца* и почти не используется в эвенском языке. Оно образовано от глагола *мадай* ‘1) убить кого-л.; 2) добыть зверя, рыбу’, который, по словам информанта Е.Н. Тайшина (16.04.1957 г.р., представитель рода Дөнрэткэн) эвен охотник не употребляет в своей речи. По его словам, охотник может употребить следующие выражения: *Би эгдетэнүэй бэйрив* ‘я добыл себе лося’; *би эгдетэв урэврэм* ‘мне лось отдался на смерть’ или *би эгдетэв бакрам* ‘я добыл лося’, досл. ‘я нашел лося’. Использование в речи слова *мадай* с основным прямым значением ‘убить’ является запрещенным в охотничьей среде.

В эвенском языке, как и в других языках мира, существуют слова или выражения, употребление которых ограничено этическими, ре-

лигиозными и другими причинами. Табу – слово, употребление которого запрещено вследствие мифологических верований, суеверий и предрассудков, а также по причине цензурных запретов, боязни грубых или неприличных выражений и т.п. [1, с. 467]. Так, например, по суеверным представлениям эвенов, существовавшим раньше, нельзя было называть имена умерших людей. Вместо имени умершего употреблялось слово, оформленное суффиксом -*наси/-нэси-* или -*нас/-нэс*, например: *амауаси* 'покойный отец' [3, с. 39]. В языке эвенов Березовки и в настоящее время употребляются такие слова, например: *Акуасас буюсэлэн бисин*. 'Покойный старший брат твой был хорошим охотником'. Также нельзя было произносить имя мужа или жены, вместо них употребляли выражения: *Иван аманни* 'отец Ивана', *Анна энинни* 'мать Анны' [Там же, с. 39].

В каждом языке существуют определенные особенные, сакральные, тайные темы и слова, которые находятся под запретом упоминания в разговоре. С целью замены таких слов говорящий прибегает к помощи языковых и речевых эвфемизмов. Эвфемизмы – эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными [2, с. 513]. Например, эвены вместо глагола *көкэдэй* 'умереть' употребляют глаголы *дэрэмкэдэй* '1) отдохнуть, передохнуть; 2) *перен.* умереть', *ачча одай* 'перестать существовать', *нютлэдэй* '1) идти собирать смолу дерева; 2) *иносказ.* умереть', *нөлтэнтэки бадусандай* 'покочевать к солнцу' и др.

Богата эвфемизмами и охотничья лексика эвенского языка. Так, например, считалось опасным называть зверей, на которых охотятся; вместо их названий употребляли различные эвфемизмы. Например, вместо *нөкэчэн* 'лось' использовали эвфемизмы *эгдетэ* 'лось' от *эгден* 'большой', *невчэпри* 'лось' от *негчэлдэй* 'темнеть, чернеть', *алуагда* 'большерогий (о лосе)' от *алуа* 'рога лося', *алуалатты* 'рогатый (о лосе)' от *алуа* 'рога лося', *навдака* 'лось', *токи* 'лось, сохатый'. Название самки лося '*нямия*' заменялась в речи эвфемизмом *эникчэн* 'самка лося' от *эне* 'мама'.

Эвфемизации подвергаются и другие названия зверей. Так, лексема *нёучак* 'волк' в речи эвенов заменяется следующими эвфемиз-

мами: *гиркари* ‘волк’ от *гиркадай* ‘шагать, идти пешком’, *буркучан* ‘волк’ от *буркудай* ‘сесть’, *гиркучан* ‘волк’ от *гиркадай* ‘шагать, идти пешком’, *уэлуки* ‘волк’ от *уэлдэй* ‘бояться, испытывать страх’, *уэлэчин* ‘волк’ от *уэлдэй* ‘бояться, испытывать страх’, *долбасак* ‘волк’ от *долба* ‘ночь’, *мата* ‘волк’ (*фолькл.*), *хевунки* ‘волк’ от *хевэндэй* ‘высовываться, выходить, вылезать’ и др.

Наиболее эвфемизированной в эвенском языке является лексема *накат* ‘медведь’. Для эвенов медведь является священным животным. Запрещалось вести о нем разговоры, громко говорить о нем, нельзя было лишний раз упоминать его имя. Лексему *накат* эвены заменяли эвфемизмами *этэкэ* ‘медведь’ от *этэ* ‘дед, бабушка’, *хэунунь* ‘медведь’ от *хэундэй* ‘бояться, испытывать суеверный страх’, *абага* ‘дедушка (медведь)’ от *абага* ‘дед’, *абауа* дедушка (одно из названий медведя) от *абауа* ‘дед’, *ачуркан* ‘медведь’, *дэ-рикэн* ‘медведь’, *кобалан* ‘медведь’, *кэки* ‘медведь’, *кяга* ‘медведь’ от *кяга* ‘дедушка’, *мэмэкэ* ‘медведь’ от *мэмэ* межд. ‘страшно, жутко’, *мэмэчэ* ‘медведь’ от *мэмэ* межд. ‘страшно, жутко’, *мэмэнде* ‘медведь’ от *мэмэ* межд. ‘страшно, жутко’, *нугдэ* ‘медведь’ от *нугдэлдэй* ‘темнеть, чернеть’, *нугдэне* ‘медведь’ от *нугдэлдэй* ‘темнеть, чернеть’, *умалауа* ‘медведь’, *хучана* ‘медведь’, *хэвче* ‘медведь’, *хэ-вэйэ* ‘медведь’, *хэрми* ‘медведь’, *этикэн* ‘медведь’ от *этикэн* ‘старик’, *этки* ‘медведь’ от *этэ* ‘дед, бабушка’ и др.

Глубокое почитание эвенами медведя отразилось в языке в виде отдельной группы слов. Так, в работе В.А. Роббека и М.Е. Роббек «Эвенско-русский словарь», мы находим значительный лексический материал, относящийся к теме медведя. Данные слова отмечены в словаре пометой *тотем*. – тотемное (слово) [4, с. 28]. Среди представленного материала нами были выявлены некоторые синонимы. Так, медведя, не залегшего в зимнюю спячку, эвены называли *тэгэм* ‘1) медведь, который не делает берлогу; 2) медведь, не залегший в берлогу’; *хукэчэн* ‘медведь-шатун (или тарбаган), не залегший в зимнюю спячку’; *гилрак* ‘медведь, который не ложится зимой в берлогу’. Медведицу, имеющую медвежат, называли *кани* ‘медведица, имеющая двух медвежат’; *хуркэч* ‘1). медведица с медвежатами; 2). мно-

годетная семья; 3). семейный, многодетный'; *хутукас* '1) медведица, имеющая много медвежат; 2) медвежонок'. Медвежонок обозначался в речи эвенов следующими лексемами: *абаңачакан*, *ойис*, *хутукас*.

В культуре эвенов запрещена охота на медведя. В случае необходимости умерщвления животного эвены использовали следующие синонимичные тотемные слова: *урэвдэй* 'убить медведя', *мордадай* 'убить медведя в берлоге'. Также существовали специальные приспособления для складывания костей медведя: *нокир* 'приспособление, сооружение, навес для складывания костей медведя, оленя или погребальное снаряжение, украшение ездового оленя покойника'; *халкай* 'остов сооружения, где складывают кости, голову медведя или предметы, предназначенные для покойника'. Шкура медведя обозначалась следующими синонимами: *утэс* '1) шкура медведя; 2) спальный мешок'; *мукала* 'шкура медведя с белым ошейником'.

Таким образом, охотничья лексика отмечается как один из богатых на синонимические отношения разделов лексики эвенского языка. В результате проведенного исследования зафиксированы широкие синонимические ряды, связанные с охотничьей темой. Одним из основных источников синонимии в данной тематической группе являются эвфемизмы, употребляющиеся в речи вместо запрещенных лексем, обозначающих как действия охотника, так и названия различных зверей. Особое отношение эвенов к медведю как священному животному отразилось в лексике эвенского языка в виде отдельной группы слов, внутри которой выявлены синонимичные лексемы.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 569 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия. 1966. 608 с.
3. Новикова К.А., Гладкова Н.И., Роббек В.А. Эвенский язык. Учебник для педагогических училищ. Л.: Просвещение, Ленингр. отделение. 1991. 304 с.
4. Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенско-русский словарь. Н.: Наука, 2005. 353 с.

5. Фольклор эвенов Березовки. Образцы шедевров. Якутск: Изд-во ИПМНС СО РАН, 2005. 360 с.

References

1. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Editorial URSS, 2004, 569 p.
2. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Soviet encyclopedia, 1966, 608 p.
3. Novikova K.A., Gladkova N.I., Robbek V.A. *Evenskiy yazyk. Uchebnik dlya pedagogicheskikh uchilishch* [Even language. Textbook for pedagogical colleges]. Leningrad: Prosveshcheniye, Leningr. otd-niye, 1991, 304 p.
4. Robbek V.A., Robbek M.E. *Jevensko-russkij slovar'* [Even-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Nauka, 2005, 353 p.
5. *Fol'klor evenov Berezovki. Obraztsy shedevrov* [Folklore of the Evens of Berezovka. Samples of masterpieces.]. Yakutsk: IPMNS SO RAN Publ., 2005, 360 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Нестерова Елена Васильевна, научный сотрудник отдела северной филологии

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

ул. Петровского, 1, г. Якутск, Республика Саха (Якутия),

677007, Российская Федерация

elenanesterova-2010@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nesterova Elena V., Researcher of the Sector of Northern Philology
Institute of Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples
of the North of the SB RAS

*1, Petrovsky Str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677015,
Russian Federation*

elenanesterova-2010@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5130-706X

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-152-163

УДК 802.0-31

КОНСОНАНТНЫЙ ТИП БУКВЕННОЙ АББРЕВИАЦИИ В АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Синенко Т.Н.

Обоснование. Аббревиация, являясь одним из продуктивных способов словообразования терминологических единиц английского языка, требует тщательного изучения. Развитие науки, процессы информатизации и цифровизации современного общества, привели, с одной стороны, к появлению новых научно-технических понятий, с другой стороны, к стремлению к передаче информации в сжатом виде. Именно тенденция к компрессии информации является причиной появления аббревиатур, в частности, консонантного типа буквенной аббревиации. Ранее полагали, что аббревиатуры данного типа в английском языке отсутствуют.

Цель работы заключается в выявлении и описании существенных характеристик сокращений консонантного типа буквенной аббревиации английской терминологии.

Методы исследования. В процессе исследования был проведен теоретический анализ научной литературы по изучаемому вопросу. Также были применены методы лингвистического наблюдения и анализа структуры сокращения.

Материалом исследования послужили данные многоязычных словарей сокращений и отраслевых технических словарей, в которых сокращения даны в списках приложений, материалы конференций “International Conference on Environment Pollution and Prevention” (ICEPP: 2015- 2020)

Результаты исследования. В процессе исследования выявлен новый тип буквенных сокращений, который характеризуется образованием аббревиатуры путем удаления из слова гласных букв. Проанализированы существенные характеристики сокраще-

ний консонантного типа буквенной аббревиации английской терминологии.

Область применения результатов. Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности использования полученных данных при преподавании иностранного языка (английского) в процессе подготовки технических переводчиков.

Ключевые слова: аббревиация; буквенные сокращения; консонантный тип буквенной аббревиации; сокращенные единицы; графические сокращения

CONSONANT TYPE OF LETTER ABBREVIATION IN ENGLISH TERMINOLOGY

Sinenko T.N.

Background. *Abbreviation, being one of the productive ways of word formation of terminological units of the English language, requires careful study. The development of science, the processes of informatization and digitalization of modern society, on the one hand, led to the emergence of new scientific and technical concepts and on the other hand, to the desire to compress information. It is the necessity of information compression that causes the appearance of abbreviations, in particular, the appearance of a consonant type of letter abbreviation in English. Previously, it was believed that abbreviations of this type are absent in the English language.*

The purpose of the work is to identify and describe the features of abbreviations of the consonant type of letter abbreviation of English terminology.

The material of the study was the data of multilingual dictionaries, dictionaries of abbreviations and industry technical dictionaries, in which abbreviations are given in the lists of appendices and papers of the conference proceedings “International Conference on Environment Pollution and Prevention” (ICEPP: 2015-2020)

Methods. *In the course of the research, a theoretical analysis of the scientific literature on the subject under study was carried out. Meth-*

ods of linguistic observation and analysis of the structure of the abbreviation were also used.

The results of the study. *In the course of the study, a new type of letter abbreviations was identified, which is characterized by the formation of an abbreviation by removing vowel letters from the word. The essential characteristics of abbreviations of the consonant type of the letter abbreviation of English terminology are analyzed.*

Practical implications. *The practical significance of the research results lies in the possibility of using the obtained data when teaching the English language in the process of training technical translators.*

Keywords: *abbreviation; letter abbreviations; consonant type of letter abbreviation; abbreviated units; graphic abbreviations*

Развитие современного общества, связанное прежде всего с развитием науки, процессами информатизации и цифровизации, привели к появлению новых научно-технических понятий, частое употребление которых послужило причиной необходимости компрессии информации. Именно стремление к компрессии информации, наряду с потребностью массовой номинации новых научно-технических понятий, стали причиной того, что аббревиация является одним из наиболее продуктивных способов словообразования современного английского языка.

Согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю» [9], аббревиация, являясь особым способом словообразования, нацелена на создание более коротких по сравнению с исходными словосочетаниями или сложениями «синонимичных им номинаций».

Под аббревиацией понимают сокращенную запись слов, процесс создания единиц вторичной номинации со статусом слова [8]. Именно с процессом аббревиации связано появление термина «аббревиатура», который используют для обозначения различных типов сокращенных единиц. Согласно А.А. Лютой [10], аббревиатура является словом, которое образовалось путем сокращения нескольких слов, слогов или букв.

Изучение аббревиатур осложнено тем, что существует множество типов сокращений. Некоторые из сокращенных лексических единиц являются полноправными словами, другие же примыкают к символам, что также значительно усложняет идентификацию отдельных типов сокращений. К тому же исходными лексическими единицами в процессе аббревиации могут являться как отдельные слова (корневые производные и сложные), так и словосочетания. При рассмотрении структуры аббревиатуры необходимо учитывать следующие аспекты:

1) какие элементы сокращаемой лексической единицы опускают в процессе аббревиации;

2) каким способом достигается объединение ее элементов (оставшихся после аббревиации элементов исходной единицы) в единое целое.

Существующее деление аббревиатур на виды довольно условно, единой классификации аббревиатур в лингвистике не существует, т.к. аббревиатура – явление многогранное и неоднозначное [2, с. 912]. В исследовании А.П. Шаповаловой [13] была предпринята попытка систематизировать классификации аббревиатур в единую классификацию по 29 основаниям.

Ученые, изучающие различные типы аббревиатур, выделяют следующие структурные типы сокращений [1; 2; 3; 4; 5; 7; 8; 11; 12; 13]:

- 1) буквенные сокращения;
- 2) слоговые сокращения;
- 3) частичные сокращения (состоят из буквы и слова / полного слова);
- 4) смешанные сокращения (состоят из букв и слогов);
- 5) цифровые сокращения (состоят из букв или слогов и цифр);
- 6) усеченные слова.

К основным видам сокращений в образовании терминов, наряду с другими видами сокращений, ученые (С.С. Барбашева, А.А. Авраменко, И.А. Воробьева, А.А. Лютая и др.) относят буквенные сокращения. Согласно С.С. Барбашевой, существуют следующие буквенные аббревиатуры инициального типа:

- 1) буквенные (читаются по названию букв);
- 2) звуковые (состоят из начальных звуков слов исходного словосочетания);
- 3) буквенно-звуковые (состоят как из названий начальных букв, так и из начальных звуков слов, входящих в исходное словосочетание) [2].

И.А. Воробьева, подчеркивая специфику инициального типа буквенной аббревиации, отмечает то, что аббревиатуры инициального типа часто возникали на базе графических сокращений, не обладая определенной структурой; аббревиатуры данного типа были «образованиями индивидуального строения» [5, с. 12]. Произнесение аббревиатур буквенного типа не соответствовало нормам произношения обычных слов, они не обладали какой-либо типичностью структуры, в их образовании отсутствовала системность. Эти особенности аббревиатур данного типа стали причиной сопротивления носителей языка и, как следствие, причиной нечастого употребления буквенных аббревиатур (исключением стали буквенные аббревиатуры инициального типа). Согласно И.А. Воробьевой, именно инициальные аббревиатуры служили «образцами для подражания», что способствует типизации аббревиатур [5].

В.В. Борисов также подчеркивал, что на структуру сокращений оказывают влияние факторы, ограничивающие возможности других способов словообразования, а именно:

- 1) фонетический фактор (из состава сокращаемой лексической единицы оставляют те элементы, которые обеспечивают удобопроизносимость сокращений);
- 2) прагматический фактор опознаваемости (полученная в результате сокращения аббревиатура должна иметь отличительные формальные признаки, которые позволят соотносить аббревиатуру с определенным содержанием);
- 3) нормативный фактор (поскольку языковая норма конкретного языка способна влиять на частотность употребления аббревиатуры);
- 4) семантический фактор (возможно возникновение нежелательной ассоциации в связи с заменой исходной лексической единицы и полученной в результате аббревиатуры) [3].

Поскольку носителям языка проще читать, произносить звуковые и буквенно-звуковые аббревиатуры, имеющие в составе как согласные, так и гласные буквы, то наибольшее распространение получил вокально-консонантный тип буквенной аббревиации.

Так, М.А. Ярмашевич, анализируя буквенные аббревиатуры, пишет: «Среди многобуквенных аббревиатур в русском языке также представлены вокально-консонантный и консонантный типы, тогда как в немецком, французском и английском – только вокально-консонантный» [14, с. 19]. Ранее полагали, что аббревиатуры консонантного типа в английском языке отсутствуют.

Нами была выявлена немногочисленная группа буквенных сокращений консонантного типа (они составляют менее 0,5% от общего количества аббревиатур по энергетике и защите окружающей среды [6] и около 0,7% от общего количества аббревиатур по компьютерным технологиям, информатике, электронике и связи [12]). Нами не были найдены описания данного типа аббревиатур в научной литературе, посвященной аббревиации. В данную группу сокращений входят аббревиатуры, которые состоят преимущественно из согласных букв слова (гласные буквы, как правило, подвергаются сокращению) и могут быть отнесены к консонантному типу буквенной аббревиации английского языка.

По употреблению в речи консонантный тип буквенной аббревиации близок к аббревиатурам инициального типа и к графическим аббревиатурам. Это связано с тем, что к графическим аббревиатурам относят те случаи, когда «сокращению подвергается только письменная форма, а в речи они реализуются полной формой» [7, с. 10].

Консонантный тип буквенной аббревиации характеризуется рядом особенностей:

1) при образовании аббревиатур консонантного типа (как и в случае аббревиатур инициального типа) не остается «опознаваемых» элементов исходной единицы;

2) данный тип аббревиатур используется в письменной речи, преимущественно в деловой переписке, технической документации, научных статьях. Говоря об устойчивости аббревиатур консонантного типа, можно отметить, что они являются наиболее устойчивыми.

нантного типа в языке, заметим, что они относятся к стандартным лексическим единицам и являются стилистически нейтральными ввиду того, что носят терминологический характер.

Аббревиатуры консонантного типа в основном образованы от имен существительных (изредка встречаются аббревиатуры образованные от глаголов). Они не имеют категории рода, употребляются в единственном числе, и, как правило, образованы от неодушевленных существительных. Аббревиатуры консонантного типа употребляют в деловой корреспонденции (Blvd. (Boulevard – бульвар), crtn (correction – корректирование, исправление), dlvr (delivery – доставка, поставка), intrg (interrogation – опрос, запрос), ими обозначают химические элементы, вещества (Pt (Platinum – платина), tn (tin – олово) и оборудование, например, amtr (ammeter – амифметр), scrbr (scrubber – скруббер). Данным способом аббревиации пользуются при образовании сокращений, входящих в адреса интернет-ресурсов (ht (Haiti – Гаити), pk – (Pakistan – Пакистан), tm (Turkmenistan – Туркменистан), для сокращения имен существительных, обозначающих процессы, например, rcdg (recording – запись, регистрация данных).

В английском языке отмечены следующие тенденции образования аббревиатур консонантного типа:

1) из слова удаляют все гласные буквы, например: cnd (condition – условие), ld (load – нагрузка, загрузка) и str (stator – статор), tmd (timed – синхронизированный);

2) если первой буквой сокращаемого слова является гласная буква, то ее оставляют, все остальные гласные буквы слова подлежат удалению, например: acty (activity – радиоактивность), engng (engineering – 1. техника, 2. технология), uwtr (underwater – подводный), entd (entered – внесенный);

3) аббревиатуры консонантного типа с такими знаками, как точка или наклонная черта, встречаются довольно редко: a/c или (согласно второму варианту написания данной аббревиатуры) a.c. (account – счет, расчет), Blvd. (Boulevard – бульвар), sg. (signature – подпись, подписано).

4) в составе аббревиатур консонантного типа может быть от 2 до 6 букв, например: pt (point – точка), dcd (decode – декодировать, дешифровать), encd (encode – кодировать), invtr (inverter – инвертер), unstbl (unstable – неустойчивый), imprvmt (improvement – усовершенствование, улучшение).

Описанные в статье существенные характеристики позволяют нам сделать вывод о том, что консонантные аббревиатуры обладают характеристиками присущими как буквенным, так и графическим аббревиатурам. Буквенные аббревиатуры консонантного типа стилистически нейтральны ввиду специфической сферы употребления.

Буквенные аббревиатуры консонантного типа представлены несколькими группами. В первую группу входят аббревиатуры, которые являются частотными в деловой переписке. Вторую группу составляют консонантные аббревиатуры, обозначающие географические названия (эти сокращения входят в адреса интернет-ресурсов). Третья группа представлена аббревиатурами, обозначающими химические элементы, вещества, материалы. В четвертую группу сокращений консонантного типа входят аббревиатуры, которыми обозначают оборудование.

Очевидно, что консонантный тип буквенной аббревиации английского языка требует изучения, анализа особенностей образования, функционирования и написания, перевода данного типа аббревиатур.

Список литературы

1. Антрушина Г.Б. Афанасьева О.В. Морозова Н.Н. Лексикология английского языка: Учеб. пособие для студентов. 3-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2001. 288 с.
2. Барбашева С.С., Авраменко А.А. Особенности перевода аббревиатур в англоязычном медицинском тексте (на материале терминологии кардиологии) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2001. Т. 13. № 2 (4). С. 911-916. URL: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2011/2011_2_911_916.pdf (дата обращения: 20.01.2021).

3. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. М.: Воениздат, 1972. 320 с.
4. Варфоломеева И.В. Аббревиатуры современного английского языка. Когнитивно-дискурсивный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 25 с.
5. Воробьева И.А. Аббревиация как способ словообразования современного английского языка // Казанский вестник молодых ученых. Педагогические науки. Теоретические и практические вопросы современной лингвистики. 2018. Том 2. № 4 (7). С. 10-13.
6. Гольдберг А.С. Англо-русский словарь по энергетике и защите окружающей среды. Около 40000 терминов и 5000 сокращений. М.: РУССО, 2001. 776 с.
7. Косарева О.Г. Аббревиация в языке современной прессы (на материале французского, английского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2003. 16 с.
8. Костерина О.Н. Лексические сокращения в современном английском языке (структурный и прагматический аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 23 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с.
10. Лютая А.А. Словообразовательные модели английских сокращений и аббревиатур // Вестник Днепропетровского университета. Серия «Языкознание». 2015. №11. Вып. 21 (3). С. 79-83.
11. Максимова Н.В. Особенности сокращений электроэнергетических терминов на материале английского и русского языков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 1. С. 84-92. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-1-84-92
12. Черепанов А.Г. Англо-русский словарь сокращений по компьютерным технологиям, информатике и связи. СПб.: БХВ-Петербург, 2009. 800 с.
13. Шаповалова А.П. Опыт построения общей теории аббревиации (на материале французских сокращенных лексических единиц): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2004. 16 с.

14. Ярмашевич М.А. Аббревиация в современных европейских языках: структурный, семантический и функциональный аспекты: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2004. 42 с.

References

1. Antrushina G.B., Afanas'eva O.V., Morozova N.N. *Leksikologiya angliyskogo yazyka* [Lexicology of the English language]. Moscow: Drofa, 2001, 288 p.
2. Barbasheva S.S., Avramenko A.A. Osobennosti perevoda abbreviatur v angloyazychnom meditsinskom tekste (na materiale terminologii kardiologii) [Features of abbreviation translation in the English language medical text (based on the terminology of cardiology)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2001, vol. 13, no 2(4), pp. 911-916. URL: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2011/2011_2_911_916.pdf (accessed 20.01.2021).
3. Borisov V.V. *Abbreviatsiya i akronimiya. Voennye i nauchno-tekhnicheskie so-krashcheniya v inostrannykh yazykakh* [Abbreviations and acronyms. Military and scientific-technical abbreviations in foreign languages]. Moscow: Voenizdat, 1972, 320 p.
4. Varfolomeeva I.V. *Abbreviatury sovremennogo anglijskogo jazyka. Kognitivno-diskursivnyj aspekt* [Abbreviations of the modern English language. Cognitive-discursive aspect]: Abstract of PhD dissertation. Moscow, 2007, 25 p.
5. Vorob'eva I.A. Abbreviatsiya kak sposob slovoobrazovaniya sovremennogo anglijskogo jazyka [Abbreviation as a way of word formation in the modern English language]. *Kazanskij vestnik molodyh uchenyh. Pedagogicheskie nauki. Teoreticheskie i prakticheskie voprosy sovremennoj lingvistiki* [Kazan bulletin of young scientists. Pedagogical sciences. Theoretical and practical issues of modern linguistics], 2018, vol. 2, no 4(7), pp. 10-13.
6. Gol'dberg A.S. *Anglo-russkij slovar' po energetike i zashchite okruzhayu-shchey sredy. Okolo 40 000 terminov i 5 000 sokrashcheniy* [English-Russian Dictionary of Energy and Environmental Protection. 40,000 terms and 5,000 abbreviations]. Moscow: RUSSO, 2001. 776 p.

7. Kosareva O.G. *Abbreviacija v jazyke sovremennoj pressy (na materiale francuzskogo, anglijskogo i russkogo jazykov)* [Abbreviation in the language of the modern press (based on the material of the French, English and Russian languages)]: Abstract of PhD dissertation. Tver, 2003, 16 p.
8. Kosterina O.N. *Leksicheskie sokrashcheniya v sovremennom anglijskom jazyke (strukturnyy i pragmaticheskiy aspekt)* [Lexical abbreviations in Modern English (structural and pragmatic aspects)]: Abstract of PhD dissertation. St. Petersburg, 2005, 23 p.
9. *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. V.N. Jarceva. Moscow: Sov. Jenciklopedija, 1990, 685 p.
10. Ljutaja A.A. Slovoobrazovatel'nye modeli anglijskih sokrashhenij i abbreviatur [Word-forming models of English abbreviations and abbreviations]. *Vestnik Dnepropetrovskogo universiteta. Serija «Jazykoznanie»* [Bulletin of Dnepropetrovsk University. Series "Linguistics"], 2015, no 11, vol. 21 (3), pp. 79-83.
11. Maksimova N.V. Osobennosti sokrashhenij jelektroenergeticheskikh terminov na materiale anglijskogo i russkogo jazykov [Features of electric power term abbreviations on the material of English and Russian languages]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics], 2019, no. 1, pp. 84-92. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-1-84-92
12. Cherepanov A.G. *Anglo-russkij slovar' sokrashchenij po komp'yuternym tekhnologiyam, informatike i svyazi* [English-Russian dictionary of abbreviations for computer technologies, informatics and communications]. St. Petersburg: BHV-Peterburg, 2009, 800 p.
13. Shapovalova A.P. *Opyt postroeniya obshchey teorii abbreviatsii (na materiale frantsuzskikh sokrashchennykh leksicheskikh edinit)* [Experience in constructing a general theory of abbreviation (based on the material of French abbreviated lexical units)]: Abstract of PhD dissertation. Nal'chik, 2004. 16 p.
14. Jarmashevich M.A. *Abbreviacija v sovremennykh evropejskikh jazykah: strukturnyj, semanticheskij i funkcional'nyj aspekty* [Abbreviation in modern European languages: structural, semantic and functional aspects]: Abstract of PhD dissertation. Saratov, 2004, 42 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Синенко Татьяна Николаевна, к.п.н., доцент кафедры «Ино-
странные языки»

*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская Федерация
TNSinenko@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sinenko Tatiana Nickolaevna, PhD, A.P., Foreign Language Department

*Volgograd State Technical University
28, Lenin Ave., Volgograd, 400005, Russian Federation
TNSinenko@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2017-0392
Scopus Author ID: 57216617847*

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-164-178

УДК 81'42

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТЕКСТОВ СЛУХОВ О СЕЛЕБРИТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Хакимова Г.Ш.

Обоснование. *Актуальность слухов в коммуникативных процессах, присущих современному информационному обществу, значительно выросла благодаря их функциональным возможностям. Коммуникативно-текстовая природа слухов потенцирует необходимость их пристального изучения в рамках лингвистики.*

Цель исследования заключается в раскрытии специфики функционально-прагматического плана текстовых репрезентантов англоязычного массмедийного жанра «celebrity gossip».

Материалы и методы. *Объектом исследования служат медиаслухи жанра «celebrity gossip» («светские слухи»), являющиеся типичными конституэнтами коммуникативного пространства современных англоязычных СМИ. Методологическую основу работы составляет дискурсивно-ориентированный подход, предполагающий применение совокупности методов, формирующих систему дискурс-анализа.*

Результаты. *Исследование текстов светских слухов на основе классической жанровой модели, включающей тематический, структурный и стилистический уровни, показало, что в контексте дискурса их жанрово-дискурсивные характеристики обусловлены множественностью интенций их продуцентов. В качестве одной из доминантных выявлена интенция воздействия, реализуемая ведущей дискурсивной стратегией – убеждением адресата в достоверности передаваемых сведений. Данная стратегия детерминирована прагматической сфокусированностью структурно-композиционных и семантико-стилистических компонентов. Синергетический эф-*

фект, возникающий при наложении широкого арсенала экспрессивных языковых средств на типовые формы информационных журналистских жанров, обеспечивает существование в обширном коммуникативном пространстве массмедиа незвидентного гибридного дискурса, нацеленного на непритязательного адресата.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть полезны при создании лингвистической модели слухов.*

Ключевые слова: *дискурс; жанр; интенция; медиаслух; светские слухи; текст*

FUNCTIONAL AND PRAGMATIC ASPECT OF CELEBRITY GOSSIP TEXTS IN THE ENGLISH LANGUAGE MASS MEDIA DISCOURSE

Khakimova G.Sh.

Background. *The importance of rumours in communicative processes characteristic of contemporary information society has significantly increased due to their functionality. The communicative-textual nature of rumors calls for their detailed study within the framework of linguistics.*

Purpose. *The purpose of the article is to investigate specific features of the functional and pragmatic level of celebrity gossip genre text representations in Anglophone media discourse.*

Materials and methods. *The target of research is media rumours exemplified by celebrity gossip genre being a typical constituent within modern English-language media communicative space.*

The methodological basis of the paper is a discourse-oriented approach involving a set of methods inherent in the discourse-analysis system.

Results. *The study of celebrity gossip texts on the basis of the classical genre model including topical, structural and stylistic levels reveals that in the discourse context their genre-discursive characteristics are determined by the multiplicity of their authors' intentions. One of the dominant intentions proves to be the impact intent implemented by the leading discursive strategy of convincing the addressee of the reliability of the*

information transmitted. This strategy is determined by the pragmatic focus of structural-compositional and semantic-stylistic components.

The synergetic effect caused by combining a wide range of expressive language means and typical structural forms of information journalistic genres ensures the existence of hybrid non-evidential discourse aimed at an unexamining addressee in the vast mass media communicative space.

Practical implications. *The results of the research can be used when creating a linguistic model of rumors.*

Keywords: discourse; genre; intention; media rumor; celebrity gossip; text

Введение

Актуальность. Слухи относятся к наиболее специфичным интегральным элементам системы массовой коммуникации. В современном многополярном мире, разделяемом самыми разными противоречиями, статус слухов благодаря их всепроникающей способности повысился настолько, что, являясь изначально элементом устной неформальной межличностной коммуникации, они фактически превратились в типичные конститuenty различных сфер институционального дискурса массмедиа. Вследствие указанных фактов обоснованным представляется неослабевающий интерес науки к данному явлению. Сложность и полифункциональность исследуемого конструкта детерминирует междисциплинарность его исследовательского плана. Теоретическая значимость настоящей работы связана с необходимостью осмысления природы слухов как коммуникативного феномена в рамках лингвистического вектора, без которого невозможно создание всеобъемлющей теории слухов. Дискурсивное измерение слухов является одним из наиболее востребованных подходов их изучения с позиций науки о языке и составляет научную новизну данной работы. Результаты исследования могут быть использованы при создании лингвистической модели слухов, поскольку представляют новые данные об особенностях конструирования слухов в англоязычных дискурсивных практиках массмедиа.

Цель. Медиаслухи, несомненно, выступают полноправными репрезентантами речевого жанра слухов, обладая всеми признаками текстуальности. Целью настоящей статьи ставится выявление особенностей функционально-прагматического фактора текстов-слухов медиажанра *celebrity gossip*, вытекающих из взаимодействия структурного и прагматистического аспектов, обуславливающих интенциональность исследуемого текстотипа.

Материалы и методы

В качестве объекта дискурсивного анализа выступают медиаслухи жанра *celebrity gossip*, обозначенные нами наименованием «светские слухи». Данный выбор обусловлен тем фактом, что они являются типичными элементами «слуховой» коммуникации и позиционируются как собственно слухи. Эмпирическим материалом послужили около 300 публикаций, представляющих собой медиаслухи о селебрити рубрик *gossip column*, *celebrity gossip* (или других семантически тождественных наименований), помещенных в электронных версиях англоязычных периодических изданий (газет и журналов) и в англоязычных вебизданиях в период с 2014 по 2019 гг. Методологической основой настоящей работы избран дискурсивно-ориентированный подход, а ключевым методом – дискурс-анализ, который рассматривается нами не как конкретный метод, а как совокупность различных лингвистических методов. В рамках данного исследования задействованы лингвокультурологический, дефиниционный, контекстуальный, текстовый, функционально-стилистический, прагматический типы анализа.

Результаты и обсуждение

В жанроведении в качестве параметрических признаков текстов классическими текстообразующими компонентами признаны содержательный, формальный и стилистический аспекты в соединении с авторской целеустановкой, предложенные М.М. Бахтиным [1]. При осмыслении современной медиапрактики в рамках текстоцентрического подхода функционально-прагматический план

текстов приобретает решающее значение. В частности, при типологическом описании медиатекстов Т.Г. Добросклонская, работающая в русле медиалингвистики, предлагает в разработанной ею концепции функционально-жанровых типов речи особо выделять из дихотомий, определяющих форматные и языковые свойства текстов, их функциональные характеристики [2].

В рамках функционально-стилистической традиции одним из важнейших компонентов анализа любого жанра признается первый компонент триады в схеме речи (речевого акта), состоящей из адресанта – сообщения – адресата. Авторская позиция, лежащая в основе создания того или иного жанра и выражаемая в типовом авторском замысле, формируется посредством совокупности жанрово-коммуникативных элементов, среди которых одну из важнейших ролей играют композиционные приёмы и языковые стилистические средства. Согласно концепции социальной оценочности Г.Я. Солганика, адресант (автор речи), совпадающий с субъектом речи, выполняет в дискурсе СМИ стилеобразующую функцию, поскольку, являясь одновременно частным лицом и человеком социальным, характеризуется своим отношением к действительности и к производимому им тексту [5, с. 21].

Личность автора (как компонента прагматической рамки высказывания), релевантная для нашего исследования, связана прежде всего с явлением колумнистики – культуроспецифичного явления, представляющего особый, прецедентный жанр журналистики англоязычного мира: *columnist* – 1) a journalist who writes a regular feature in a newspaper [8]; 2) a regular writer of a column, such as in a magazine or newspaper [9]. Светская колонка как разновидность колумнистики – типично англо-американское явление, связанное с культурой селебрити: *gossip column* – 1) a part of a newspaper or magazine where the activities and private lives of famous people are discussed [8]; 2) an article that appears regularly in a newspaper or magazine and gives details of the private lives of famous people [14]; 3) a newspaper section containing idle chatter about famous people, a regular article in a newspaper or magazine about the behaviour and

private lives of famous people [13]. Журналистов, работающих в жанре светских слухов, называемых светскими колумнистами (*gossip columnist* – a journalist who writes a column of gossip about celebrities [16]), безусловно, можно причислить к ядру категории «работников фабрики слухов» (*tabloid rumor mill*) – слухмейкеров, слушачей, фейкеров, конструирующих слухи о селебрити, по своей сути являющих собой неverified информацию, требующую подтверждения.

Поскольку дискурс – это конструируемый феномен, дискурсивный анализ предполагает несколько этапов (уровней) исследования дискурсивных реализаций. Первично это осуществляется на уровне конкретного текста в «русле традиционного стилистического анализа, когда устанавливается коммуникативная функция текста» [6, с. 110]. Глубинный макросемантический анализ текстов на собственно дискурсивном уровне анализа предполагает характеристику их прагматической рамки на фоне экстралингвистических факторов, которые влияют на дискурсивные реализации. Одним из важнейших составляющих коммуникативного события, помимо автора, адресата, канала сообщения, сферы коммуникации, является интенция (по М.М. Бахтину, «речевая воля» говорящего [1, с. 258-259]). Интенциональный аспект жанра обусловлен прагматической сфокусированностью структурно-композиционных и семантико-языковых компонентов текстовых экземпляров и становится основанием при попытках типологизации медиажанров и разработки множества жанровых классификаций с разным количеством элементов в зависимости от выделенных типов коммуникативных намерений.

Как показано в наших предыдущих работах, текстовые репрезентанты англоязычного жанра светских слухов характеризуются одновременной реализацией информативной, рекреативной, аксиологической и воздействующей целеустановок, что поддерживается тремя жанроформирующими аспектами: содержательно-тематическим, структурно-композиционным и прагмастилистическим [3; 12]. Одной из наиболее эффективных технологий достижения наблюдаемого множественного интенционального эффекта выступает

интеграция и взаимодействие тех или иных элементов структурно-речевой организации и языкового воплощения медийных слухов о селебрити, составляющих их коммуникативно-прагматический арсенал. Установлено, что медиажанр светских слухов, являясь вторичным по отношению к первичному жанру устных слухов, не имеет собственной речевой структуры и под «маской» информирования может легко встраиваться в любую типовую жанровую форму, присущую массмедийному дискурсу: от журналистских форм информационно-новостного блока, до публицистических вариаций группы *features* [3]. Наблюдения показывают, что при конструировании текстов слухов доминантной стратегией их продуцентов выступает стратегия убеждения адресата в достоверности представленной точки зрения. Одной из главных технологий её реализации является наложение нерелевантных стилистических приемов или средств на избранную автором жанровую форму текста в персуазивных целях, что ведет к гибридизации исследуемого дискурса.

Наиболее частотным оказывается использование оценочно-экспрессивных средств языка, относимых к художественным средствам и способствующих подчеркиванию той или иной тональности, в структуре новостной статьи или заметки. Последние относятся к информационно-новостному блоку журналистских жанров, главными характеристиками которых постулируются объективность, беспристрастность и документальность, формируемые достоверностью, точностью и конкретностью [4, с. 208-212]. Авторы текстов-слухов прибегают к обильному использованию широкого спектра стилистически маркированной лексики (включая эмоционально-экспрессивно-оценочные ЛЕ), стилистических фигур речи и выразительных приемов, обладающих мощным суггестивно-манипулятивным потенциалом и заменяющих в «слуховых» сообщениях верификативную базу. Эмоциональная составляющая умножается также задействованием стратегии мифологизации, реализуемой посредством противоположных приемов героизации или маргинализации, демонизации обсуждаемых «мишеней» слухов. Все это способствует тому, что доминантными дискурсивными характери-

стиками текстов-слухов о селебрити выступают сенсационность и скандальность содержания представляемой информации, поддерживаемые гипертрофированной экспрессивностью её изложения.

Показательно, что в англоязычной прессе сложились стереотипные установки в отношении конкретных лиц из мира селебрити. Среди тех, чье имя не сходит со страниц светских хроник газетной и журнальной периодики, члены и окружение мировых королевских династий. Особенный интерес СМИ вызывают представители британской монархии, среди которых пальму первенства держит Кейт Миддлтон, супруга принца Уильяма, с которой связаны надежды многих британцев на сохранение «старых, добрых», консервативных традиций британской монархии. Являясь образцом для подражания, «иконой стиля» для миллионов людей в мире, она находится в зоне неослабевающего внимания журналистов. И неудивительно, что каждый её шаг и жест, а тем более любые аспекты её фертильности вызывают жаркие споры и служат поводом самых невероятных домыслов. Одной из свежих спекуляций после рождения третьего ребенка является обсуждение возможности рождения четвёртого, например, в публикации *Kate Middleton: Will She Have a Fourth Child?* [11]. Признаками героизации её образа в светских слухах являются бесчисленные сопоставления с легендарными личностями. Ее то сравнивают со знаменитой покойной свекровью леди Дианой, то меряют силами с королевой Елизаветой II: *Will the Future Queen Emulate the Current One? Queen Elizabeth II had four kids and some British folk believe Kate will try to do the same. "I reckon Kate will try to emulate the Queen and have four!" a resident of Bucklebury recently told People* [Там же]. Но чаще всего ее сталкивают с новопеченным членом королевской семьи – Меган Маркл, супругой принца Гарри, приписывая герцогине Кембриджской черты явного превосходства над бывшей американской актрисой, якобы ломающей стереотипы, связанные с королевской поведенческой саморепрезентацией: *The Duchess of Cambridge, Catherine Middleton, has reportedly one-upped Meghan Markle. Or two-upped, as the case may be: She's pregnant with twins, allegedly!* [7]; *In public, sisters-in-law*

Kate Middleton and Meghan Markle seem like close friends – but behind palace doors, the two have actually been embattled in an awkward feud. According to a new report by In Touch Weekly (in the magazine’s latest issue, on newsstands now), Kate has “cut back” on helping Meghan adjust to royal life because the mom-of-three “feels like Meghan is trying to outdo her” [10].

Одним из слухов-желаний, перманентно возникающих при каждой новой беременности К. Миддлтон, является слух о её беременности двойней. Проанализируем следующий медиатекст, представляющий очередные спекуляции на тему её беременности (в данном случае – девочками-близнецами), с точки зрения реализации его функционально-прагматического плана:

Royal rumor: Twin baby girls for Duchess Kate?

According to the recent tabloid rumor mill, Duchess Kate and Prince William are pregnant again – with not one, but two daughters! That’s right, everyone’s talking about Kate, and everyone’s saying she’s expecting twin baby girls.

U.S. based tabloid OK! Magazine claims that “palace insiders” have confirmed that Kate is getting ready for twins. Taking it so far as to show pictures of her during the Australian tour claiming that she already has a baby bump (um, hello. We know everyone saw how tiny her waist was during that entire trip).

According to OK!’s source, thanks to her upbringing with Pippa and close relationship with her mother, Kate has “always wanted to have girls of her own to carry on the legacy of strong, happy women. Plus, she thinks George having sisters will be tremendously good for his character.”

Other tabloids are reporting that we haven’t seen the Duchess lately because of her severe morning sickness from the pregnancy. Well, next up on Kate and William’s schedule is a trip to Scotland for a day of engagements on May 29th in Strathearn, Perth and Kinross. And then she and William will be joining Her Majesty the Queen in France in the beginning of June for the 70th anniversary of D-Day. Anyone figure she just wanted a little bit of a break for a few weeks after the longest tour in royal history? Just sayin’ [15].

Данный текстовый репрезентант представляет собой канонический образец медийного слуха, облеченного в форму информационной статьи и отмеченного наличием инвариантных для данного текстотипа языковых маркеров, включающих эксплицитные эвиденциальные дейктики слухов (*according to the recent tabloid rumor mill; U.S. based tabloid OK! Magazine claim; palace insiders*), а также ссылки на другие издания (*other tabloids are reporting; according to OK!'s source*) и эпистемические маркеры (*confirm, she thinks*) как инструменты доказательной базы публикации. Композиция текста состоит из следующих прототипических структурных компонентов текста-слуха: заголовка, имеющего интригующий характер, лида, практически исчерпывающего весь новостной материал, и непосредственно сообщения. Последнее состоит из экспозиции, развивающей неустановленный факт беременности К. Миддлтон двойней со ссылкой на журнал *OK!*, введения мнений других источников, спекулирующих по поводу причин и характера протекания события, и, наконец, справки о будущих действиях «мишени» слуха в рамках уже реально запланированных событий (предстоящее длительное турне королевской семьи в Шотландию и Францию) и вероятностного прогноза развития событий.

Такое построение текстового сообщения дает возможность автору искусно «встроить» незвидентную информацию в его фактуальную линию. При этом в тексте, заключенном в информационно-новостную структуру, отсутствие рациональной аргументации при убеждении адресата в правдивости слуха восполняется эмоциональным воздействием на него посредством включения различных выразительных, «недокументальных» средств. Среди элементов экспрессивного инструментария четко выделяются риторические вопросы и восклицательные предложения в сильных позициях текста: заголовке (*Royal rumor: Twin baby girls for Duchess Kate?*), лиде (*According to the recent tabloid rumor mill, Duchess Kate and Prince William are pregnant again – with not one, but two daughters!*), заключительной части (*Anyone figure she just wanted a little bit of a break for a few weeks after the longest tour in royal history?*).

Кроме этого, для придания большей доверительности в сообщении широко используются: просторечные ЛЕ и сочетания (*a baby bump, figure*), речевые штампы (*Just sayin'*; *That's right*), авторская вставка с включением междометия (*um, hello. We know everyone saw how tiny her waist was during that entire trip*), лексический повтор (*everyone's talking about Kate, and everyone's saying she's expecting twin baby girls*). Наконец, любопытной является аллюзия в виде прямой ссылки к прецедентному феномену *Pippa* (имени родной сестры Кейт, Пиппы Миддлтон), также служащей при рассуждениях аргументом в пользу достоверности слуха. Таким образом, при относительно небольшом объёме статьи бросается в глаза явная эмоциональная избыточность, нехарактерная для новостной категории текстов, но типичная для медийных текстов-слухов о селебрити.

Заключение

Функционально-прагматический потенциал жанра светских слухов обуславливается многоплановостью коммуникативных установок авторов его текстовых репрезентантов. Поскольку, как правило, тексты данной текстотипологической модели являются проводниками неподтвержденной информации, одним из основных коммуникативных намерений их продуцентов является интенция воздействия, реализуемая посредством ведущей стратегии – убеждения адресата в достоверности транслируемых сведений. При конструировании слухов авторами используются типовые формы информационно-новостного блока журналистских жанров, выступающие одним из средств «камуфлирования» неverified информации. Данная стратегия усиливается задействованием широкого функционально-стилистического спектра языкового арсенала, прежде всего экспрессивных средств, что продиктовано стремлением авторов к неоправданной сенсационности.

Результатом синергии структурно-композиционного и прагматического компонентов становится существование дискурсивных практик, фактуальный план которых облекается в структуру информационного текста, но языковое воплощение характеризуется

гипертрофированной эмотивностью и экспрессивностью презентации информации, типичной для эмотивных жанров.

Можно констатировать, что по своей концептуальной информации светские слухи представляют собой незвидентный дискурс гибридной природы, устойчиво сформированный в рамках коммуникативного пространства англоязычных массмедиа, возникший в связи с коммерциализацией СМИ в целях привлечения широкой, диссипативной аудитории и ориентированный на непритязательного коллективного адресата.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237-280.
2. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. М.: Красанд, 2013. 244 с.
3. Иванова С.В., Хакимова Г.Ш. Жанр светских слухов в дискурсе англоязычных массмедиа // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24, № 2. С. 386-418. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-386-418
4. Ким М.Н. Новостная журналистика. Базовый курс: учебник. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2005. 352 с.
5. Солганик Г.Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики. М.: Флинта: Наука, 2008. С. 13-30.
6. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: Ленанд, 2014. 200 с.
7. Britney F. Kate Middleton: Pregnant with Twins?! URL: <http://www.thehollywoodgossip.com/2017/12/kate-middleton-pregnant-with-twins/> (дата обращения: 29.12.2017).
8. Collins English Dictionary (En-En). URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 10.04.2020).
9. English Wiktionary (En-En). URL: <http://www.yourdictionary.com> (дата обращения: 10.04.2020).
10. Faragalli S. Report Says Kate Middleton And Meghan Markle Simply 'Haven't Gotten To Know Each Other' Amid Feud Rumors. URL: <http://>

- www.closerweekly.com/posts/kate-middleton-and-meghan-markle-simply-havent-gotten-to-know-each-other-report-says/ (дата обращения: 12.04.2018).
11. Hater H. Kate Middleton: Will She Have a Fourth Child? URL: <http://www.thehollywoodgossip.com/slideshows/kate-middleton-will-she-have-a-fourth-child/> (дата обращения: 29.03.2018).
 12. Khakimova G. Rumour Text Constructing Techniques In Media Discourse: Case Study Of Gossip Columns // III PMMIS 2019 (Post mass media in the modern informational society) “Journalistic text in a new technological environment: achievements and problems”, The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences, vol. 66, pp. 346-357. DOI: <http://doi.org/10.15405/epsbs.2019.08.02.40>
 13. Longman Dictionary of Contemporary English Online (En-En). URL: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 10.04.2020).
 14. Macmillan Dictionary (En-En). URL: <http://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 10.04.2020).
 15. Sowa L. Royal Rumor: Twin Baby Girls for Duchess Kate? URL: <http://www.aol.com/view/royal-rumor-twin-baby-girls-for-duchess-kate/> (дата обращения: 27.05.2014).
 16. The Free Dictionary (En-En). URL: <http://www.thefreedictionary.com> (дата обращения: 10.04.2020).

References

1. Bakhtin M.M. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of Genres]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979, pp. 237-280.
2. Dobrosklonskaya T.G. *Voprosy izucheniya mediatekstov: Opyt issledovaniya sovremennoi angliiskoi mediarechi* [Studying Media Texts]. Moscow: Krasand Publ., 2013, 244 p.
3. Ivanova S.V., Khakimova G. Zhanr svetskikh slukhov v diskurse angloyazychnykh massmedia [Celebrity Gossip as a Genre in English-Language Mass Media Discourse]. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], 2020, vol. 24, no. 2, pp. 386-418. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-386-418

4. Kim M.N. *Novostnaya zhurnalistika* [Broadcast Journalism]. Basic course: Textbook. St. Petersburg: V.A. Mikhailov Publ., 2005, 352 p.
5. Solganik G.Ya. O strukture i vazhneyshikh parametrah publitsisticheskoy rechi (yazyka SMI) [On the Structure and Essential Parameters of Journalistic Speech (Broadcasting Language)]. *Yazyk sovremennoy publitsistiki* [The Language of Modern Journalism]. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2008, pp. 13-30.
6. Chernyavskaya V.E. *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Text Linguistics. Discourse Linguistics]. Moscow: Lenand Publ., 2014, 200 p.
7. Britney F. Kate Middleton: Pregnant with Twins?! <http://www.thehollywoodgossip.com/2017/12/kate-middleton-pregnant-with-twins/> (accessed December 29, 2017).
8. Collins English Dictionary (En-En). <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (accessed April 10, 2020).
9. English Wiktionary (En-En). <http://www.yourdictionary.com> (accessed April 10, 2020).
10. Faragalli S. Report Says Kate Middleton And Meghan Markle Simply ‘Haven’t Gotten To Know Each Other’ Amid Feud Rumors. <http://www.closerweekly.com/posts/kate-middleton-and-meghan-markle-simply-havent-gotten-to-know-each-other-report-says/> (accessed April 04, 2018).
11. Hater H. Kate Middleton: Will She Have a Fourth Child? <http://www.thehollywoodgossip.com/slideshows/kate-middleton-will-she-have-a-fourth-child/> (accessed March 29, 2018).
12. Khakimova G. Rumour Text Constructing Techniques In Media Discourse: Case Study Of Gossip Columns. III PMMIS 2019 (Post mass media in the modern informational society) “Journalistic text in a new technological environment: achievements and problems”, *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, vol. 66, pp. 346-357. DOI: <http://doi.org/10.15405/epsbs.2019.08.02.40>
13. Longman Dictionary of Contemporary English Online (En-En). <http://www.ldoceonline.com> (accessed April 10, 2020).
14. Macmillan Dictionary (En-En). <http://www.macmillandictionary.com> (accessed April 10, 2020).

15. Sowa L. Royal Rumor: Twin Baby Girls for Duchess Kate? <http://www.aol.com/view/royal-rumor-twin-baby-girls-for-duchess-kate/> (accessed May 27, 2014).
16. The Free Dictionary (En-En). <http://www.thefreedictionary.com> (accessed April 10, 2020).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Хакимова Гульнара Шарифулловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-правовых и гуманитарных наук

Филиал ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

в г. Златоусте

ул. Тургенева, 16, г. Златоуст, Челябинская область, 456209, Российская Федерация

gkhakimova@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Khakimova Gulnara Sh., Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Socio-Law and Humanity Sciences Department

South Ural State University

16, Turgenev Str., Zlatoust, Chelyabinsk region, 456209, Russian Federation

gkhakimova@yandex.ru

SPIN-code: 7898-9304

ORCID: 0000-0003-3287-6966

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-179-189

УДК 811. 11

КОНЦЕПТ ЗДОРОВЬЕ И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПАРЕМИЯХ НЕМЕЦКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

Чайко Н.Н., Муриева М.В.

Цель. Данная статья посвящена репрезентации концепта ЗДОРОВЬЕ. Предметом анализа выступают паремии немецкого и французского языков, которые рассматриваются в качестве языковых единиц, передающих лингвокультурологическую информацию о народе. Актуальность данного исследования объясняется общим интересом современного языкознания к изучению и сопоставлению различных концептуальных систем посредством паремий, а также отсутствием работ по данной проблематике.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный и описательный методы исследования.

Результаты. Исследование показало, что репрезентация концепта ЗДОРОВЬЕ обнаруживает довольно обширную языковую реализацию в паремиях немецкого и французского языков. Основными тематическими репрезентантами концепта выступают богатство, ценность; труд; здоровый образ жизни; чувство меры; антиздоровье.

Область применения. Практическая ценность результатов исследования состоит в возможности их использования при разработке лекций, спецкурсов и спецсеминаров по лингвистике, сопоставительной паремиологии, лингвокультурологии.

Ключевые слова: концепт; паремия; тематический репрезентант; вербализация; коннотация

REPRESENTATION OF *HEALTH* CONCEPT IN GERMAN AND FRENCH PAROEMIAS

Chaiko N.N., Murieva M.V.

Purpose. *The given article is devoted to the representation of the HEALTH concept. The subject of the analysis is German and French paroemias, considered as linguistic units providing linguocultural information about the people. Scientific originality of the research lies in the common interest of contemporary linguistics to study and comparison different conceptual systems through the prism of paroemias as well as the lack of study on this subject.*

Method or methodology of the work. *The primary methodology of the current analysis consists of sampling method, comparative and descriptive methods of research.*

Results. *The conducted research showed that representation of HEALTH concept has a fairly extensive linguistic realization in both German and French paroemias. The study identifies meaningful thematic representatives of the HEALTH concept, i.e. wealth, labor, healthy life-style, sense of proportion, anti-health.*

Practical imolications. *The practical value of the results of the research consists in the possibility of using them in special courses and seminars on linguistics, comparative paroemiology, linguistic and culture studies.*

Keywords: *concept; paroemia; thematic representative; verbalization; connotation*

В настоящее время интерес к изучению лингвистами паремий, их сравнение и сопоставление в различных языках не только не ослабевает, но и продолжает оставаться актуальным. Паремиологический фонд – лингвокультурное богатство любого народа, впитавшее философию и многовековой жизненный опыт народа-носителя языка, передающееся из поколения в поколение сначала в устной форме, а затем, с появлением письма и книгопечатания, в письменной.

Без паремий, которые продолжают пополнять пословичный фонд и в настоящее время, языковая картина мира любой лингвокультуры была бы неполной и невыразительной. Пословицы и поговорки отражают обыденную жизнь и культуру народа. В паремиях сконцентрированы все установки и категории, формировавшиеся на протяжении веков. Коды культуры, усваиваемые человеком в процессе его жизнедеятельности, влияют на формирование его национального характера и коммуникативное поведение.

Будучи полифункциональными, паремиологические речения выражают широкий круг интенций, включающих в себя просьбу, примирение, предписание, совет, приказ, запрет, предостережение, назидание, мольбу и пр.

В этой связи функционирование паремий и их интерпретация представляют научный интерес. Целью предлагаемой статьи является репрезентация концепта ЗДОРОВЬЕ на материале паремий немецкого и французского языков в сопоставительном аспекте. Предметом исследования является изучение группы паремий немецкого и французского языков с компонентом GESUNDHEIT / LA SANTE «здоровье, здоровый образ жизни». Поставленная цель реализуется с помощью выполнения следующих задач: определить ядерные признаки концепта ЗДОРОВЬЕ в немецком и французском языках, выделить основные тематические классификаторы данного концепта, проанализировать национально-специфические особенности ценностной стороны концепта ЗДОРОВЬЕ на материале пословиц и поговорок, обнаруженных в немецкой и французской паремиологии.

Научная новизна работы заключается в том, что сопоставительное изучение вербализации концепта ЗДОРОВЬЕ путем контекстного анализа паремий немецкого и французского языков ранее не проводилось. Изучение и сопоставление языковых репрезентаций концепта неоднократно были предметом исследования на материале разных языков. Теоретической основой данного исследования послужили положения, представленные в трудах лингвистов, выражающих свое понимание концепта: Ю.С. Степанова [10], В.Н. Телия [11], Н.Ф. Алефиренко [1], В.И. Карасика [6; 7], С.Г. Воркачева

[3; 4; 5], Г.Г. Слышкина [9] и др., рассматривающих концепты как ментальные сущности, репрезентируемые с помощью языка и отражающие историческую, культурную и языковую специфику жизни нации. Концепт – понятие многомерное. Интересным с лингвистической точки зрения мы считаем рассуждения о структуре концепта С.Г. Воркачева. Он выделяет в составе лингвокультурного концепта три составляющие: *понятийную*, отражающую его признаковую и дефиниционную структуру, *образную*, фиксирующую когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании, и *значимостную*, определяемую местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка, куда войдут также его этимологические и ассоциативные характеристики [3, с. 115-124]. Схожее определение концепта дает В.И. Карасик. Согласно его определению, концепт состоит из трех основных компонентов – понятийного, образного и ценностного [6, с. 91, 105, 107]. Исследователь подчеркивает, что центром концепта всегда является ценность, т.к. концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип [Там же, с. 107]. Мы согласны с тем, что изучение лингвокультурных концептов привлекает многих исследователей, поскольку дает возможность установить способы языкового осмысления действительности и выявить приоритетные ценности мира [7].

Предметом исследования выступают лингвокультурологические особенности паремий немецкого и французского языков как источника информации о национально-специфических чертах данных народов. В корпус исследования вошли 77 паремиологические единицы, отобранные из немецко-русского фразеологического словаря под редакцией Л.Э. Бинович и Н.Н. Гришина [2], а также пословицы и поговорки из интернет-ресурсов [14; 15]. Французские паремии были выбраны из французско-русского фразеологического словаря под ред. Я.И. Рецкера [8] и интернет-ресурсов. Методом сплошной выборки были отобраны 74 паремии французского языка.

Концепт ЗДОРОВЬЕ принадлежит к универсальным ценностным концептам и занимает центральное место в картине мира не-

мецкого и французского народов. Здоровье человека всегда считалось самой главной общечеловеческой ценностью жизни, а также является персональной ценностью каждого конкретного человека. В толковом словаре немецкого языка выделяют следующие значения имени концепта ЗДОРОВЬЕ: 1) правильная, нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие; 2) тост, здравица на благо, благополучие, добро (выражение доброго пожелания) [13, с. 556]. Толковый словарь французского языка фиксирует «здоровье» как 1) хорошее физиологическое состояние живого существа, слаженное и гармоничное функционирование организма в течение определенного периода; 2) выздоровление, т.е. выздоравливать, приходить в норму; 3) пожелание здоровья кому-л., которое произносят, поднимая тост [12, с. 798].

Анализ словарных определений в немецких и французских толковых словарях наглядно свидетельствует о сходстве характеристик понятийного компонента концепта ЗДОРОВЬЕ и позволяет выделить следующие основные тематические образы, возникающие в сознании носителей немецкого и французского языков при упоминании в поговорках:

- 1) здоровье – богатство, ценность;
- 2) здоровье – труд;
- 3) здоровье – здоровый образ жизни;
- 4) здоровье – чувство меры;
- 5) антиздоровье.

В ходе проведенного анализа поговорок, содержащих лексемы “здоровье”, “здоров(ый)”, было установлено, что при вербализации концепта ЗДОРОВЬЕ основным является тематический репрезентант **богатство / ценность** (17 поговорок), ср.: (Gesundheit ist das höchste Gut. / Здоровье – главное богатство. Здоровье за деньги не купишь. Gesunder Mann – reicher Mann / Здоровый человек – богатый человек. Santé passe richesse / Здоровье дороже богатства. Deux bras et la santé font le pauvre aisé / Было бы здоровье, а богатство – дело наживное. Quand la santé va, tout va/ - здоровье прежде всего.). Ядерная семантика концептуальной единицы (здоровый

человек-богатый) подтверждает ее антропоцентрическую составляющую: человек – субъект, носитель здоровья; здоровье человека. Ценностное отношение к здоровью рассматривается как признак положительного оценочного отношения человека к здоровью. Анализ вышеприведенных паремий устанавливает, что здоровье для носителей немецкой и французской лингвокультур выступает одной из аксиологических доминант, организующих сознание и сферу жизнедеятельности.

Следующим не менее значимым тематическим репрезентантом данного концепта является тематический образ **труд**. В немецкой и французской лингвокультурах отношение к труду очень ответственно. Залог хорошего результата в работе – хорошее здоровье. Только работа, труд дают человеку силы, здоровье. А безделье приводит к болезням. Всего выявлено 6 примеров. Так, в следующих примерах мы наблюдаем прямую взаимосвязь здоровья и труда, ср.: *Gesundheit ist die Tochter der Arbeit* / Здоровье – дочь труда. Кто много лежит, у того бок болит. *Arbeit erhält die Gesundheit* / Работа поддерживает здоровье.

Le travail est la base de la santé / Труд – основа здоровья.

Пословичный фонд немецкого и французского языков вербализует концепт ЗДОРОВЬЕ и тематическим признаком **здоровый образ жизни** (14 паремий). Анализ ключевых лексем указывает на совокупность действий (движение, спорт, профилактика, закаливание, чистота, питание, положительные эмоции), осуществляемых в целях сохранения и достижения оптимального здоровья. Такое лексическое толкование касается преимущественно фелицитарной праксеологии – рекомендациям как быть здоровым. Данный тематический признак связан с концептуально значимыми представлениями о сущности категории здоровья, которое осознается как ценность человека, его важнейшая доминанта, а также формируется чувство личной ответственности за свое здоровье, ср: **Sport treiben – gesund bleiben** / Спортом заниматься – здоровым оставаться.

Im gesunden Körper gesunder Geist / В здоровом теле – здоровый дух.

Der kürzeste Weg zur Gesundheit ist der Weg zu Fuss / Двигайся больше – проживешь дольше.

Lachen ist gesund / Смех-залог здоровья.

Le sport nourrit la santé / Спорт – залог здоровья.

Une âme saine dans un corps sain / В здоровом теле здоровый дух!

Les meilleurs médecins sont le Dr. Gai, le Dr. Diète et le Dr. Tranquille / Лучшие доктора – хорошее настроение, здоровая еда и покой.

Сопоставление немецких и французских паремий дало возможность выявления еще одного тематического признака – **чувство меры**. Всего выявлено 8 примеров: Allzuviel ist ungesund / Умеренность – мать здоровья. Besser gesund und schlank, als fett und krank / Лучше быть здоровым и стройным, чем жирным и больным. Gesundheit ist leichter verloren als wiedergewonnen / Потерять здоровье легче, чем сохранить. Sobriété est la mère de santé / Умеренность – мать здоровья. En toute chose mesure mal/ Во всем знай меру. Языковая интерпретация анализируемого признака отправляет к одному из основных жизненных постулатов – знай меру для сохранения здоровья.

Одним из ярких тематических признаков концепта ЗДОРОВЬЕ, выявленных при анализе паремиологических единиц, является **антиздоровье**. В семантике паремий французского (8 примеров) и немецкого языков (9 примеров) такая концептуализация понятия раскрывается антитезой «здоровье – болезнь»: (Die Gesundheit schätz man erst, wenn man krank ist / Здоровье ценят только тогда, когда болеют. Gibt tausend Krankheiten, aber nur eine Gesundheit / Болезней тысячи, а здоровье одно. Die Gesunden und Kranken haben ungleiche Gedanken / Больной здорового не поймет. Demandez a un malade s'il veut la santé / Цену здоровью знает тот, кто болен), манифестирующей полярные признаковые характеристики исследуемого концепта, которые являются назидательными высказываниями, изречениями общего характера в отношении здорового образа жизни и отправляют к концепции сохранения здоровья.

Пословицы и поговорки отражают обыденную жизнь и культуру народов. Анализ паремиологических единиц немецкого и фран-

цузского языков позволил понять и сопоставить менталитеты двух языков, представить национально-культурную специфику обоих народов.

Проведенный анализ репрезентации концепта ЗДОРОВЬЕ в паремиях немецкого и французского языков показал довольно обширную его языковую реализацию, что свидетельствует о значимости здоровья для носителей обеих этнокультур. В немецких и французских паремиях, вербализирующих концепт ЗДОРОВЬЕ, приоритетные позиции занимают такие тематические признаки здоровья, как ценность, богатство, труд, здоровый образ жизни, чувство меры и антиздоровье. Опираясь на пословичную концептуализацию здоровья, обнаруживается абсолютное сходство образа немецкого и французского здорового человека как представителя европейской культуры.

Практическая значимость работы определена возможностью применения результатов исследования при разработке и чтении лекционных курсов и спецкурсов по лингвистике, сопоставительной паремиологии, лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации на языковых факультетах вузов.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта. Волгоград: Перемена, 2003. 96 с.
2. Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1975. 656 с.
3. Воркачев С.Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // Вопросы языкознания. М.: Из-во РАН, 1997. Вып. 4. С. 115-124. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s0373-658x0000617-1-1-ru-212/> (дата обращения: 07.05.2021).
4. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: КубГТУ, 2002. 142 с.
5. Воркачев В.Г. Лингвокультурный концепт: типология и область бытования: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. 400 с.

6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
7. Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.
8. Рецкер Я.И. Французско-русский словарь. М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. 1112 с.
9. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
10. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
11. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
12. Petit R. Alphabétique et analogique de la langue française. Le Robert – 107. Nouvelle édition, revue. Paris: LeRobert, 1984. 1031 p.
13. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Mit einem “Lexikon der deutschen Sprachlehre. München: Mosaik Verlag, 1986. 1493 S.
14. <http://www.sprichwoerter.net> (дата обращения: 22.07.2020).
15. <https://www.redensarten-index.de/suche.php> (дата обращения: 22.07.2020).

References

1. Alefirenko N.F. *Problemy verbalizacii koncepta* [Problems of concept verbalization]. Volgograd: Peremena, 2003, 96 p.
2. Binovich L.E., Grishin N.N. *Nemecko-russkij frazeologičeskij slo-var'* [German-Russian phraseological dictionary]. Moscow: Russkij yazyk, 1975, 656 p.
3. Vorkachev S.G. Bezrazlichie kak etnosemanticheskaya harakteristika lichno-sti: opyt sopostavitel'noj paremiologii [Indifference as an ethno-semantic characteristic of a personality: the experience of comparative paremiology]. *Voprosy yazykoznanija* [Linguistic issues]. Moscow: Izvo RAN, 1997. Issue 4, pp. 115-124. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s0373-658x0000617-1-1-ru-212/> (accessed 07.05.2021).
4. Vorkachev S.G. *Koncept schast'ya v russkom yazykovom soznanii: opyt lin-gvokul'turologičeskogo analiza* [The concept of happiness in the Russian language consciousness]. Krasnodar: KubGTU, 2002, 142 p.

5. Vorkachev S.G. *Lingvokul'turnyj koncept: tipologiya i oblast' bytovaniya: monografiya* [Linguocultural concept: typology and sphere of existence]. Volgograd: VolGU Publ., 2007, 400 p.
6. Karasik V.I. *Yazykovoј krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002, 477 p.
7. Karasik V.I. *Yazykovye klyuchi* [Language keys]. Volgograd: Paradigma, 2007, 520 p.
8. Recker Ya.I. *Francuzsko-russkij slovar'* [French-Russian dictionary]. Moscow: Izd-vo inostr. i nac. slovarej, 1963, 1112 p.
9. Slyshkin G.G. *Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty: monografiya* [Linguistic and cultural concepts and metaconcepts]. Volgograd: Peremena, 2004, 340 p.
10. Stepanov Yu.S. *Koncepty. Tonkaya plenka civilizacii* [Concepts. The thin film of civilization]. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2007, 248 p.
11. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turnyj aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic, and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoј kul'tury», 1996, 288 p.
12. Petit R. *Alphabétique et analogique de la langue française. Le Robert – 107. Nouvelle édition, revue.* Paris: LeRobert, 1984, 1031 p.
13. Wahrig G. *Deutsches Wörterbuch. Mit einem "Lexikon der deutschen Sprachlehre.* München: Mosaik Verlag, 1986, 1493 S.
14. <http://www.sprichwoerter.net> (accessed 22.07.2020).
15. <https://www.redensarten-index.de/suche.php> (accessed 22.07.2020).

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Чайко Наталья Николаевна, доцент кафедры немецкого языка, кандидат филологических наук
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, 362025, Республика Северная Осетия-Алания, Российская Федерация
n.tchaiko @yandex.ru

Муриева Мэри Валериановна, доцент кафедры французского языка, кандидат педагогических наук
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, 362025, Республика Северная Осетия-Алания, Российская Федерация
marina.murieva@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Chaiko Natalja N., Associate Professor, Department of German Language, Ph.D. in Philology
North-Ossetian State University after K.L. Khetagurov
44-46, Vatutin Str., Vladikavkaz, 362025, Republic of North Ossetia, Russian Federation
n.tchaiko@yandex.ru

Murieva Meri V., Associate Professor, Department of French Language, Ph.D. in Pedagogy
North-Ossetian State University after K.L. Khetagurov
44-46, Vatutin Str., Vladikavkaz, 362025, Republic of North Ossetia, Russian Federation
marina.murieva@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-190-202

УДК 811-1

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЯЗЫКЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВИСТИКИ

Шмелева Т.С.

Статья посвящена изучению реализации пространственных отношений и представлений о пространстве в языке с точки зрения когнитивной лингвистики. Рассматривается специфика формирования в сознании человека субъективного представления о пространственной структуре внешнего мира, пространственных отношениях, анализируются особенности языковой репрезентации пространственных образов.

Метод или методология проведения работы. *Основу исследования составляют методы лингвистического описания и концептуального анализа.*

В результате проведенного исследования *была выявлена специфика формирования представлений о пространстве в языке как процессе и результате познавательной деятельности человека, в результате которой в сознании человека, выстраивается «когнитивная карта», т.е. субъективное представление человека о пространственной структуре внешнего мира, о пространственных отношениях между объектами. Были рассмотрены языковые средства выражения пространственных отношений.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть использованы в курсах по языкознанию и теоретической грамматике.*

Ключевые слова: *пространственные отношения; когнитивная лингвистика; пространственный концепт; пространство; язык; информация; категоризация; когнитивная карта; пространственный предлог*

SPATIAL RELATIONS IN LANGUAGE FROM THE POINT OF VIEW OF MODERN COGNITIVISM

Shmeleva T.S.

The article is devoted to the study of the implementation of spatial relations and representations of space in a language from the point of view of cognitive linguistics. The specificity of the formation of a subjective idea of the spatial structure of the external world in the human mind and of spatial relations is considered, the features of the linguistic representation of spatial images are analyzed.

The method or methodology of the work performed. *The research is based on the methods of linguistic description and conceptual analysis.*

As a result of the study, the specificity of the formation of ideas about space in language as a process and a result of human cognitive activity was revealed, as a result of which a “cognitive map” is built in the human mind, i.e., a person’s subjective idea of the spatial structure of the external world and of the spatial relationships between objects. The linguistic means of expressing spatial relations were considered.

Practical implications. *The results of the study can be used in courses on linguistics and theoretical grammar.*

Keywords: *spatial relationships; cognitive linguistics; spatial concept; space; language; information; categorization; cognitive map; spatial preposition*

В основе современного подхода к изучению реализации пространственных отношений и представлений о пространстве в языке как процесса и результата познавательной деятельности человека лежат идеи когнитивной лингвистики. Одним из центральных понятий когнитивной лингвистики является понятие категоризации – способности человека классифицировать, систематизировать, упорядочивать явления онтологической реальности в своем сознании, т.е. распределять их по классам, категориям, группам на основе

своих умозаключений об их особенностях, сходствах и различиях. В процессе категоризации выстраиваются отношения между концептами не только в пределах одной категории или одного класса, сформированного на основе общих характеристик, но и отношения между самими категориями.

Н.Н. Болдырев, рассматривая роль языка в организации сознания, отмечает, что современные исследования языка с когнитивной точки зрения позволяют предположить, что дискретность языковых единиц и связей между ними является исключительно важной характеристикой не только для самого языка, но и для понимания процессов и результатов организации и функционирования человеческого сознания. Структурированность языка представляет собой объективное доказательство аналогичного свойства сознания, поскольку язык является его частью и его продуктом, но в то же время, это наличие этого свойства позволяет сделать вывод о существенной роли языка в процессах структурирования сознания, как обыденного, так и научного [3, с. 37].

Многочисленные современные исследования в области гуманитарных и общественных наук подтверждают обязательное наличие структуры у человеческого сознания. В этих исследованиях особый акцент ставится на то, что именно благодаря структурированности сознания человек способен адаптироваться к окружающей среде и жить в ней, а также вести эффективную вербальную коммуникацию в социально-бытовой, научной и профессиональной сферах. При этом основным условием считается то, что сознание должно быть структурировано в соответствии со структурой мира, личности человека и видам его деятельности. Отсюда следует, что вне этой структуры человек не способен адекватно воспринимать окружающие предметы, понимать их локализацию и пространственные отношения, ориентироваться в пространстве, совершать поступки в соответствии с ситуацией [5, с. 36].

Язык не копирует реальность, а определенным образом – антропоцентричным – конституирует и категоризирует ее. Н.Н. Болдырев говорит о языковой картине мира как об определенной интерпрета-

ции мира и знаний о мире в когнитивной системе человека [2, с. 38]. Человек в результате обработки и интерпретации знаний об окружающем пространстве, о нем самом и о его положении в этом пространстве формирует представления об окружающем мире со всеми присущими ему пространственными параметрами [Там же, с. 55].

В когнитологии на основе мысленных репрезентаций окружающего пространства, формирующихся в сознании человека, выстраивается «когнитивная карта» – субъективное представление человека о пространственной структуре внешнего мира, пространственных отношениях между объектами. Когнитивные карты формируются в результате движений и других активных действий в окружающей среде и характеризуются наличием пространственных координат, как правило, с эгоцентричной точкой отсчета: верх – низ, право – лево, далеко – близко и т.п. С помощью когнитивных карт человек определяет положение отдельных объектов в пространстве [4, с. 48].

Когнитивная лингвистика рассматривает пространство как одну из основополагающих человеческих универсалий наряду с концептами времени, места, истины, человека, языка и т.д. Однако, имея идентичные наборы универсальных концептов, различные этнокультурные сообщества могут формировать особые, характерные только для него взаимоотношения между этими концептами, в результате чего выстраивается основа специфической национальной картины мира. Так, например, если рассматривать концепт «пространство» в общем понимании, то, по мнению Г. Гачева, русский образ пространства связан с горизонтальным, однонаправленным, бесконечным движением (вширь, вдаль, «ровнем-гладнем», по Н. Гоголю), а болгарский образ пространства представляет собой замкнутую космическую сферу [10, с. 95].

Поскольку категоризация пространства происходит главным образом через канал зрительного восприятия, многие исследователи обратили свое внимание на алгоритмы формирования пространственных образов в сознании человека путем обработки зрительных сигналов. Так Р. Джекендофф и Б. Ландау попытались выяснить, каким образом язык, используя внеязыковые представления

о пространстве (spatial cognition), описывает объекты зрительного восприятия, и как с помощью языка мы можем раскрыть и проанализировать характер внеязыковых представлений. В своих исследованиях авторы предпринимают попытку воссоздания концептуальных моделей пространственных отношений между предметами, основываясь на семантике языковых единиц и акцентируя внимание на пространственных предлогах. Для этого, используя свой когнитивный опыт и языковые знания, авторы стремятся определить, какие из всех возможных характеристик пространственного расположения объектов оказывают влияние на семантику пространственных предлогов, а значит, зафиксированы в соответствующих пространственных концептах. Результаты их исследований позволяют предположить, что наиболее значимыми для пространственного восприятия и мышления оказываются такие характеристики, как линейная ориентация, которая отражена, например, в предлогах *in front of, behind, over, above, under, below*; относительная локализация, например, в предлогах *in, inside, on, against, near*; количественные характеристики ориентира, проявляющиеся в предлогах *between, among, amidst* и другие. В основе выделенных характеристик также лежат внеязыковые знания об окружающем мире, в котором когнитивный аппарат человека выделяет особые структуры – концепты, сопоставляемые с вербальными средствами выражения [9, с. 23-24].

Исследованиями пространственных концептов занимался и Л. Талми, который пытался дать описание пространственным категориям, определить их общие основополагающие характеристики и их место в более широких лингво-когнитивных системах. В основе исследования Л. Талми также лежит общекогнитивный взгляд на пространство и пространственные характеристики объектов, релевантность которых для языка считается предопределенной. Среди таких характеристик исследователь выделяет статическое положение объекта в пространстве (*its site when stationary*), траектория движения или путь объекта (*its path when moving*), ориентация объекта в статическом положении и в движении (*its orientation during either state*). В частности, внимание акцентируется на различные пути ос-

мысления объекта и его роли в пространственной схеме. Прежде всего это касается объектов-ориентиров или фона, т.е. тех объектов, относительно которых описывается местонахождение основного объекта или фигуры в пространственной схеме. Позднее в своих работах Л. Талми озвучивает предположение о том, что языковые средства выражения пространственных категорий и отношений в принципе не отражают классические понятия геометрии и физики, такие как абсолютная величина, расстояние, геометрическая форма, плотность, физический состав и т.д., что, по мнению автора, свидетельствует о топографичности языка [Там же, с. 25-26].

Кроме того, Л. Талми вводит понятие «лингвокультурный пред-выбор», которое охватывает процессы, влияющие на выбор пространственного предлога для обозначения определенных отношений между участниками пространственной сцены. Примечательно, что на такие процессы не зависят ни от семантики предлога, ни от объективных характеристик денотата, ни от коммуникативных задач, но основываются на лингвистических и/или культурных особенностях концептуализации денотата. Автор приводит следующие примеры концептуализации ситуации: в английской лингвокультуре автомобиль воспринимается как вместилище или контейнер, а автобус – как плоскость.

A passenger is in a car. – A passenger in on a bus.

A rider gets into/out of a car. – A passenger gets onto/off a bus.

А в немецкой лингвокультуре оба объекта концептуализируются как вместилища [Там же, с. 28].

В отечественном языкознании данный вопрос также не остался без внимания. О.Н. Селиверстова еще в 1975 г. отмечала необходимость выделения особой группы семантических явлений, не зафиксированных в каком-то определенном языковом знаке, но предопределяющих способ репрезентации объекта в рамках ситуации заданного типа. Например, крона дерева может быть представлена в виде трехмерного пространства или некоего контейнера, границу которого формирует внешний слой листьев, а положение объекта на ветке дерева в таком случае описывается как нахождение внутри

этого пространства или контейнера. Именно так это происходит в английском языке, который в подобной ситуации предполагает использование предлога *in* (*There is a bird in the tree*, букв. «В дереве птица»). С другой стороны, выбор предлога может основываться на том, что поверхность ветки является частью общей поверхности дерева, и именно такое видение зафиксировано в русском языке, для которого при описании данной пространственной схемы свойственно употребление предлога «на», соответствующий английскому «on» («Птица сидит на дереве»). При этом следует отметить, что для обозначения ориентира, относительно которого описывается местонахождение объекта, в обоих языках используется именно общее понятие (*tree*, *дерево*), а не его часть (*крона*, *ветка*) [Там же, с. 30-31].

Дж. Лакофф рассматривает концептуальную систему человека с точки зрения ее метафоричности. Он ввел понятие «ориентационной метафоры», представляющей собой особый «вид метафорических концептов, не структурирующих один концепт в терминах другого, а организующих целую систему концептов относительно другой системы». Эти концепты получили свое название благодаря своей связи с ориентацией в пространстве: «верх – низ» «внутри – снаружи», «передняя сторона – задняя сторона», «на поверхности – с поверхности», «глубокий – мелкий», «центральный – периферийный». Такие типы пространственных отношений возникают вследствие того, что человеку присуще тело определенной формы, взаимодействующее с материальным миром [8, с. 35].

Дж. Лакофф утверждает, что такие метафорические ориентации возникают не произвольно, а на основании физического и культурного опыта человека. Несмотря на то, что естественные оппозиции «верх – низ», «внутри – снаружи» и т.п. объективно отражают местонахождение объектов в пространстве, ориентационные метафоры, основанные на этих оппозициях, варьируются от культуры к культуре. Авторы в качестве примера упоминают, что в некоторых культурах будущее воспринимается впереди человека, а в других – позади [Там же].

Также Дж. Лакофф отмечает, что, несмотря на изобилие материала для осмысления концептов в терминах ориентации, концептуализация на основе пространственных категорий не безгранична. Опыт взаимодействия с объектами и веществами физического мира создает другую основу для понимания, которая не ограничивается одной лишь ориентацией. Категоризация опыта с точки зрения объектов и веществ позволяет выделять его части и оперировать ими как единообразными дискретными сущностями или веществами. Как только части человеческого опыта отождествляются с объектами и веществами, возникает возможность обращаться к ним, распределять по категориям, группировать и оценивать их количество и тем самым размышлять о них [Там же, с. 49].

Важно отметить, что даже когда объекты физического мира не дискретны или не имеют выраженных границ, человек концептуализирует их как отдельные объекты с четкими границами. Так, например, горы или углы улиц в действительности не имеют четко выраженных границ, но человек воспринимает их как дискретные объекты, и в его сознании эти объекты имеют четко выраженные начало и конец. Эта особенность восприятия явлений материального мира служит для решения определенных практических задач: определения и описания местонахождения гор, их начала и конца, достижения договоренности о встрече на углах улиц или описания расположения магазина на перекрестке. Постановка целей как важное условие успешной деятельности человека требует создания искусственных границ для материальных явлений, чтобы придать им такую же дискретность, какая присуща человеку как физическому телу, ограниченному наружной поверхностью [Там же].

Среди всех пространственных концептов особый интерес со стороны зарубежных и отечественных исследователей был проявлен к концепту вместилища, о котором Дж. Лакофф также упоминает. Он говорит о том, что люди как физические объекты имеют свои границы и отделены от окружающей среды поверхностью кожи, поэтому воспринимают мир как внешнее пространство, как все, что находится за пределами их самих. На основе такого восприятия возникают

пространственные концепты «внутри – снаружи», которые могут проецироваться на все физические объекты с соответствующими структурными характеристиками. Такие объекты концептуализируются как вместилища с внутренней частью и внешней поверхностью. Примеры явных вместилищ – это комнаты, помещения, дома. Переход из комнаты в комнату можно представить, как движение из одного контейнера в другой. Эта ориентация передается в том числе цельным, т.е. неполым, объектам, например, камням, которые человек может разбить, чтобы посмотреть, что находится внутри них. Элементы природного ландшафта также принимают на себя эту ориентацию: например, поляна в лесу имеет образ ограниченного пространства и в английской лингвокультуре концептуализируется как вместилище (*in the glade*). Однако здесь стоит отметить, что в русском языке концептуализация происходит иначе, поскольку поляна имеет двухмерный образ (на поляне), что не противоречит мысли автора о восприятии границ объектов и об искусственном наложении границ в случае, когда естественные отсутствуют или не выражены. Многочисленные изыскания показывают, что ощущение пространства и ориентация в нем относятся к наиболее глубоко укоренившимся в человеческом мышлении инстинктам. А обособление определенной территории и выстраивание образных границ вокруг нее являются частью процесса количественной оценки [Там же, с. 54].

В последнее время появляется все больше работ, в которых анализируется концептуализация пространства в малочисленных лингвокультурах, и благодаря их результатам относительность универсалий становится все более очевидной. Одна из таких работ принадлежит С.Х. Шихалиевой, и посвящена она анализу лексических способов реализации пространственного дейксиса в дагестанских языках. Автор называет пространственный дейксис «симбиозом языка и сознания». В работе рассматривается сложная многоступенчатая дейктическая система дагестанских языков, которая сформировалась в результате того, что дагестанские народы издавна населяют горные районы со сложным ландшафтом и рез-

кими перепадами высоты. В связи с этим их дейктическая система отражает параметры, которые в лингвокультурах равнинных народов выражаются описательно языковыми средствами общего лексикона. Например, указываются такие параметры, как степень удаленности объекта от говорящего и его расположение относительно говорящего по вертикальной оси (выше, ниже, на том же уровне), видимость или невидимость, важность или неважность объекта. Все эти параметры в дагестанских языках можно выразить с помощью системы указательных местоимений [11, с. 236].

Возможность выявления алгоритмов и характеристик языковой репрезентации пространственных образов, возникающих в результате чувственного восприятия и осмысления пространственных отношений, может появиться при анализе способов языковой репрезентации знания об универсальных пространственных параметрах объектов окружающего мира: форме, границе, удаленности, движении, статичности, протяженности и т.д. При этом важно учесть наличие «внутренних» концептуальных рамок, ограничивающих средства вербализации знаний о воспринимаемом пространстве, которые специфичны для каждого языка. В качестве таких концептуальных рамок рассматриваются пространственные параметры расположения, формы, характера и направления движения. Анализ ментальных образов пространственных сцен позволяет сделать вывод о том, что способы вербализации воспринимаемого пространства основываются не только на объективных пространственных отношениях объектов внешнего мира, но и на средствах познания ситуации в целом, которые сознание использует для моделирования и категоризации мира. Человек структурирует пространство на основе своего восприятия и определения значимости отдельных его элементов, которые в сознании реализуются в виде концептов, для своей жизнедеятельности. В результате процесса структурирования пространства в сознании различаются фон и фигура, верх и низ, правый и левый, впереди и сзади, далеко и близко, а на их основе создается множество производных концептов, таких как подниматься и опускаться, высокий и низкий, широкий и узкий и т.д. [7, с. 36].

Таким образом, результаты многочисленных зарубежных и отечественных когнитивных исследований свидетельствуют о том, что концептуализация и категоризация пространства окружающего мира и пространственных отношений, существующих между объектами в статической и динамической формах, происходят в виде когнитивной переработки информации, поступающей через каналы чувственного восприятия. В результате такой переработки объективная информация «преломляется» в сознании человека под действием коллективного и индивидуального знания, а на ее основе формируются образы-концепты, не являющиеся точным отражением онтологической действительности.

Список литературы

1. Берестнев Г.И. К философии слова (лингвокультурологический аспект) // Вопросы языкознания. 2008. № 1. С. 37-65.
2. Болдырев Н.Н. Концептуально-тематические области языковой картины мира и их интерпретирующая функция // Когнитивные исследования языка. 2014. № 17. С. 33-39.
3. Болдырев Н.Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. № 24. С. 35-48.
4. Бороздина И.С. Пространство как основная категория бытия в языковом отражении // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2012. № 2(12). 2012. С. 5-10.
5. Безукладова И.Ю. Эгоцентрические модели категоризации пространства в немецком языке. Диссертация на соискание степени доктора филологических наук. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина, 2016. 327 с.
6. Букулова М.Г. Номинация пространства и времени (на материале турецкого языка) // Человек. Общество. Инклюзия. 2016. № 1(25). С. 56-61.
7. Колесов И.Ю. Проблемы функционально-когнитивного анализа языка. Барнаул: АлтГПУ, 2016. 171 с.
8. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

9. Маляр Т.Н. Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках. Munchen: Sagner, 1998. 345 с.
10. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. Минск: ТетраСистемс, 2008. 272 с.
11. Шихалиева С.Х. Когнитивный анализ слов пространственного дейксиса в дагестанских языках // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2008. С. 234-236.

References

1. Berestnev G.I. K filosofii slova (lingvokul'turologicheskiy aspekt) [To the philosophy of the word (linguocultural aspect)]. *Voprosi yazikoznaniya* [Linguistic issues], 2008, no. 1, pp. 37-65.
2. Boldirev N.N. Kontseptual'no-tematicheskiye oblasti yazykovoy kartiny mira i ikh interpretiruyushchaya funktsiya [Conceptual and thematic areas of the linguistic picture of the world and their interpreting function]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive language studies], 2014, no. 17, pp. 33-39.
3. Boldirev N.N. Yazyk i struktura soznaniya [Language and structure of consciousness]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive language studies], 2016, no. 24, pp. 35-48.
4. Borozdina I.S. Prostranstvo kak osnovnaya kategoriya bytiya v yazykovom otrazhenii [Space as the main category of being in linguistic reflection]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language theory and intercultural communication], 2012, no. 2(12), 2012, pp. 5-10.
5. Buzukladova I.Y. *Egotsentricheskiye modeli kategorizatsii prostranstva v nemetskom yazyke* [Egocentric models of categorization of space in the German language]. PhD dissertation. Tambov: Tambov State University, 2016, 327 p.
6. Bukulova M.G. Nominatsiya prostranstva i vremeni (na materiale turetskogo yazyka) [Nomination of space and time (based on the Turkish language)]. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya* [Person. Society. Inclusion], 2016, no. 1(25), pp. 56-61.

7. Kolesov I.Y. *Problemy funktsional'no-kognitivnogo analiza yazyka* [Problems of functional cognitive analysis of language]. Barnaul: AltG-PU, 2016, 171 p.
8. Lakoff D. *Metaforы, kotorymi my zhivem* [The metaphors we live by]. Moscow: Yeditorial URSS, 2004, 256 p.
9. Maljar T.N. *Prostranstvenno-distsionnyye predlogi i narechiya v russkom i angliyskom yazykakh* [Spatial-distance prepositions and adverbs in Russian and English]. Munchen: Sagner, 1998, 345 p.
10. Maslova V.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Minsk: TetraSistems, 2008. 272 p.
11. Shihaliyeva S.H. Kognitivnyy analiz slov prostranstvennogo deyksisa v dagestanskikh yazykakh [Cognitive analysis of spatial deixis words in Dagestan languages]. *Mezhdunarodnyy kongress po kognitivnoy lingvistike: sb. materialov* [International congress on cognitive linguistics: collection of materials]. Tambov: TGU Publ., 2008, pp. 234-236.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Шмелева Татьяна Сергеевна, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики, кандидат филологических наук
Удмуртский государственный университет
ул. Университетская, 1, г. Ижевск, Удмуртская Республика,
426034, Российская Федерация
shmelevat@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Shmeleva Tatiana S., Associate Professor, Department of Stylistics and Applied Linguistics, PhD in Philology
Udmurt State University
1, Universitetskaya Str., Izhevsk, Udmurt Republic, 426034, Russian Federation
shmelevat@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-203-215

УДК 81'373:81'255.2

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РУССКИХ РЕАЛИЙ В ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А. БУНИНА

Явари Ю.В., Джафарова Л.А.

Статья посвящена анализу способов перевода на английский язык русских реалий, носителей национального и исторического колорита в произведениях И.А. Бунина «Деревня», «Суходол» и рассказе «Антоновские яблоки».

Цель исследования: *описать и сравнить основные особенности перевода исследуемых лексических единиц и выявить наиболее продуктивные модели перевода реалий.*

Методы исследования. *Исследуемые реалии были определены методом сплошной выборки из повестей русского классика И.А. Бунина «Деревня», «Суходол» и рассказа «Антоновские яблоки». Основу исследования образуют структурный анализ и сравнительно-описательный метод.*

Результаты исследования. *Сопоставительный анализ способов перевода реалий, обозначающих предметы быта, одежду, блюда, сословия, социальные группы и должности, характерные для жизни русской деревни 19 в., показал, что наиболее частотными способами, используемыми переводчиками, являются: транскрипция (как с пояснениями, так и без таковых), гиперонимический перевод, описательный перевод и замена реалии. Авторы статьи рассматривают художественный перевод как базу для пополнения литературного переводящего языка (ПЯ) новыми словами. В заключение сделан вывод, что, используя опыт перевода и опираясь на знание экстралингвистических факторов, можно достичь адекватного перевода.*

Практическое применение результатов. *Результаты исследования могут использоваться при чтении курсов лекций и проведении практических занятий по теории перевода в процессе обучения переводчиков в сфере профессиональной коммуникации.*

Ключевые слова: реалии; перевод реалий; национальный и/или исторический колорит; транскрипция; родовидовая замена; функциональный аналог; замена реалии

INTERPRETATION OF RUSSIAN REALIA IN TRANSLATION OF WORKS BY IVAN BUNIN

Yavari Yu. V., Dzhafarova L. A.

The article is devoted to analyzing the means of translating Russian realia, which represent the national and historical colour, found in the A. Bunin's literary works into English.

*The **purpose** of the article is to describe and compare the peculiarities of translating the lexical units under study and to show the most efficient modes for translating the realia.*

***Methods or methodology of the work.** The realia were found using the sampling method in the stories *Village and Sukhodol* and in the short story *Apple Fragrance* by Ivan Bunin. The research work is based on the structural analysis and comparative-descriptive method.*

***Results.** The comparative analysis of the means of translating the realia denoting everyday life objects, clothes, meals, social classes and groups, as well as professions and positions typical for the Russian village life in the 19th century showed the most frequently used means to be used for the purposes of translation are as follows: transcription, both with explanations and without those, generalization, descriptive translation, replacement of the realia. The authors of the article consider literary translation as a base for adding new words to standard language. The authors make the conclusion that translators are able to achieve adequacy in translation by using their professional experience as well as extralinguistic factors.*

***Practical implications.** The results of the research can be applied in providing lectures and practical classes teaching translators.*

***Keywords:** Realia; translation of realia; national and/or historical colour; transcription; generalization; functional analogue; replacement of realia*

Для более точного и красочного изображения жизни некоего народа авторы художественных произведений используют большое количество реалий, обозначающих предметы быта, явления и понятия культурной, социальной и духовной жизни описываемого народа. В произведениях русской литературы XIX в. можно встретить немало реалий, обозначающих не только предметы быта различных слоев населения (одежда, утварь, транспорт, блюда национальной кухни): *боливар*, *брегет* [7, с. 191], *телогрейка* [Там же, с. 231], *тулуп*, *кушак* [Там же, с. 260], *почтовые* [Там же, с. 187], блины [Там же, с. 221], *квас*, *варенье*, *кибитка*, *дрожки*, но и названия различных национальных религиозных праздников и обрядов: *Масленица*, *День Троицын день* [Там же], *Святки* [Там же], национальных традиций: *хоровод* [Там же], *подблюдны песни* [Там же с. 221]. Немалое количество реалий приходится также на названия различных социальных сословий общества: *барин* [8, с. 14], *барыня* [Там же, с. 31], *попович* [Там же, с. 5], *мужик* [Там же], *девка* [Там же, с. 28], *казачок* [Там же, с. 6], *сыромолотная дворянка* [Там же, с. 31], *степной барин* [Там же, с. 25], *души* (крепостные крестьяне) [Там же, с. 25] и должностей и чинов: *губернский прокурор* [Там же, с. 3], *статский советник* [Там же, с. 5], *ремонтёр* [Там же, с. 8], *чиновник по особым поручениям* [Там же, с. 9], *губернатор* [Там же], *штабс-ротмистр* [Там же], *ремонтёр* [Там же], *чин действительного студента* [Там же, с. 10] и другие. Довольно часто встречаются обозначения различных единиц измерения: длины – *верста* [Там же, с. 4], *сажень*, *пядь*, *аршин*; веса – *пуд*, *фунт*. Многие реалии при переводе на другие языки требуют пояснений для иноязычных читателей, поскольку абсолютно незнакомы им не только из-за отсутствия в языке перевода (ПЯ) лексических единиц, обозначающих данные предметы, явления и понятия, но и из-за отсутствия в жизни народа, как носителя ПЯ, данных референтов. Сегодня в пояснениях могут нуждаться не только иноязычные читатели, но и русскоговорящие вследствие того, что многие из предметов вышли из употребления, и их названия неизвестны современным носителям русского языка.

При переводе на другие языки переводчики должны передать все эти реалии так, чтобы читатель, не отвлекаясь на комментарии внизу страницы или в конце книги и не спотыкаясь о громоздкие транскрипции иностранных слов в тексте, получил наиболее полное и правильное представление о предметах, явлениях и понятиях, характерных для различных областей жизни описываемого народа и передающих национальный, местный или исторический колорит.

В своих произведениях, таких, как повести «Деревня» и «Суходол» и рассказе «Антоновские яблоки», И.А. Бунин рисует картину жизни русской деревни XIX в., описывая быт и устои различных слоев населения России того времени от крестьян до дворянства. Сделать данное описание более красочным и правдоподобным автору помогают многочисленные реалии, названия как самих сословий и социальных групп, так и предметов быта, понятий и явлений социальной, культурной и духовной жизни. В первую очередь, это, конечно, характерные для жителей русской деревни названия одежды и обуви: *понева* [2, с. 24], *кафтан* [Там же, с. 46], *казакин* [Там же, с. 199], *архалук* [Там же, с. 186], *шлык* [Там же, с. 177], *чуни* [Там же, с. 27], *лапти* [Там же, с. 69]; названия блюд и напитков: *кулеши* [Там же, с. 24], *квас* [Там же, с. 29] *ситник* [Там же, с. 28]; названия социальных сословий от самых низших: *мужик* (как представитель русского крестьянства) [Там же, с. 23], [3, с. 58], *холоп* [Там же, с. 191], *дворовые* [Там же, с. 185] до высших слоев: *помещик* [Там же, с. 30], *барин* [Там же, с. 46], *барыня* [Там же, с. 205] *барчук* [Там же, с. 25], *мелкопоместные дворяне* [Там же, с. 35], *столбовые господа* [Там же, с. 173], а так же названия некоторых социальных или религиозных групп: *тархане* [2, с. 23], *однодворки* [Там же, с. 24], *молокане* [Там же, с. 70]; нередко автор использует названия профессий или видов рода деятельности, характерных для сельской местности России того времени: *квасник* [Там же, с. 56], *батрак* [Там же, с. 64], *чумак* [Там же, с. 194].

Для передачи всех этих реалий при переводе романа на английский переводчица О. Шарце использует практически все способы передачи реалий в переводе, предлагаемые болгарскими лингвиста-

ми, теоретиками и практиками перевода С.И. Влаховым и С.П. Флориным [4, с. 89] и советским филологом В.С. Виноградовым [3, с. 118-120], однако довольно часто встречается передача реалий при помощи эквивалентов из лексического состава ПЯ. С одной стороны, данные лексические единицы зарегистрированы в словарях ПЯ и являются частью его лексического состава, но, с другой стороны, данные лексические единицы могут рассматриваться как результат заимствования из другого языка при помощи одного из способов передачи реалий в переводе, например, транскрипции: *сарафан* [4, с. 209] – *sarafan* [13, p. 235]; *квас* [2, с. 29] – *kvas* [10, p. 41]; *кафтан* [3, с. 46] – *kaftan* [17, с. 50]. Так, для передачи названий русской крестьянской одежды и обуви переводчица в большинстве случаев использует гиперонимы: *шаровары* [2, с. 27] (широкие штаны особого покроя, заправляемые в голенища [6, с. 774]) – *trousers* [10, p. 42], *казакин* (полукафтан на крючках со стоячим воротником о оборками сзади [6, с. 224]) – *coat* (пиджак, мундир, китель, куртка) [10, p. 224], *шлык* (славянский головной убор разной жесткости и длины (колпак) [2, с. 177] – *hood* [10, p. 200] *чуни* [Там же, с. 27] (веревочные лапти [6, с. 772]) – *knittedslippers* [10, p. 37], *поддѣвка* [2, с. 35] (длинная верхняя мужская одежда в талию с мелкими сборками [8, с. 461]) – *coat* [10, p. 44] или описательный перевод: *шаровары* [2, с. 27] – *Cossacktrousers* [10, p. 47], *архалук* [2, с. 186] (род короткого кафтана [8, с. 28]) – *housecoat* [10, p. 209], *ланги* [2, с. 69] – *bastshoes* (обувь из лыка) [10, p. 76], иногда переводчица комбинирует два способа передачи реалий, например, для передачи названия рода одежды использует гипероним, а характеристики данной одежды передает описательно, как в случае с *чунями* [2, с. 27]: название данного вида обуви переводчица передает при помощи гиперонима *slippers* [10, p. 37], а материал, из которого изготовлена обувь – описательно: *knitted* (вязаные) [Там же, p. 37], *замашная рубашка* [2, с. 24] (замашный (т.е. сделанный из домотканого холста) в переводе рассказа «Антоновские яблоки» передается комбинацией гиперонима *shirt* и функционального аналога *twill* (саржа) [10, p. 34], т.е. характеристика одежды (домотканый холст)

заменяется на другую (саржа), хотя в переводе повести «Деревня» данную реалию [3, с. 145] переводчица передает как *greyshirt* [10, p. 163], сочетая гипероним и замену характеристики, так же и реалия *понева* (домотканая шерстяная юбка у южнорусских крестьянок [6, с. 484]) [2, с. 24] передается как *skirtofmauve* [10, p. 34], т.е. в переводе присутствует гипероним *skirt* (юбка) и ее характеристика, но не по материалу, как в оригинале, а по цвету.

Довольно часто переводчики выбирают разные способы для передачи одной и той же реалии. Так, например, О. Шарце для передачи реалии *поддевка* [3, с. 35] (длинная верхняя мужская одежда в талию с мелкими сборками [8, с. 461]) при переводе рассказа «Антоновские яблоки» выбирает гипероним *coat* [10, p. 44] и переводческую (первичную) транскрипцию [11, с. 222] *poddyovka* с пояснением данной реалии в виде сноски (*a long collarless coat, fitted and gathered at the waist*) [10, p. 42]), а при переводе повести «Деревня» [3, с. 79] данная реалия также передается при помощи транскрипции, но поскольку пояснение уже приводилось в предыдущем рассказе, переводчица не приводит никаких пояснений [10, p. 84].

Для передачи названий различных сословий и групп населения России XIX в. переводчица использует практически все возможные способы из арсенала средств перевода реалий. Так, название русского крестьянина *мужик* [2, с. 23] она передает при помощи гиперонима *peasant* (крестьянин) [15, p. 33; 10, p. 47]. В данном случае выбор гиперонимического перевода кажется удачным решением переводческой задачи несмотря на то, что в ПЯ существует эквивалент данной русской реалии – *muzhik* (a Russian peasant [12, p. 899]. Возможно, что переводчица не была уверена, что данная заимствованная лексическая единица хорошо знакома потенциальным читателям английского перевода, и поэтому выбрала гипероним *peasant* в качестве более понятного варианта.

Для передачи в рассказе «Антоновские яблоки» реалии *помещик* [2, с. 30] О. Шарце использует эквивалент, имеющийся в ПЯ – *landowner* [10, p. 41], а при переводе повести «Деревня» ту же реалию [3, с. 47] передает при помощи уже другого эквивалента из

лексического запаса ПЯ – *landlord* [10, p. 51]; характеристику дворянства *мелкопоместный* [2, с. 35] переводчица передает описательно – *small-estate owner* (владелец маленького поместья) [10, p. 47]. Для передачи в переводе рассказа «Антоновские яблоки» русской реалии *барин* [2, с. 37] переводчица прибегает к помощи эквивалента из ПЯ – *master* [10, p. 48] (*a man who has people working for him, especially servants or slaves*), а в переводе повести «Деревня» заменяет данную русскую реалию [2, с. 46] реалией из лексического состава ПЯ – *squire* [10, p. 50]. Такая замена в данном случае кажется необоснованной, поскольку она может привести к стиранию оригинального национального колорита либо его подмене национальным колоритом страны, на язык которой осуществляется перевод, из-за ярко выраженного национального характера обеих реалий. Хотя читатели перевода, встретив в тексте знакомую лексическую единицу, быстрее поймут, о чем идет речь. Таким образом, можно утверждать, что при передаче данной реалии переводчица сделала выбор в пользу решения первой из проблем, связанных с передачей реалий в переводе, а именно передачи лексического значения переводимой реалии при отсутствии однословных словарных эквивалентов в ПЯ, забыв при этом о важности сохранения национального колорита в переводе, носителями которого и являются реалии, ради которого их и вводят в текст авторы произведений.

Реалию *барчук* и при переводе рассказа «Антоновские яблоки» [2, с. 25], и при переводе повести «Деревня» [2, с. 48] переводчица передает описательно (*youngmaster* [2, с. 35] и *young gentleman* [10, p. 50] соответственно), а реалия *барыня* [2, с. 205] передается как *mistress* (хозяйка, госпожа), [10, p. 231], т.е. при помощи эквивалента. Такой титул, как *столбовые* (столбовые господа) [2, с. 173] в переводе повести «Суходол» передается описательно – *gentlefolk* (благородные люди) [10, p. 195], название прислуги в помещичьем доме *дворовые* [2, с. 185] и *дворня* [2, с. 46] передаются описательно – *house servants* (домашние слуги) [10, p. 207] *household serfs* (домашние крепостные) [10, p. 50], реалия *холоп* [2, с. 91] передается при помощи перевода толкования реалии – *menial* [10, p.

215] (лакей, прислуга, чернорабочий). Многочисленные названия профессий или родов деятельности передаются либо описательно *батрак* [2, с. 64] – *hired outsider* [17, p. 70], либо посредством перевода пояснения *квасник* [2, с. 54] – *kvas hawker* [17, p. 59]. В случае передачи реалии *квасник* в переводе пояснения присутствует эквивалент из лексического состава ПЯ – *kvas*, который можно считать «словарной транскрипцией» [9, с. 222].

Кроме этих способов передачи реалий переводчица прибегает к помощи и других средств. Так, для передачи лексической единицы *извозчик* [2, с. 57] используется замена реалии исходного языка (ИЯ) реалией ПЯ *cabman* [10, p. 63], что, как и в случае с парой реалий *барин* – *squire*, ведет к утрате национального колорита оригинала в переводе.

В рассматриваемых произведениях встречаются названия некоторых сословий: *тархане* (некоторые лица, свободные от всяких податей и имеющие право быть судимыми только государем [14]) [2, с. 23], *однодворки* (девушки из семей однодворцев) [Там же, с. 24] и *молокане* (представители религиозного течения) [3, с. 70], способные вызвать затруднения в понимании даже у русскоязычных читателей, если только они не являются специалистами в области истории, поскольку данные лексические единицы вследствие исчезновения самих референтовна сегодняшний день представляют собой историзмы. К сожалению, русскоязычное издание не было снабжено никакими комментариями или пояснениями, и читателям приходится либо обращаться за пояснениями к справочникам и энциклопедиям, либо догадываться о значении данных лексических единиц исключительно по контексту. В подобных случаях наиболее подходящим кажется описательный перевод, т.е. перевод толкований, однако О. Шарце отдает предпочтение другому способу, а именно «переводческой» транскрипции [11, с. 222]: *tarkhane* [10, p. 33] и *molokan* [17, p. 77] соответственно. Следует отметить, что такой способ передачи реалий не только не знакомит читателей перевода с иноязычными реалиями, т.к. читатели получают представление лишь о внешнем облике

слова, которое бесполезно без толкования его значения, но и загромождает текст перевода плохо воспринимаемыми иноязычными читателями транскрипциями иностранных слов. Обозначение дочерей из семей определенного сословия (*девки-одноворки* [2, с. 24]) вновь передается описательно – *daughters of odnovortsi* [10, р. 34] с использованием «переводческой» транскрипции, однако переводчица, вводя в текст транскрибированные русские лексические единицы, приводит пояснение в сноске (*families who in the 17th century were settled in «outlying» districts, mainly Tambov, Voronezh and adjacent gubernias. They claimed noble descent, some owned serfs*”, and enjoyed certain special rights [10, р. 34]). При переводе романа Ф.М. Достоевского “Бедные люди” эта же переводчица также использует “переводческую” транскрипцию *venchik* для передачи лексической единицы *венчик* [5, с. 41] (в православии бумажная или тканевая лента, полагаемая на лоб умершего при погребении после омовения тела в сочетании с пояснением “*a satin or paper ribbon with the images of Jesus Christ, the Virgin and Apostle John placed on the forehead of the deceased in accordance with the custom of the Greek Orthodox Church* [11, р. 46].

При переводе различных реалий в произведениях И.А. Бунина О. Шарце прибегает и к помощи других способов передачи реалий. Так, например, название блюда *кулеш* (жидкая пшенная каша [6, с. 268]) [2, с. 24] переводчица передает при помощи функционального аналога, т.е. замены названия одного блюда на название другого, сходного с блюдом из оригинала – *stew* (жаркое) [10, р. 34]. Примечательно, что в данном случае название блюда, упоминаемого в переводе, не обладает никаким национальным колоритом и не влияет на сюжет произведения, поэтому такая замена вполне оправдана и закономерна.

Название религиозной книги *требник* [2, с. 33] переводчица передает описательно – *prayer-book* (книга молитв) [10, р. 45]. Для передачи названия русского напитка *красный квас* [2, с. 29] переводчица сочетает словарную транскрипцию *kvas* с характеристикой *red* (*red kvas*) и приводит в сноске пояснение данной характеристики (*a drink made, in this case, of fermented beetroot*) [10, р. 41].

Лексическую единицу *махорка* (курительный табак низшего сорта [6, с. 294]) [2, с. 35] переводчица также передает при помощи транскрипции – *makhorka* [15, р. 47], однако такой способ передачи реалий не дает читателям перевода представления о иноязычных реалиях, поскольку они знакомятся лишь с внешней формой лексической единицы, которая не поясняет им ее значение.

В речи героев рассказа «Антоновские яблоки» И.А. Бунин использует территориальное название некоторых сортов небольших груш [6, с. 156] – *дуля* [2, с. 29]. Локализмы, т.е. слова (или выражения), употребление которых ограничено определенной областью или городом и которые неизвестны в литературном образце данного языка [1, с. 222], как и реалии, как правило, не имеют однозначных эквивалентов в ПЯ. Но локализмы имеют эквиваленты в литературном языке, которые, в свою очередь, без особых затруднений могут быть переведены на другой язык. Таким образом, при их переводе основной трудностью для переводчика, особенно не носителя ИЯ, является определение эквивалента локализма в литературном образце языка, с чем О. Шарце справляется, передавая локализм *дуля* как *pear* (груша) [15, р. 40], т.е. переводит в словарном порядке эквивалент локализма из литературного языка (груша).

При анализе способов передачи реалий в переводах повестей И.А. Бунина «Деревня и «Суходол» и рассказа «Антоновские яблоки», выполненных переводчицей О. Шарце, можно отметить, что в случае удачного выполнения задачи передачи русских реалий на ПЯ переводчица довольно часто использует эквиваленты переводимых реалий, имеющиеся в ПЯ. Кроме этого, отмечены случаи использования таких приемов передачи реалий в переводе, как гиперонимический перевод: поддевка – *coat*; функциональная замена: кулеш – *stew*; замена реалии ИЯ на реалию ПЯ: барин – *squire*; описательный перевод: дворовые – *houseservants* «переводческая» транскрипция, как с пояснениями в сноске: однодворцы – *odnodvortsii*; поддевка – *poddyovka*, так и без таковых: тархане – *tarkhane*; махорка – *makhorka*.

Таким образом, при рассмотрении вариантов перевода художественных произведений И.А. Бунина и сравнении передачи реалий

можно прийти к выводу о необходимости комментария даже при эквивалентном или адекватном переводе. Также следует признать, что, хотя выбор того или много способа передачи реалий не всегда можно считать удачным переводческим решением, в целом переводчица справилась со своей задачей, т.к., не считая незначительных моментов, читатели перевода могут получить вполне достоверную и красочную картину жизни в русской деревне XIX в.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 576 с.
2. Бунин И.А. Повести и рассказы. / Сост., предисл. и комм. А. Саакянц. М.: Правда, 1982. 576 с. С. 23-37.
3. Виноградов В.С. Перевод. Романские языки: общие и лексические вопросы. 5-е изд. М.: КДУУ, 2009. 238 с.
4. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. Изд. 4-е М.: Р. Валент, 2009. 360 с.
5. Достоевский Ф.М. Бедные люди. Белые ночи. Униженные и оскорбленные. / Прим. Н. Будановой, Е. Семенова, Г. Фридлендера. М.: Правда, 1987. 480 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.
7. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Сочинения. В 3-х т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1986. 527 с.
8. Тургенев И.С. Дворянское гнездо. Роман. М.: «Дет. лит.», 1974. 176 с.
9. Явари Ю.В. Транскрипция как один из способов передачи реалий в переводе // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2017. № 2. С. 219-224.
10. Bunin I. Stories and Poems. (translated from Russian). Moscow: Progress Publishers. 1979. 512 p.
11. Dostoyevsky F. *Povesti. irasskazi*[Short novels and stories]. Moscow: Raduga publishers, 1990, 354 p.

12. Concise Oxford Dictionary, the 4-th ed. Oxford University Press, 1995. 1674 p.

References

1. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Izd. 5-e. Moscow: Knizhnyydom «LIBROKOM», 2010, 576 p.
2. Bunin I.A. *Povesti i rasskazy* [Short novels and stories]. Sost., predisl. ikomm. A. Saakyants. Moscow: Pravda, 1982, 576 p.
3. Vinogradov V.S. *Perevod. Romanskije yazyki: obshchie i leksicheskie voprosy* [Translation. The Romanic languages: general and lexical issues]. Moscow: KDUU, 2009, 238 p.
4. Vlahov S.I., Florin S.P. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow: R. Valent, 2009, 360 p.
5. Dostoyevskiy F.M. *Bednye lyudi. Belye nochi. Unizhennye i oskorblennye* [Poor people. White nights. Humiliated and insulted]. Moscow: Pravda, 1987, 480 p.
6. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka: Ok. 57 000 slov* [Dictionary of the Russian language: about 57,000 words]. Moscow: Rus. yaz., 1986, 797 p.
7. Pushkin A.S. Yevgeniy Onegin [Eugene Onegin]. *Sochineniya v 3 t. T. 2* [Works in 3 volumes. Volume 2]. Moscow: Khudozh. lit., 1986, 527 p.
8. Turgenev I.S. *Dvoryanskoye gnezdo. Roman* [A Nest of the Gentry. Novel]. Moscow: "Det. lit.", 1974, 176 p.
9. Yavari Yu.V. *Transkripcija kak odin iz sposobov peredachi realij v perevode* [Transcription as one of the modes of expressing realia in translation]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philology], 2017, no. 2, pp. 219-224.
10. Bunin I. *Stories and Poems*. (translated from Russian) Moscow: Progress Publishers. 1979. 512 p.
11. Dostoyevsky F. *Povesti i rasskazy* [Short novels and stories]. Moscow: Raduga publishers, 1990, 354 p.
12. Concise Oxford Dictionary, the 4-th ed. Oxford University Press, 1995, 1674 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Явари Юлия Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков
*Тверской государственной технической университет
наб. А. Никитина, 22, г. Тверь, 170026, Российская Федерация
juliavy@yandex.ru*

Джафарова Любовь Алексеевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков
*Тверской государственной технической университет
наб. А. Никитина, 22, г. Тверь, 170026, Российская Федерация
lubajafarova@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Yavari Yulia V., Senior Lecturer of the Foreign Languages Subdepartment
*Tver State technical University
22, Naberezhnaya A. Nikitina, Tver, 170026, Russian Federation
juliavy@yandex.ru
SPIN-code: 5075-0322
ORCID: 0000-0003-3673-4770*

Dzhafarova Lyubov' A., Senior Lecturer of the Foreign Languages Subdepartment
*Tver State technical University
22, Naberezhnaya A. Nikitina, Tver, 170026, Russian Federation
lubajafarova@mail.ru
SPIN-code: 1485-2494*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ
ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ВИРТУАЛЬНОСТЬ И СЕТЬ: О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СООБЩЕСТВАХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ (ОТВЕТ НА МОНОГРАФИЮ М.Г. БРЕСЛЕРА «ОНТОЛОГИЯ СЕТЕВОГО БЫТИЯ»)	
Демичев И.В.	14

ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ СТАРЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ	
Пашина Л.А.	38

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АФОРИЗМОВ О. УАЙЛЬДА	
Боровкова Е.Р.	55

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРИКАТУРА КАК ЖАНР ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА В СТРУКТУРЕ ПРОПАГАНДИСТСКОГО ДИСКУРСА	
Вагизова В.В.	71

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ	
Косяченко А.Н., Сапун Т.В.	92

ДЕСПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	
Лубожева Л.Н.	102

ПОДХОДЫ К ПЕРЕВОДУ ЮМОРА ПРИ АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ	
Маник С.А., Краснова А.В.	111

РЕГУЛЯТИВНОСТЬ НЕЙТРАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В КОНТЕКСТЕ АВТОРСКОГО ИДЕОСТИЛЯ Моргоева Л.Б.	129
О СИНОНИМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ В ОХОТНИЧЬЕЙ ЛЕКСИКЕ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА Нестерова Е.В.	144
КОНСОНАНТНЫЙ ТИП БУКВЕННОЙ АББРЕВИАЦИИ В АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ Синенко Т.Н.	152
ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТЕКСТОВ СЛУХОВ О СЕЛЕБРИТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ Хакимова Г.Ш.	164
КОНЦЕПТ <i>ЗДОРОВЬЕ</i> И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПАРЕМИЯХ НЕМЕЦКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ Чайко Н.Н., Муриева М.В.	179
ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЯЗЫКЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВИСТИКИ Шмелева Т.С.	190
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РУССКИХ РЕАЛИЙ В ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А. БУНИНА Явари Ю.В., Джафарова Л.А.	203
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	216

CONTENTS

PHILOSOPHICAL STUDIES

VIRTUALITY AND NETWORKING:
ABOUT THE SOCIO-CULTURAL COMMUNITIES
OF THE INFORMATION AGE (ANSWER TO M. G. BRESLER'S
MONOGRAPH 'THE ONTOLOGY OF NETWORK EXISTENCE')

Demichev I.V. 14

THE MAIN RESEARCH TOPICS OF THE SOCIAL ASPECTS
OF AGEING IN A FOREIGN SCIENCE

Pashina L.A. 38

LANGUAGE STUDIES

STRUCTURAL-SEMANTIC AND LINGUISTIC-STYLISTIC
FEATURES OF O. WILDE'S MAXIMS

Borovkova E.R. 55

POLITICAL CARTOON AS A GENRE OF POLYCODE TEXT
WITHIN THE PROPAGANDA DISCOURSE

Vagizova V.V. 71

WAYS OF TRANSLATING INTERNET MEMES FROM ENGLISH
INTO RUSSIAN

Kosyachenko A.N., Sapukh T.V. 92

DESPECIALIZATION OF ECONOMIC TERMINOLOGY

Lubozheva L.N. 102

APPROACHES TO HUMOR TRANSLATION IN AUDIOVISUAL
TRANSLATION

Manik S.A., Krasnova A.V. 111

REGULATION POTENTIAL OF NEUTRAL VOCABULARY IN THE CONTEXT OF THE AUTHOR'S IDEOSTYLE Morgoeva L.B.	129
ON SYNONYMS IN THE HUNTING VOCABULARY OF THE EVEN LANGUAGE Nesterova E.V.	144
CONSONANT TYPE OF LETTER ABBREVIATION IN ENGLISH TERMINOLOGY Sinenko T.N.	152
FUNCTIONAL AND PRAGMATIC ASPECT OF CELEBRITY GOSSIP TEXTS IN THE ENGLISH LANGUAGE MASS MEDIA DISCOURSE Khakimova G.Sh.	164
REPRESENTATION OF <i>HEALTH</i> CONCEPT IN GERMAN AND FRENCH PAROEMIAS Chaiko N.N., Murieva M.V.	179
SPATIAL RELATIONS IN LANGUAGE FROM THE POINT OF VIEW OF MODERN COGNITIVISM Shmeleva T.S.	190
INTERPRETATION OF RUSSIAN REALIA IN TRANSLATION OF WORKS BY IVAN BUNIN Yavari Yu.V., Dzhafarova L.A.	203
RULES FOR AUTHORS	216

Подписано в печать 30.06.2021. Дата выхода в свет 30.06.2021. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 16,10. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP132/021. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.